

#1 NEW YORK TIMES BESTSELLER

РОБЕРТ ДЖОРДАН

ВЕЛИКАЯ ОХОТА

КОЛЕСО ВРЕМЕНИ

Книга 2

Колесо Времени

Роберт Джордан

Великая охота

«Азбука-Аттикус»

1990

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445

Джордан Р.

Великая охота / Р. Джордан — «Азбука-Аттикус»,
1990 — (Колесо Времени)

ISBN 978-5-389-18191-5

Рог Валир – легендарный Рог, обретенный Рандом и его спутниками возле Ока Мира, величайшего источника Силы, и способный призвать на Последнюю битву с Темным героев былых эпох, – похищен приспешниками Тьмы. Великая охота за Рогом, описанная когда-то в легендах, возвращается на новый виток, и тот, на чьей стороне выступят возрожденные герои, окажется победителем в битве за власть над миром. События ужесточаются тем, что на материк возвращаются потомки тех воинов, которых в давние времена король Артур Ястребиное Крыло послал завоевывать земли за океаном, и их требование – вернуть обратно территории предков. И этим воинам все равно, за кого они будут воевать... В настоящем издании тексты романов, составивших знаменитую эпопею «Колесо Времени», заново отредактированы и исправлены.

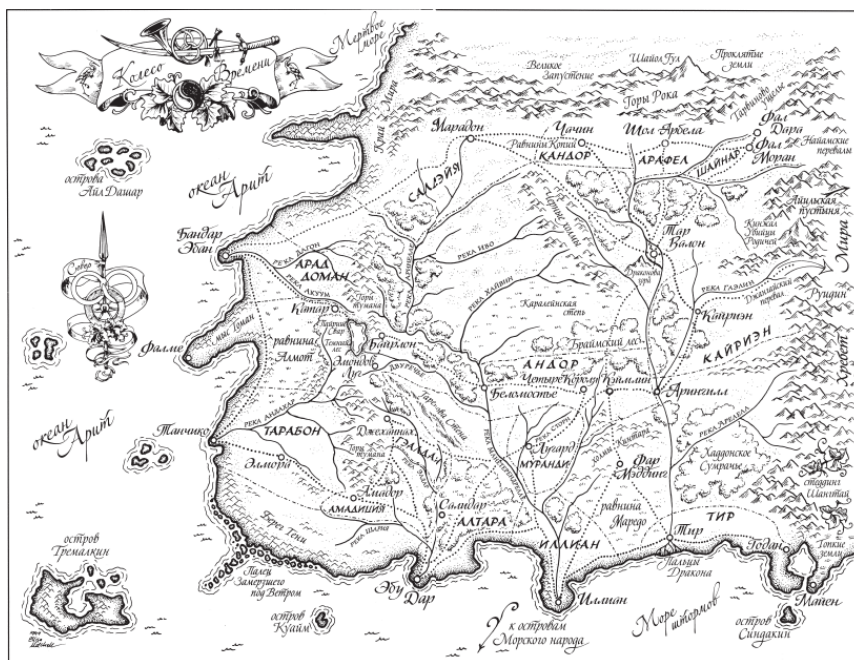
УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445

ISBN 978-5-389-18191-5

© Джордан Р., 1990
© Азбука-Аттикус, 1990

Содержание

Пролог	7
Глава 1	16
Глава 2	23
Глава 3	32
Глава 4	46
Глава 5	57
Глава 6	70
Глава 7	83
Глава 8	95
Глава 9	111
Конец ознакомительного фрагмента.	117

Роберт Джордан Колесо Времени Книга 2 Великая охота

Эта книга посвящается Люсинде Калтин, Алу Демпси, Тому Догерти, Сюзан Ингланд, Дикю Галлену, Джону Джарольду, «Парням из Джонсон-Сити» (Майку Лесли, Кеннету Лавлесу, Джеймсу Д. Ланду, Полу Р. Робинсону), Карлу Лундгрену, «Монтанской шайке» (Элдону Картеру, Рэю Гренфеллу, Кену Миллеру, Роду Муру, Дикю Шмидту, Рэю Сэнионсу, Эду Уайлди, Майку Уайлди и Шерману Уильямсу), Уильяму Макдугалу, Луизе Шивс Попхэм Раоул, Тэду и Сидни Ригни, Роберту А. Т. Скотту, Брайану и Шэрон Уэбб и Хэзер Вуд.

Они пришли мне на помощь, когда Господь прошел по воде и подлинное Око Мира прошло через мой дом.

Роберт Джордан Чарлстон, Южная Каролина Февраль 1990 г.

И свершится так, что созданное людьми будет разрушено, и Тень проляжет чрез Узор эпохи, и Темный вновь наложит длань свою на мир людей. Жены возрыдают, а мужей охватит ужас, когда государства земные распадутся, будто сгнившая ветошь. Ничто не устоит и не уцелеет...

Но будет рожден один, дабы встретить не дрогнув Тень, рожден вновь – как был рожден прежде, и будет рожден опять, и так бесконечно. Возрожден будет Дракон, и при его новом рождении станут причитать и скрипеть зубами. В рубище и пепел облачит он людей и своим явлением вновь расколет мир, разрывая скрепляющие узы. Словно раскованная заря, ослепит он нас и опалит нас, но в то же время Дракон Возрожденный встанет против Тени в Последней битве, и кровь его

дарует нам Свет. Пусть струятся слезы, о люди мира! Восплачьте свое спасение.

***Из «Кариатонского цикла: Пророчества о Драконе»,
как переведено Эллейн Марис'идин Алиинн,
главным библиотекарем при дворе Арафела,
в год Благодати Создателя 231-й
Новой эры, Третьей эпохи***

© Т. А. Велимеев, перевод, 1996, 2020

© А. Ю. Сизиков, перевод, 1996, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2020

Издательство АЗБУКА®

Пролог В тени

Человек, который – по крайней мере, здесь – называл себя Борс, кривил в усмешке губы, а вокруг приглушенным гусиным гоготом раскатывалось в сводчатом зале негромкое жужжание голосов. Закрывающая все лицо черная шелковая маска – ничем не отличающаяся от тех, что скрывали сотню лиц в зале, – прятала презрительную гримасу. Сотня черных масок и сотня пар глаз, пытающихся разглядеть то, что находится под масками.

Громадная комната, если не приглядываться с особым вниманием, вполне могла сойти за один из дворцовых покоев: высокие мраморные каминь, свисающие с купола-потолка золотые лампы, многоцветные гобелены, выложенный замысловатым узором мозаичный пол. Но только если не приглядываться. Каминь были холодны. На толстых, с ногу человека, поленьях плясали языки пламени, но тепла не давали. Стены под гобеленами, потолок, высоко над лампами, – неотделанный, почти черный камень. Окон не было совсем, лишь два дверных проема в противоположных концах помещения. Выглядел зал так, будто кто-то предполагал придать ему сходство с дворцовой приемной, но не удосужился придать ему достоверность бо́льшую, чем свойственна беглому наброску.

Где находится этот зал, человек, который называл себя Борс, не знал – и не думал, что об этом известно хоть кому-то из остальных. Ему даже размышлять было неприятно о его местоположении. Достаточно и того, что он был вызван сюда. Об этом ему тоже не нравилось думать, но на подобное приглашение даже он не смел ответить отказом.

Он поддержал плащ, мысленно поблагодарив огонь за холод. Было бы слишком жарко под черной шерстяной тканью, скрывающей его фигуру до самого пола. Вся его одежда была черной. Многочисленные толстые складки прятали под собой ссутуленные плечи – так он маскировал свой рост – и не позволяли определить, толст он или худ. Здесь не он один завернулся чуть ли не в штору ткани.

Молча он рассматривал своих сотоварищей. Бо́льшая часть его жизни прошла под знаком терпения. Всегда – если он выжидал и наблюдал достаточно долго – кто-то допускал ошибку. Большинство присутствующих тут мужчин и женщин исповедовали тот же жизненный принцип; они наблюдали и молча слушали тех, кто говорил. Некоторые люди не выносят ожидания или молчания, и потому они выдают больше, даже не осознавая того.

Среди гостей скользили слуги – стройные золотоволосые юноши и девушки, – предлагавшие с поклоном и бессловесной улыбкой вино. Похожие друг на друга, они носили обтягивающие белые бриджи и свободные белые блузы. И двигались они все с волнующей грацией. Каждый походил на другого, словно отражение в зеркале, юноши столь же красивы, как пре-

красны девушки. Вряд ли он смог бы отличить одного от другого, а ведь он обладал острым, цепким взором и хорошей памятью на лица.

Облаченная во все белое, улыбающаяся девушка предложила ему поднос с хрустальными бокалами. Он взял один, нисколько не намереваясь пить; если он совсем отвергнет вино, отказ может показаться знаком недоверия – а то и хуже, и любой неверный шаг мог оказаться здесь смертельно опасным, – но в питье можно подсыпать что угодно. Наверняка кто-нибудь из его сотоварищей не станет возражать, если число соперничающих за власть уменьшится, а кому именно не повезло – какая разница?

От нечего делать он стал гадать, придется ли избавляться от слуг после этого собрания. «Слуги слышат все». Когда прислуживающая девушка, поклонившись, выпрямилась, его взгляд встретили ее глаза на мило улыбающемся лице. Ничего не выражающие глаза. Пустые глаза. Глаза куклы. Глаза более мертвые, чем смерть.

Она изящно отошла, он вздрогнул и поднес бокал к губам, спохватившись в последний момент. Похолодел он вовсе не от того, что сделали с девушкой. Просто всякий раз, когда он полагал, что выявил слабое место у тех, кому теперь служил, обнаруживалось, что его опередили: эта слабость отсекалась с безжалостной точностью, которая изумляла его. И тревожила. Первым правилом его жизни было всегда выискивать слабости других, поскольку любая из слабостей – щель, через которую он мог выведывать, подсматривать, воздействовать. Если у его нынешних хозяев нет слабых мест...

Хмурясь под маской, он изучал своих сотоварищей. Тут-то, по крайней мере, слабых мест в избытке. Нервозность предавала их, даже тех, у кого доставало ума следить за языком. Натянутость в том, как тот держит себя, судорожность в движениях у той, что приподнимает при ходьбе юбки.

Добрая четверть из присутствующих, как он прикинул, не побеспокоилась о маскировке более серьезной, чем черные маски. Одежда говорила о многом. У стены, возле бордово-золотого драпри, стояла женщина и тихо разговаривала с особой, облаченной в серый плащ с низко надвинутым капюшоном, – мужчина это или женщина, определить было невозможно. Женщина явно выбрала это место из-за того, что цвета гобелена подчеркивали ее наряд. Вдвойне глупо привлекать к себе внимание, так как и без того низко вырезанный лиф, выставивший напоказ слишком много плоти, и укороченный подол, открывающий расшитые золотом мягкие туфли, говорили о том, что она – из Иллиана, причем женщина богатая, возможно даже благородной крови.

Неподалеку от иллианки одиноко и примечательно молчаливо стояла другая женщина. С лебединой шеей и блестящими черными волосами, волнами ниспадающими до талии, она стояла, прислонившись спиной к стене и наблюдая за всем. Никакого волнения, лишь спокойное самообладание. Весьма похвально, однако ее медного оттенка кожа и кремового цвета одеяние с высоким воротом – не оставлявшее открытым ничего, кроме рук, но облегающее и полупрозрачное настолько, что, намекая на все, не выдавало ничего, – не оставляли сомнений в том, что та, кто его носит, – из знатнейших родов Арад Домана. В подтверждение этих догадок широкий золотой браслет на левом запястье женщины нес эмблемы ее Дома. Они должны быть эмблемами ее собственного Дома; ни один из родовитых домани не поступит своей несгибаемой гордостью настолько, чтобы носить знаки другого Дома. Это даже не глупость, это еще хуже...

Мимо Борса, окинув его с головы до ног настороженным взглядом сквозь прорези маски, прошел человек в небесно-лазорево-шайнарском кафтане со стоячим воротом. Осанка мужчины выдавала в нем солдата: разворот плеч, пристальный взгляд, никогда не задерживающийся на одной точке надолго, постоянная готовность выхватить меч, которого сейчас не было, – все свидетельствовало о том. На человека, который называл себя Борс, шайнарец не потратил много времени: сутулые плечи и согбенная спина не таили в себе угрозы.

Человек, который называл себя Борс, хмыкнул, когда шайнарец двинулся дальше, сжимая правую руку в кулак и уже изучая взглядом других, высматривая опасность в ином месте. Можно было разгадать каждого из них – вплоть до положения в обществе и из какой они страны. Купец и воин, простолюдин и благородный. Из Кандора и Кайриэна, Салдэи и Гэалдана. Из всех стран и почти из каждого народа. Нос его сморщился от внезапно нахлынувшего отвращения. Даже Лудильщик тут, в ярко-зеленых шароварах и ядовито-желтой куртке. «Придет День, и мы без *этих* обойдемся».

Те, кто удосужился переодеться, замаскировались не лучше, многие из них лишь завернулись в длинные плащи. Под краем одной из темных мантий он уловил промельк отделанных серебром сапог благородного лорда Тира, а под другой заметил блеснувшие золотом шпоры в виде львиных голов, которые носят лишь высшие офицеры андорской гвардии королевы. Стройный мужчина – стройный даже в волочащейся по полу черной широкой одежде и безликом сером плаще, заколотом простой серебряной фибулой, – следил за всем из тени низко надвинутого капюшона. Он мог быть кем угодно, откуда угодно... вот только на правой руке у него, между большим и указательным пальцем, вытатуирована шестиконечная звезда. Значит, он – из Морского народа, и взгляд на его левую руку сказал бы по знакам на ней все о его клане и происхождении, о роде занятий. Человек, который называл себя Борс, просто не захотел этим себя утруждать.

Вдруг его глаза сузились, когда взгляд впился в женщину, закутанную с головы до пят в черное. На оставшейся не закрытой тканью правой руке блеснуло золотое кольцо в виде пожирающего собственный хвост змея. Айз Седай или, по крайней мере, обученная в Тар Валоне у Айз Седай. Никто другой не стал бы носить такое кольцо. Для него между этими двумя не существовало никакого различия. Он отвернулся, прежде чем она успела заметить его взгляд, и почти сразу же увидел вторую женщину, облаченную также в черное и с кольцом Великого Змея на пальце. Две ведьмы ничем не выказывали, что знают одна другую. Сидят в Белой Башне, будто пауки в центре тенет, дергая за нити и заставляя плясать, как им угодно, королей и королев, вмешиваясь не в свои дела. «Будь они прокляты в вечной смерти!» Он понял, что скрежещет зубами. Если число наше должно быть уменьшено – а так и должно быть в преддверии Дня, – есть некоторые, без кого можно будет обойтись, и Лудильщики – не первые среди них.

Раздался звон колокола – одиночная дрожащая нота, донесшаяся сразу отовсюду и будто ножом отрезавшая все прочие звуки.

Высокие двери в дальнем конце зала распахнулись настежь, и в них вступили два троллока в свисающих до колен черных кольчугах, на которых поблескивали шипы. Все люди отпрянули. Даже человек, который называл себя Борс.

Голова и плечи троллоков возвышались над самым рослым человеком в зале, и троллоки являли собой тошнотворную помесь зверя и человека, человеческие лица – искаженные и перекроенные. У одного на месте рта и носа торчал тяжелый острый клюв, а вместо волос торчали перья. Второй ступал на копытах, лицо выдавалось вперед косматым рылом, а над ушами торчали козлиные рога.

Игнорируя людей, троллоки повернулись к дверям и поклонились, подобострастно и раболепно. Перья одного встали плотным гребнем. Меж троллоками шагнул мурддраал, и они пали на колени. Исчезающий был облачен в черное, по сравнению с его одеждой троллоковы кольчуги и маски людей казались яркими пятнами. Одевания его свисали, не шелохнувшись, ни единая морщинка не пробежала по ним, когда он двигался с грацией гадюки.

Человек, который называл себя Борс, почувствовал, как его губы оттягиваются, обнажая зубы, наполовину в рычании и наполовину – как он ни стыдился признаться в этом даже себе – от страха. Лицо мурддраала не было скрыто ничем. Болезненно-бледное лицо, человеческое лицо, но, будто яйцо, безглазое, похожее на личинку могильного червя.

Гладкое белое лицо медленно повернулось, словно рассматривая людей одного за другим. Заметный трепет пробежал по собравшимся в зале вслед за этим безглазым взором. Тонкие, бескровные губы язвительно вывернулись, что можно было почти счесть за улыбку, но, один за другим, люди в масках старались отступить, вжаться в беспорядочно кружащую толпу, стремясь не попасть под этот взор. После взгляда мурддраала у двери образовался полукруг.

Человек, который называл себя Борс, сглотнул комок в горле. «Придет День, Получеловек, когда вновь явится Великий повелитель Тьмы, он выберет себе новых Повелителей ужаса, и ты сожмешься в страхе перед ними. Ты съежишься перед людьми. Передо мною! Почему он молчит? Хватит на меня тарашиться. Говори же!»

– Ваш господин идет. – Голос мурддраала проскребся сухой, осыпающейся змеиной кожей. – Ниц, черви! Падите ниц, дабы его великолепие не ослепило и не испепелило вас!

Ярость захлестнула человека, который называл себя Борс, – ярость, вызванная и самими словами, и тоном, которым слова эти были сказаны. Затем воздух над Получеловеком замерцал, и суть сказанного стала ясна. «Этого не может быть! Не может!..» Троллоки уже растянулись на животе, корчась так, словно хотели зарыться в пол.

Не став ждать, пока двинется кто-либо другой, человек, который называл себя Борс, упал лицом вниз и охнул, ударившись о камень. Слова слетели с его уст как заклинание против опасности – они и были заклинанием-оберегом, хоть и хрупким, как тонкая тростинка, против того, чего он боялся, – и он услышал, как сотня голосов произносит в пол те же слова, едва шевеля губами от страха.

– Великий повелитель Тьмы – мой господин, и ревностнее всего служу я ему, до последнего клочка своей души. – В глубине сознания голос вибрировал ужасом. «Темный и все Отрекшиеся заточены...» Весь дрожа, он задавил этот срывающийся шепоток. Уже давно он позабыл этот голос. – Ибо господин мой – Господин смерти. Не спрашивая ничего, служу я ко Дню, когда он явится, однако служу в несомненной и определенной надежде на жизнь вечную. – «... Заточены в Шайол Гул, заточены Создателем в момент творения. Нет, ныне я служу иному господину». – Нет сомнений, верные будут возвеличены на земле, возвеличены над неверующими, возвышены над тронами, однако я служу смиренно ко Дню его возвращения. – «Рука Создателя оберегает нас всех, и Свет оберегает нас от Тени. Нет, нет! Иному господину». – Скоро наступит День возвращения. Скоро явится Великий повелитель Тьмы, дабы повести нас и править миром вечно.

Человек, который называл себя Борс, договорил слова кредо, тяжело дыша, словно пробежал десять миль. Хриплые вздохи вокруг подсказали ему, что не он один чувствовал себя так.

– Поднимитесь. Все поднимитесь.

Сладкозвучный голос застал врасплох. Наверняка никто из его сотоварищей, лежащих на животе, вжимая в мозаичные плиты лица в масках, не произнес и слова, но не такого голоса он ожидал от... Робко он приподнял голову, чтобы одним глазом...

В воздухе над мурддраалом парила фигура мужчины, кайма его кроваво-красного одеяния висела в спане над головой Получеловека. И тоже в маске кроваво-красного цвета. Чтобы Великий повелитель Тьмы предстал перед ними в образе человека? Да к тому же в маске? Тем не менее мурддраал, самый взгляд которого внушал страх, стоя в тени этой фигуры, трепетал и чуть ли не втягивал в плечи голову. Человек, который называл себя Борс, ухватился за тот ответ, который мог вместить в себя его разум и выдержать бремя заключавшегося в нем смысла. Наверное, один из Отрекшихся.

И все равно подобная мысль была немногим менее пугающей и неприятной. Даже так это должно значить, что День возвращения Темного приблизился вплотную, раз свободен один из Отрекшихся. Отрекшиеся, тринадцать самых могущественных обладателей Единой Силы в эпоху, когда подобных им было множество, были замурованы в Шайол Гул вместе с Темным,

изолированы от мира людей Драконом и Сотней спутников. Нанесенный в ответ на это действие пагубный удар запятнал мужскую половину силы Истинного Источника; и все мужчины Айз Седай, эти проклятые обладатели Силы, сошли с ума и взломали мир, разбили его на куски, словно глиняный горшок о камень, а после, разлагаясь заживо, завершили своей смертью Эпоху легенд. Самая подходящая смерть для Айз Седай, по мнению человека, который называл себя Борс. Да и та слишком хороша для них. Он жалел лишь о том, что подобной участи избежали женщины.

Медленно, с усилием он загнал паническое чувство в самую дальнюю часть сознания, сжав и крепко держа его, хотя оно и вопило во весь голос, стремясь вырваться. Это было лучшее, что он мог сделать. Ни один из распластавшихся на полу не поднялся, и лишь немногие отважились приподнять голову.

– Поднимитесь! – На этот раз в голосе фигуры в красной маске слышался щелчок кнута. Фигура повелительно двинула руками. – Встаньте!

Человек, который называл себя Борс, начал было неуклюже вставать, но на полпути заколебался. Эти жестикулирующие руки были страшно обожжены, испещрены черными трещинами, а ободранная, лишенная кожи плоть была такой же красной, как и мантия. «Мог ли Темный появиться так? Или даже кто-то из Отрекшихся?» Провалы глазниц кроваво-красной маски медленно скользнули по нему, и он торопливо распрямился. В этом взгляде ему почудился жар разверстого горнила.

Остальные, подчинившись приказанию, встали не с большей ловкостью и с неменьшим страхом. Когда все оказались на ногах, парящая фигура заговорила:

– Меня знают под многими именами, но то, под которым вы знаете меня, – Ба'алзамон.

Человек, который называл себя Борс, сцепил зубы, чтобы они не стучали. Ба'алзамон. На языке троллоков это означает Душа Мрака, и даже неверящим известно, что таково троллоково имя для Великого повелителя Тьмы. Того-Чье-Имя-Нельзя-Произносить. Не подлинное имя, Шайи'тан, но все равно запретное. Среди тех, кто собрался здесь, и у всех из рода людского кощунством считалось осквернить человеческий язык произнесением любого из них. Воздух со свистом вырывался из ноздрей, и вокруг себя он слышал тяжелое дыхание из-под других масок. Слуги исчезли, как и троллоки, хотя как они уходили – он не заметил.

– Место, где вы находитесь, лежит в тени Шайол Гул. – Не один стон раздался при этом известии; человек, который называл себя Борс, не был уверен, не звучал ли в хоре остальных его голос. Нотка того, что можно было почти назвать насмешкой, проскользнула в голосе Ба'алзамона, когда он развел руки широко в стороны. – Бояться нечего, ибо День возвышения над миром вашего господина недалек. День возвращения близится. Разве то, что я здесь – дабы меня узрели вы, немногие избранные среди ваших братьев и сестер, – не говорит вам об этом? Скоро Колесо Времени будет сломано. Скоро умрет Великий Змей, и властью этой смерти, гибели самого Времени, ваш господин переделает мир по-своему – для этой эпохи и для всех эпох грядущих. И те, кто служит мне преданно и стойко, воссядут подле ног моих над звездами в небе и станут править миром людей вечно. Так обещал я, и так будет – будет бесконечно. Вечно будете вы жить и править.

По рядам слушателей пробежали шепотки предвкушения, а кое-кто даже сделал шаг вперед к парящей темно-красной фигуре, устремив вверх восторженные глаза. Даже человек, который называл себя Борс, ощутил притягательность этого обещания – обещания, ради осуществления которого он продавал свою душу добрую сотню раз.

– День возвращения близок, – произнес Ба'алзамон. – Но многое еще нужно сделать. Многое.

Воздух слева от Ба'алзамона зарябил и сгустился, и немного ниже повисла фигура юноши. Человек, который называл себя Борс, никак не мог решить, была ли она живой или нет. Деревенский парень, судя по одежде, с лукавым огоньком в карих глазах и намеком на улыбку

на губах, словно при воспоминании или в предвкушении озорной проделки. Тело выглядело теплым, но грудная клетка не шевелилась от дыхания, глаза смотрели вперед, не моргая.

Справа от багровой мантии воздух заволновался, как от жара, и немного ниже Ба'алзамона повисла вторая одетая по-деревенски фигура. Курчавый юноша с могучей мускулатурой кузнеца. И еще странность: на боку у него висел боевой топор, большой полумесяц лезвия уравнивался толстым клювом обуха. Человек, который называл себя Борс, внезапно подался вперед, заинтересованный еще большей странностью. У юноши были желтые глаза.

В третий раз воздух уплотнился в фигуру молодого мужчины, теперь прямо перед Ба'алзамоном, у самых его ног. Высокий парень с серыми глазами, ставшими на свету почти голубыми, и с темными с рыжинкой волосами. Еще один селянин или фермер. И вдруг человек, который называл себя Борс, открыл от изумления рот. Еще одно обстоятельство, совершенно необычное, хотя с какой стати ему ожидать тут чего-то обыденного. На поясе у юноши висел меч, меч с бронзовой цаплей на ножнах и еще с одной на длинной двуручной рукояти. «Как! Деревенский мальчишка с клинком, отмеченным цаплей?! Быть того не может! Что бы это значило? И парень с *желтыми* глазами». Он заметил, что мурддраал с дрожью глядит на эти три фигуры; и если только суждение не было совершенно неверным, то дрожал Получеловек теперь не от страха, а от ненависти.

Пала мертвая тишина, и, когда она достигла своего высшего напряжения, Ба'алзамон сказал:

– Пресуществлен тот, кто бродит по миру, тот, кто был и будет, но которого нет сейчас. Дракон.

Испуганный шепот прошелестел по внимавшим Ба'алзамону.

– Возрожденный Дракон! Мы должны убить его, Великий повелитель? – спросил шайнарец. Его рука искала на боку меч.

– Возможно, – просто сказал Ба'алзамон. – А может быть, нет. Может, его удастся обратить на мою сторону. Рано или поздно, но так будет – в эту эпоху или в другую.

Человек, который называл себя Борс, прищурился. «В эту эпоху или в другую? А я-то полагал, что День возвращения близок. Что мне за дело до того, что случится в другой эпохе, если я, ожидая, состарюсь и умру в этой?»

Но Ба'алзамон заговорил вновь:

– В Узоре уже формируется изгиб, одна из многих точек, где того, кто станет Драконом, можно обратить на служение мне. Он должен быть обращен! Лучше, чтобы он служил мне живым, нежели мертвым, но, живым или мертвым, он должен и будет служить мне! Этих троих вы обязаны знать, поскольку каждый – нить в узоре, который я намерен сплести, и ваше дело, когда я прикажу, – найти, где они находятся. Рассмотрите хорошенько, чтобы вы смогли узнать их.

Внезапно все звуки смолкли. Человек, который называл себя Борс, беспокойно шевельнулся, оглянулся и заметил, что остальные ведут себя так же. Все, кроме иллианки. Обхватив руками грудь, словно скрывая округлости тела, что раньшеставляла напоказ, широко раскрыв глаза, наполовину испуганная и наполовину экзотичная, она энергично кивала, как будто кто-то стоял рядом с нею лицом к лицу. Иногда она словно отвечала кому-то, но человек, который называл себя Борс, не слышал ни слова. Внезапно женщина выгнулась дугой назад, дрожа и вытянувшись струной. Он не мог понять, почему она не падает, разве только нечто невидимое удерживает ее. Потом, так же внезапно, она опять встала прямо и вновь кивнула, дрожа и кланяясь. Когда иллианка выпрямилась, тут же вздрогнула и принялась кивать одна из женщин, носящих кольцо Великого Змея.

«Значит, каждый из нас слышит распоряжения, касающиеся только его, а приказаний другим – нет». Человек, который называл себя Борс, разочарованно что-то пробормотал. Если б он узнал, что приказано хотя бы одному из всех прочих, то мог бы использовать подобное

знание в своих интересах, но раз так... Нетерпеливо он ждал, когда придет его черед, забывшись настолько, что стоял выпрямившись во весь рост.

Один за другим собравшиеся получали свои приказания, окруженные стеной безмолвия, которая, однако, все же позволяла получить намеки, дразнящие ложными надеждами на разгадку тайны. Если бы только можно было верно истолковать их... Человек из Ата'ан Миэйр, Морского народа, кивнул, одеревенелый от нежелания. Шайнарец хотя и соглашался молча, но поза его говорила о замешательстве. Вторая женщина из Тар Валона вздрогнула, как от удара, а закутанная в серое фигура, чей пол он не сумел определить, покачала головой, прежде чем рухнуть на колени и неистово закивать. Некоторых охватывала такая же судорога, что и иллианку, словно боль заставляла их вставать на цыпочки.

– Борс.

Человек, который называл себя Борс, дернулся, когда красная маска предстала перед самыми его глазами. Он по-прежнему мог видеть зал, видеть парящую фигуру Ба'алзамона, а рядом с нею – три фигурки поменьше, но в то же самое время видел он лишь лицо в красной маске. Ошеломленный, он почувствовал, как его череп будто распался надвое, а глаза вытолкнуло из головы. На миг ему почудилось пламя в прорезях маски.

– Ты – верный... Борс?

От проскользнувшего в этом имени намека на насмешку по спине пробежал холодок.

– Я – верный, Великий повелитель. От вас нельзя ничего скрыть. – «Да, я верный! Клянусь в этом!»

– Конечно нельзя.

От звука уверенного голоса Ба'алзамона пересохло во рту, но Борс заставил себя говорить:

– Приказывайте мне, Великий повелитель, и я исполню вашу волю.

– Во-первых, ты вернешься в Тарабон и продолжишь вершить свои *добрые* труды. Если быть точнее, я приказываю тебе удвоить рвение.

Борс озадаченно воззрился на Ба'алзамона, но потом за маской вновь полыхнуло пламя, и он счел за благо поклониться, чтобы под этим предлогом отвести взгляд.

– Как прикажете, Великий повелитель, так и будет.

– Во-вторых, ты станешь искать этих троих юношей и заставишь искать их своих приверженцев. Будь настороже: эти трое опасны.

Человек, который называл себя Борс, окинул взглядом фигуры, висящие в воздухе перед Ба'алзамоном. «Как это получается? Я вижу их, но не вижу ничего, кроме его лица». Голова у него чуть ли не раскалывалась. Ладони в тонких перчатках повлажнели, а сорочка прилипла к спине.

– Опасны, Великий повелитель? Деревенские мальчишки? Разве один из них...

– Меч опасен тому, на кого направлено острие, но не тому, кто держит его за рукоять. Если только человек, который держит меч, не круглый дурак, или не беспечен, или же не неумел, в каковых случаях оружие вдвойне опаснее для него самого, чем для кого-то другого. Того, что я сказал тебе, достаточно, чтобы опознать их. Этого достаточно, чтобы ты повиновался мне.

– Как прикажете, Великий повелитель, так и будет.

– В-третьих, относительно тех, кто высадился на мысе Томан, и о домани. Об этом не рассказывать никому. Когда ты вернешься в Тарабон...

Человек, который называл себя Борс, понял, что слушает с раскрытым ртом. В приказах не было ровным счетом никакого смысла. «Если бы я знал, что поручено хоть кому-то из остальных, наверное, я бы мог сложить фрагменты воедино».

Вдруг он почувствовал, что голову сдавило – будто гигантская рука сжимает виски; почувствовал, что его поднимают; и мир разлетелся тысячей звездных вспышек, каждая

вспышка становилась картинкой, что проносилась перед его мысленным взором или кружилась, уменьшаясь и удаляясь, едва он успевал заметить ее. Немыслимое небо в полосатых облаках, красно-желто-черных, несущихся взапуски, будто гонимых самым сильным ветром, какой только видел мир. Женщина – девушка? – одетая в белое, едва появившись, отодвинулась в черноту и исчезла. В глаза ему уставился ворон, *знающий* его, потом пропал. Закованный в доспехи мужчина, в жутком шлеме, раскрашенном и покрытом позолотой, наподобие какого-то чудовищного, отвратительного насекомого, поднял меч и нанес удар куда-то вбок, за пределы поля зрения. Рог, изогнутый, золотой, прилетел откуда-то издалека. Он несся прямо в лицо, звучала одна пронзительная нота, которая вытягивала из него душу. В последний миг рог вспыхнул слепящим золотым кругом света, который прошел сквозь него, обжегши холодом, по сравнению с которым хлад смерти – ничто. Из теней потерянного зрения выпрыгнул волк и разорвал ему горло. Кричать он не мог. Стремительный поток несся дальше, топя его, погребая под собой. Он едва помнил, кто он и где находится. Небеса пролились огненным дождем, канули в небытие луна и звезды; реки текли кровью, и шагали мертвые; разверзлась земля и выплонула фонтаны расплавленного камня...

Человек, который называл себя Борс, очнулся и понял, что стоит пригнувшись в том же зале вместе с остальными, большинство из которых в гробовой тишине наблюдали за ним. Куда бы он ни глянул – вверх, вниз, в любую сторону, – везде перед глазами вставало лицо Ба'алзамона в маске. Образы, затопившие сознание, блекли, тускнели; он был уверен, что многие из них уже выветрились из памяти. Нерешительно он выпрямился, Ба'алзамон постоянно находился перед ним.

– Великий повелитель, что?..

– Некоторые приказания чересчур важны, чтобы быть известными даже тем, кто исполняет их.

Человек, который называл себя Борс, склонился в поклоне вдвое ниже обычного.

– Как прикажете, Великий повелитель, – хрипло прошептал он, – так и будет.

Выпрямившись, он опять оказался в одиночестве и в безмолвии. Еще один, тайренский благородный лорд, кивнул и поклонился кому-то, не видимому более никому. Человек, который называл себя Борс, приложил ко лбу дрожащую ладонь, стараясь удержать в памяти хоть каплю из того, что хлынуло через его сознание, хотя и не был уверен до конца, хочется ли ему это вспоминать. Ужасающий шлейф вспыхнул и пропал, и неожиданно он задумался: что же он пытается припомнить? «Я знаю: что-то было, но вот что? Было же что-то! Или нет?» Он потер друг о дружку руки, брезгливо морщась от неприятного чувства пота под перчатками, и обратил все внимание на три изображения, висящие без опоры перед парящей фигурой Ба'алзамона.

Мускулистый курчавый юноша, фермер с мечом и паренек с озорным выражением лица. Человек, который называл себя Борс, уже окрестил их для себя – Кузнец, Мечник и Плут. «Каково их место в головоломке?» Они должны иметь большое значение, иначе зачем Ба'алзамону делать их центром этого собрания. Но, согласно одному из полученных им приказов, они все могут умереть в любое время, и он склонен был полагать, что некоторые из его сотоварищей имеют приказы, тоже подразумевающие смерть для этих троих. «Насколько они важны?» Голубые глаза могут означать принадлежность к аристократии Андора – неправдоподобно в сочетании с такими одеждами, – есть и порубежники со светлыми глазами, как и кое-кто из тайренцев, не говоря уж об отдельных гэалданцах и, конечно же... Нет, это не поможет. Но вот желтые глаза? «Кто они такие? Что они такое?»

Он вздрогнул от прикосновения к руке и, оглянувшись, увидел сбоку от себя слугу в белом, молодого мужчину. Прочие слуги тоже вернулись, их стало больше, чем раньше, по одному для каждого из гостей в масках. Он прищурил глаз. Ба'алзамон исчез. Мурддраал – тоже, и лишь шероховатый камень был там, где прежде находилась дверь, через которую входил

Получеловек. Тем не менее три фигуры по-прежнему висели в воздухе. Он чувствовал себя так, словно они смотрели на него.

– Если соблаговолите, милорд Борс, я провожу вас в ваши апартаменты.

Избегая смотреть в эти безжизненные глаза, он еще раз взглянул на три фигуры, потом пошел за слугой, с тревогой размышляя, откуда тот узнал, как к нему следует обратиться. Но раздумывал недолго, пока покрытые необычной резьбой двери не захлопнулись за ним. Он прошел с дюжину шагов, когда понял, что они со слугой в коридоре одни. Он подозрительно нахмурил брови под маской, но не успел открыть рот, как слуга заговорил:

– Других тоже провожают в их комнаты, милорд. Вы позволите, милорд? Время истекает, а наш господин нетерпелив.

Человек, который называл себя Борс, скрипнул зубами как от досады на скудость предоставленных ему сведений, так и оттого, что своими словами слуга поставил его и себя на одну доску, но следовал за ним молча. Лишь глупцы огрызаются на слугу, а припомнив глаза парня, он засомневался, что отповедь возымеет хоть какое-то действие, если не приведет к худшему. «И как он узнал, что я собираюсь задать ему вопрос?» Слуга улыбнулся.

Человек, который называл себя Борс, чувствовал себя совершенно не в своей тарелке, пока не вернулся в комнату, где ожидал, прибыв сюда по зову, но и тогда беспокойство не оставило его. Даже найти пломбы на своих седельных сумках нетронутыми казалось слабым утешением.

Слуга входить не стал, остался в коридоре.

– Если угодно, милорд, вы можете переодеться в свое собственное платье. Никто не увидит ни как вы отбудете отсюда, ни как вы окажетесь в нужном вам месте, но, вероятно, лучше появиться там уже одетым надлежащим образом. Вскоре за вами придут, дабы проводить вас.

Дверь, к которой не притронулась ничья видимая рука, закрылась.

Человек, который называл себя Борс, не сдержал нервной дрожи. Поспешно он сорвал печати, расстегнул пряжки на седельных сумках и вытащил обычный для себя плащ. Где-то в глубине души тихий шепоток спрашивал, стоит ли еще одного подобного сборища обещанное могущество или даже бессмертие, но он сразу же рассмеялся. «Ради такой власти я готов вознести хвалу Великому повелителю Тьмы даже под самым Куполом Истины!» Вспоминая данные ему Ба'алзамоном распоряжения, он машинально поглаживал пальцами вышитое на груди белого плаща золотое посверкивающее солнце, за которым краснел крюк пастырского посоха, – символ его положения и поста в мире людей. Он чуть не рассмеялся. В Тарабоне и на равнине Алмот предстоит работа, большая работа.

Глава 1

Пламя Тар Валона

Вращается Колесо Времени, эпохи приходят и уходят, оставляя наследие воспоминаний, которые становятся легендой, а после тускнеют, превращаясь в мифы; и когда эпоха, что породила их, приходит вновь, они уже давно забыты. В эпоху, называемую Третьей, в эпоху, которая еще будет, в эпоху, давно минувшую, в Горах Рока поднялся ветер. Не был ветер началом. Нет ни начала, ни конца оборотам Колеса Времени. Оно – начало всех начал.

Ветер, родившийся меж черных, бритвенно-острых пиков гор, где по перевалам бродит смерть, таясь от тварей еще более опасных, чем она сама, – ветер этот дул на юг через чащобный лес Великого Запустения, испорченный и извращенный прикосновением Темного. Ко времени, когда ветер миновал ту невидимую линию, что люди называли границей Шайнара, где весенние цветы густо усеяли деревья, тошнотворно-сладковатый запах разложения уже рассеялся. Уже давно должно было прийти лето, но весна припоздала, и все буйно цвело, стремясь наверстать упущенное. Молодая светлая зелень топорщилась на каждом кусте, и рыжеватыми молодыми побегами оканчивалась каждая веточка на деревьях. Ветер рябью шелестел по полям вокруг ферм, словно по зеленым прудам озимых, что чуть ли не на глазах пробивались вверх и вверх.

Запах смерти почти совершенно развеялся задолго до того, как ветер достиг стоящего на холмах, окруженного каменной стеной города Фал Дара и захлестнул, будто кнутом, башню цитадели в самом центре города, закружил вокруг башни, на верхней площадке которой будто танцевали два человека. Фал Дара – с высокими и крепкими стенами – никогда не был взят врагом, никогда не был предан – ни цитадель, ни город. Ветер стонал над крытыми гонтом кровлями, вился вокруг высоких дымоходов и еще более высоких башен и выл, словно рыдал погребальную песнь.

От холодной ласки ветра Ранд ал'Тор, обнаженный по пояс, вздрогнул, пальцы его сжались крепче на длинной рукояти тренировочного меча. От жаркого солнца грудь юноши стала скользкой от пота, его темные рыжеватые волосы слиплись. Слабый запах в вихре заставил затрепетать ноздри, но юноша не связал его с промелькнувшей в голове картиной только что раскопанной старой могилы. Он едва ли осознал вообще этот запах и этот образ; он изо всех сил старался держать свой разум пустым, но другой человек, с которым юноша находился на верху башни, все вторгался и вторгался в эту пустоту. Площадка, окруженная высоким – по грудь – парапетом с бойницами, была шириной шагов в десять. Достаточно просторной, чтобы не чувствовать никакой стесненности. Даже более того. Разве что если твой противник – Страж.

Юноша был высок, но Лан не уступал ему в росте и отличался развитой мускулатурой, хотя и не был так широк в плечах, как Ранд. Узкая полоска плетеной кожи удерживала длинные волосы Стража, не позволяя им падать на лицо, которое казалось грубо высеченным из камня,

с гранями и углами, – на лицо, вопреки налету седины на висках, не тронутому ни единой морщиной. Несмотря на жару и напряжение занятия, на груди и руках Лана пот едва поблескивал. Ранд всматривался в ледяные голубые глаза Лана, выискивая какой-нибудь намек на то, что собирается предпринять противник. Страж, как казалось, словно и не моргал, а тренировочный меч в его руках двигался уверенно и плавно, когда он перетекал из одной стойки в другую.

Учебный меч – свободно связанные вместе тонкие пластины вместо клинка – при ударе громко щелкал и оставлял на коже алый след. Ранд слишком хорошо знал это. На ребрах у него больно ныли три полосы, и еще одна жгла плечо. Он прилагал все силы, чтобы не получить в награду еще больше. На Лане не было ни одного рубца.

Как Ранда и учили, он вызвал в уме язычок пламени и сконцентрировался на нем, стараясь сжечь в нем все эмоции и вспышки чувств, стараясь создать в себе пустоту, прогнав всякую мысль от себя. Опустошенность пришла. Как это бывало в последнее время слишком часто, она была не абсолютной пустотой; пламя оставалось на месте, а какое-то ощущение света волновало неподвижность. Но и этого хватало – хотя едва-едва. Прохладное спокойствие пустоты текло через него, и юноша был един со своим тренировочным мечом, с гладкими камнями под подошвами сапог, даже с Ланом. Все было едино, и он двигался без всякой мысли, в ритме, что шаг в шаг и движение в движение соответствовал перемещениям Стража.

Вновь поднялся ветер, донесший из города звон колоколов. «Кто-то все еще празднует приход весны...» Посторонняя мысль порхнула на волнах света через пустоту, взбаламутив ее, а Страж словно прочитал мысли Ранда – тренировочный меч закружился в руках Лана.

Долгую минуту верхушку башни оглашал быстрый «клак-клак-клак» связанных планок, ударяющихся друг о друга. Ранд и не пытался достать противника; он мог лишь парировать выпады Стража. Отражая удары Лана в самый последний момент, он был вынужден отступать. Выражение лица Лана нисколько не менялось. Внезапно круговой удар Стража превратился в прямой выпад. Ранд, застигнутый врасплох, отступил, уже морщась от удара, который – он понимал – на этот раз остановить ему не удастся.

Ветер с воем накинудся на крепостную башню... и поймал юношу в ловушку. Воздух будто мгновенно сгустился, обернувшись вокруг него коконом, и толкнул его вперед. Время и движения замедлились; охваченный ужасом, Ранд наблюдал, как тренировочный меч Лана медленно приближается к его груди. Нечем было ни задержать, ни смягчить неотвратимый удар. Ребра хрустнули, будто по Ранду ударили молотом. Он охнул, но ветер не позволил ему уклониться; наоборот, ветер по-прежнему толкал юношу вперед. Пластины меча Лана согнулись дугой, вывернулись – Ранду казалось, неизмеримо медленно, – затем, лопнув, разлетелись, острые концы обломков медленно двинулись по направлению к сердцу Ранда, зазубренные планки вонзились в кожу. Боль пикой пронзила все тело; кожу будто исполосовали настоящим клинком. Словно солнце своим опаляющим жаром захотело превратить юношу в прожаренный до хрустящей корочки бекон на сковородке.

С воплем Ранд отшатнулся, споткнулся и упал спиной на каменную стену. Дрожащей рукой он провел по порезам на груди и поднес окровавленные пальцы к серым глазам, будто не веря.

– И что это было за дурацкое движение, пастух? – проскрежетал Лан. – Теперь ты лучше знаешь или же должен был знать, если только не позабыл все, чему я пытался научить тебя. Сильно ты...

Он осекся, когда Ранд поднял на него глаза.

– Ветер, – промолвил Ранд сухими губами. – Он... он толкнул меня! Он... он был тверд, как стена!

Страж молча рассматривал юношу, потом протянул руку. Ранд сжал ее, и тот рывком поставил его на ноги.

– В такой близости от Запустения могут твориться странные дела, – наконец произнес Лан, но за всей категоричностью его слов слышалась тревога. Уже само по себе это было необычно. Стражи, полубогатыри, служившие Айз Седай, редко выказывали свои чувства, а Лан даже для Стража был идеалом сдержанности. Он отшвырнул расщепленный меч в сторону и оперся о стену там, где, чтобы не мешать тренировке, лежали настоящие мечи.

– Но не такие же, – возразил Ранд. Он подошел к Лану и сел рядом на корточки, прижавшись спиной к камню. Теперь гребень стены оказался выше головы, как-никак заслоняя его от ветра. Если это было ветром. Никакой ветер не бывает таким твердым, как этот. – Мир! Может, этакое и в самом-то Запустении не случается!

– Для такого, как ты... – Лан пожал плечами, будто это все объясняло. – Долго ты еще будешь собираться, пастух? Говорил, что уходишь, но уже месяц миновал, а по-моему, тебе следовало бы уйти еще три недели назад.

Ранд в удивлении поднял глаза на Стража. «Он ведет себя так, будто ничего не случилось!» Нахмурившись, он отложил тренировочный меч, взял в руки свой настоящий меч и положил его на колени. Пальцы пробежали по длинной, обернутой шершавой кожей рукояти с бронзовой вставкой в виде цапли. Еще одна бронзовая цапля распласталась на ножнах, и еще одна, выгравированная на стали, украшала клинок, сейчас спрятанный в ножны. То, что у него есть меч, до сих пор было для Ранда немного странным. Любой меч, а тем более со знаком мастера клинка. Все-таки он – фермер из Двуречья, пусть теперь и такого далекого. Теперь, может, далекого навсегда. Он был пастухом, как и его отец («Я был пастухом. Кто я такой теперь?»), и тот дал ему меч с клеймом цапли. «Мой отец – Тэм, кто бы что ни говорил». Ранду хотелось, чтобы его собственные мысли не звучали так, словно он пытался убеждать самого себя.

Лан опять словно бы прочел мысли Ранда:

– В Пограничных землях, пастух, если человек берет на воспитание ребенка, то этот ребенок – его, и никто не скажет иного.

Хмурясь, Ранд пропустил мимо ушей слова Стража. Это дело не касалось никого, кроме него самого.

– Я хочу научиться владеть им. Мне нужно. – Все его проблемы проистекали из того, что он носит меч со знаком цапли. Не каждый знал, что означает бронзовая птица, или даже вовсе не замечал ее, но все равно клинок со знаком цапли, особенно в руках юноши, которого по возрасту едва можно назвать мужчиной, по-прежнему привлекал ненужное внимание. – Пару раз, когда мне не удалось убежать, я сумел обмануть людей. Ну, кроме всего прочего, мне еще и повезло. Но что будет, когда убежать мне не удастся и ввести человека в заблуждение я не смогу, а удача от меня отвернется?

– Ты можешь продать его, – осторожно предложил Лан. – Такой клинок – редкость даже среди мечей, меченных знаком цапли. Ты мог бы выручить за него хорошие деньги.

– Нет! – Об этом Ранд уже не раз думал, но теперь отверг подобную идею по той же причине, что и всегда, и с большей горячностью – из-за того, что предложение исходило от другого человека. «Пока он со мной, я имею право называть Тэма отцом. Он дал его мне, и это дает мне такое право». – А я думал, что клинки с клеймом цапли и так встречаются редко.

Лан искоса взглянул на юношу:

– Значит, Тэм тебе не говорил? Он должен знать. Наверно, он не верил. Многие не верят.

Он подхватил свой меч, почти близнец Рандову, не считая отсутствия цапель, и быстрым движением выдернул его из ножен. Клинок, слегка изогнутый, с односторонней заточкой, серебряно сверкал в солнечных лучах.

Это был меч королей Малкир. Лан не говорил об этом – ему совсем не нравилось, даже когда другие заговаривали об этом, – но ал'Лан Мандрагоран был лордом Семи Башен, лордом Озерным и некоронованным королем Малкир. Ныне Семь Башен были разрушены, а Тысяча

Озер превратилась в логовище отвратительных тварей. Малкир лежала проглоченная Великим Запустением, и из всех лордов малкири в живых оставался лишь один.

Некоторые утверждали, что Стражем, связанным узами с Айз Седай, Лан стал, чтобы найти смерть в Запустении и воссоединиться с остальными людьми своего рода. Ранд имел не один случай убедиться, что от опасности Лан не бегал, наоборот, стремился к ней, явно нисколько не заботясь о себе. Но превыше своей жизни он полагал жизнь и безопасность Морейн, Айз Седай, с которой он был связан узами долга. Ранд не думал, что Лан стал бы на самом деле искать смерти до тех пор, пока жива Морейн.

Повернув клинок к свету, Лан заговорил:

– В Войну Тени Единая Сила сама применялась как оружие, и с помощью Единой Силы оружие создавалось. Некоторые его виды *использовали* Единую Силу – они могли одним ударом уничтожить целый город, превратить местность на мили вокруг в пустыню. И все это оружие было уничтожено при Разломе; и никто также не помнит о том, как его делать. Но было оружие и попроще, для тех, кому приходилось сражаться с мурддраалами и тварями похуже, которых создавали Повелители ужаса, – сражаться клинок к клинку.

С помощью Единой Силы Айз Седай извлекали из земли железо и другие металлы, плавили их, придавали форму и обрабатывали. Все – с помощью Силы. Мечи и другое оружие тоже. Многие, что уцелели после Разлома Мира, были уничтожены людьми, которые боялись и ненавидели работу Айз Седай, а другие со временем пропали. Осталось немного, и считанные люди по-настоящему знают, чем является это оружие. О нем ходят легенды, полные сказочных преувеличений о мечах, которые вроде бы обладали силой сами по себе. Ты ведь слышал сказания менестрелей. А на деле... Клинки, что никогда не сломаются и не утратят своей остроты. Я видел, как их точили люди – больше играя в то, что они острят их, – но лишь потому, что никак не могли поверить в существование меча, который бы не нуждался в этом. Единственное, чего они добивались при этом, – стачивали точильные камни.

Такое оружие создавали Айз Седай, и никогда не будет другого. Когда оно было закончено, подошли к концу и война, и эпоха вместе, а мир разлетелся вдребезги; непохороненных мертвых было много больше, чем оставшихся в живых, и эти живые спасались бегством, стремясь отыскать какое-нибудь – любое – убежище, каждая вторая женщина оплакивала мужа либо сыновей, которых она больше не увидит; когда создание оружия было завершено, Айз Седай, которые еще оставались в живых, поклялись никогда впредь не создавать оружия, которым бы один человек убивал другого. Все Айз Седай дали такую клятву, и каждая женщина из них с тех пор верна этому обету. Даже Красные Айя, а они мало беспокоятся о том, что случается с любым человеком мужского пола.

– Один из этих мечей, простой солдатский меч, – с легкой гримасой, почти печальной, если бы про Стража можно было сказать, что тот выказал подобное чувство, он вложил клинок обратно в ножны, – стал чем-то иным. С другой стороны, те, что были изготовлены для полководцев, с клинками столь твердыми, что ни один кузнец ничего не мог поделывать с ними, и на которых уже стояло клеймо цапли, – эти клинки стали товаром, спрос на который весьма и весьма велик.

Руки Ранда, будто обжегшись, отдернулись от меча, лежащего поперек коленей. Меч стал падать, и он инстинктивно подхватил оружие, прежде чем оно ударилось о камни площадки.

– Вы хотите сказать, что этот сделан Айз Седай? Я думал, что вы говорите о *своем* мече.

– Не все клинки, отмеченные знаком цапли, – работа Айз Седай. Не многие владеют мечом с таким искусством, чтобы называться мастерами клинка и удостоиться в награду клинка с клеймом цапли, но даже и так – сохранилось недостаточно клинков Айз Седай, чтобы эта горсточка мастеров имела каждый по одному. Большинство клинков с цаплей – от мастеров-оружейников; лучшая сталь, какую могут выковать люди, но все равно обрабатывается

она человеческими руками. Но вот этот, пастух... этот клинок мог бы поведать историю трех тысячелетий, а то и больше.

– Я не могу удрать от них, – произнес Ранд, – правда? – Он балансировал перед собой мечом, держа его за наконечник ножен; оружие выглядело совершенно так же, каким он помнил его раньше. – Работа Айз Седай. – «Но Тэм дал его мне. Мой *отец* дал его мне». Юноша гнал от себя мысли о том, как двуреченскому пастуху достался клинок с клеймом цапли. Но в их течении таились опасные скалы и глубокие омуты, которые ему вовсе не хотелось изучать.

– Ты и в самом деле хочешь удрать, пастух? Спрошу еще раз. Почему ты тогда не ушел? Меч? За пять лет я сделал бы тебя достойным его, сделал бы тебя мастером клинка. У тебя быстрые кисти, хороший баланс, и ты не повторяешь одной ошибки дважды. Но у меня нет пяти лет на твоё обучение, и у тебя нет пяти лет на учебу. У тебя нет даже одного года, и тебе это известно. Как бы то ни было, себе по ноге ты мечом не попадешь. Держишь ты себя так, пастух, словно родился с мечом на поясе, и большинство деревенских задир почувствуют это. Но этого у тебя было с лихвой почти с того самого дня, как ты опоясал себя мечом. Так почему ты все еще здесь?

– Мэт и Перрин еще тут, – промямлил Ранд. – Я не хочу уходить, пока не отправились в путь они. Я боюсь никогда... Я могу не увидеть их всю... многие годы, может быть. – Он запрокинул голову, опершись затылком о стену. – Кровь и пепел! Ладно, они хоть просто думают, что я спятил, раз не иду домой вместе с ними. А Найнив то смотрит на меня как на несмышленища шести лет от роду с разбитыми коленками, за которым ей приходится ухаживать, то она смотрит так, будто увидела чужака, которого она может обидеть, если станет присматриваться повнимательнее. Она – Мудрая, и, кроме того, вряд ли, по-моему, ее что-то испугает, но она... – Ранд покачал головой. – И Эгвейн. Чтоб я сгорел! Она знает, почему мне нужно уйти, но всякий раз, как я заговариваю об этом, она смотрит на меня, и у меня внутри все переворачивается... – Он прикрыл глаза, прижав рукоять меча ко лбу, словно бы мог выдавить из головы все, о чем раздумывал, мог забыть о существовании подобных мыслей. – Я бы хотел... хотел...

– Ты бы хотел, чтобы все снова стало так, как и было, пастух? Или чтобы девушка отправилась с тобой, вместо того чтобы идти в Тар Валон? По-твоему, она променяет возможность стать Айз Седай на жизнь в скитаниях? С тобой? Если ты найдешь верные слова, она, может, так и поступит. Любовь – чудная штука. – Голос Лана звучал неожиданно устало. – Такая чудная она штука.

– Нет. – Хотел Ранд именно этого – чтобы она захотела уйти с ним. Он открыл глаза и распрямил спину, придав голосу твердости. – Нет, если б она спросила, я не позволил бы ей идти со мной. – Он не допустил бы, чтобы это с ней случилось. «Но, Свет, как было бы хорошо – всего на миг, – если б она сказала, что хочет!» – В ней просыпается ослиное упрямство, если она думает, будто я пытаюсь указывать ей, как поступать, но я все еще в силах уберечь ее от такого. – Ему хотелось, чтобы она оставалась дома, в Эмондовом Лугу, но все надежды на это оказались перечеркнутыми в тот день, когда в Двуречье появилась Морейн. – Даже если это означает, что она станет Айз Седай!

Краем глаза Ранд заметил приподнятую бровь Лана и вспыхнул. А Страж заметил:

– И в этом-то вся причина? Тебе хочется провести побольше времени с друзьями, прежде чем они уйдут? Потому-то ты еле ноги волочишь? Ты же знаешь, кто дышит на твои следы.

Ранд сердито вскочил на ноги:

– Хорошо, это из-за Морейн! Если б не она, меня бы и близко тут не было, а она даже словом со мной не обмолвится.

– Ты бы погиб, если б не она, пастух, – ровно произнес Лан, но Ранда было уже не удержать.

– Она рассказывала мне... рассказывала ужасные вещи обо мне. – Пальцы, сжимавшие меч, побелели. «То, что я сойду с ума и умру!..» – А теперь и двух слов мне сказать не хочет. Она ведет себя так, будто я ничуть не изменился с того дня, когда она отыскиала меня, и это тоже дурно пахнет.

– Ты хочешь, чтобы она обращалась с тобой как с тем, кто ты есть?

– Нет! Я не об этом. Чтоб я сгорел, я не знаю зачастую, что сказать-то хочу! Этого я не хочу, а другое приводит меня в ужас. А теперь она куда-то подевалась, совсем исчезла...

– Я говорил тебе: иногда ей нужно побыть одной. И не тебе спрашивать о ее поступках. И никому другому.

– ...не сказав никому, куда уходит, или когда вернется, или даже вернется ли вообще. Она должна же что-то сказать мне, чтобы помочь, Лан. Хоть что-то. Должна. Если она когда-нибудь вернется.

– Она вернулась, пастух. Минувшей ночью. Но думаю, она сказала тебе все, что могла. Удовольствуйся этим. От нее ты узнал все, что мог. – Лан качнул головой, и голос его ожил. – Сидя, ты ничему не научишься. Пора заняться немного стойками. Через «Расщепление шелка» начиная от «Цапли, шагающей в камышах». Запомни, что стойка «Цапли» – единственно для тренировки равновесия. В ней ты открыт; если станешь ждать, пока первым двинется противник, ты успеешь поразить цель, но его клинка тебе не избежать.

– Должна же она что-то сказать мне, Лан... Этот ветер... В нем что-то неестественное, и какая мне разница, насколько близко мы от Запустения!

– «Цапля, шагающая в камышах», пастух. И помни о движениях запястья и кисти.

С юга донесся слабый раскат фанфар, трубные звуки понемногу становились громче, сопровождаемые непрерывным «трам-трам-трам-трам» барабанов. Мгновение Ранд и Лан смотрели друг на друга, потом грохот барабанов заставил их броситься к парапету башни и посмотреть на юг. Сам город расположился на высоких холмах, земля у городских стен была расчищена, образуя кольцо травы высотой не более чем по щиколотку, шириной в милю. Цитадель стояла на самом высоком холме. С верхушки башни, поверх дымоходов и крыш, открывался ясный вид до самого леса. Первыми из-за деревьев показались барабанщики, их была дюжина, барабаны поднимались и опускались, когда они маршировали в такт ударам, палочки так и мелькали в воздухе. Потом появились трубачи, длинные сверкающие горны подняты, звучит туш. С такого расстояния Ранд не мог различить, что за огромное квадратное знамя полыхает на ветру позади них. Тем не менее Лан хмыкнул – зрение Стража не уступало остротой зрению снежного орла.

Ранд бросил на него взгляд, но Страж ничего не сказал, его взор не отрывался от вытекающей из леса колонны. Из-за деревьев выехали всадники, мужчины в доспехах, за ними – тоже верхом на лошадях – женщины. Следом показался паланкин между двумя лошадьми, одна впереди него, другая – сзади, занавески его были опущены; затем – еще больше верховых. Шеренги пехотинцев, остетинившиеся длинными шипами вздымающихся пик, лучники с луками, висящими поперек груди, и все маршировали в такт барабанам. Вновь взревели горны. Словно поющий змей, колонна вилась к Фал Дара.

Ветер трепал знамя выше человеческого роста, расправляя его. Теперь оно, такое большое, оказалось достаточно близко, чтобы Ранд сумел разглядеть его. Переливающиеся цвета ни о чем не говорили ему, но в центре этого кружения сияла чистой белизной похожая на слезу эмблема. У Ранда перехватило дыхание. Пламя Тар Валона.

– С ними Ингтар. – Лан говорил так, словно мыслями был где-то в другом месте. – Наконец вернулся из своих поисков. Долго его не было. Знать бы, повезло ли ему?

– Айз Седай, – наконец-то сумел вымолвить шепотом Ранд. Все эти женщины там... Да, Морейн была Айз Седай, но он делил с нею тяготы путешествия, и, если не доверял ей всецело, по крайней мере, он ее знал. Или думал, что знал. Но она была всего одна. Теперь же совсем

другое – так много Айз Седай вместе, да еще и появившиеся с такой помпой. Ранд прочистил горло; когда он говорил, то голос звучал скрипуче. – Почему так много, Лан? Зачем вообще? С барабанами, трубами и еще со знаменем!

В Шайнаре Айз Седай почитали, во всяком случае большая часть народа, а остальные относились с опасливым уважением, но Ранд бывал в тех краях, где это было не так, где их боялись и зачастую ненавидели. Там, где он вырос, встречались и такие, кто говорил о «тарвалонских ведьмах» точно так же, как о Темном. Ранд попробовал пересчитать женщин, но они, переговариваясь друг с другом или с тем, кто ехал в паланкине, постоянно меняли свое место в колонне, не придерживаясь никакого видимого порядка. Юноша покрылся гусиной кожей. Он провел не один день в пути с Морейн, встречался с другой Айз Седай и уже начал было считать себя бывалым человеком. Никто никогда не покидал Двуречья, или почти никто, но он покинул родные края. Он видел то, чего никто дома, в Двуречье, не видывал даже одним глазком, совершал то, о чем лишь мечтали двуреченские мальчишки, если их мечты и заходили так далеко. Он видел королеву и встречался с дочерью-наследницей Андора, стоял лицом к лицу с мурддраалом, путешествовал по Путям – и ничто из пережитого не подготовило его к этому моменту.

– Почему так много? – опять прошептал он.

– Прибыла Престол Амерлин собственной персоной. – Лан поглядел на юношу; выражение лица Стража было суровым и непроницаемым, как скала. – Уроки закончены, пастух. – Потом он помолчал, и Ранду почти показалось, что он заметил на лице Стража сочувствие. Этого, разумеется, не могло быть. – Для тебя было бы лучше, если б ты ушел неделю назад.

С этими словами Страж подхватил свою рубашку и исчез на лестнице, ведущей внутрь башни.

Ранд судорожно двигал челюстью, стараясь хоть как-то смочить пересохший рот. Он смотрел на приближающуюся к Фал Дара колонну так, словно та и впрямь была змеей – смертельно опасной, источающей яд гадюкой. В его ушах громко звенели трубы и рокотали барабаны. Престол Амерлин, та, которая повелевает Айз Седай. «Она идет сюда из-за меня». Иной причины Ранду придумать не удавалось.

Они обладали многим, в том числе знанием, которое – он был уверен в этом – могло помочь ему. И Ранд не осмеливался ни одну из них спросить об этом. Он боялся, что они здесь с целью укротить его. «И боюсь, что они здесь вовсе не за этим, – как с неохотой он признался себе. – Свет, я не знаю, что пугает меня больше!»

– У меня и в мыслях не было направлять Силу, – прошептал Ранд. – Это вышло случайно! Свет, я не хочу иметь ничего общего с этим. Клянусь, я никогда ее не трону! Клянусь!

Вздыхнув, юноша вдруг понял, что отряд Айз Седай уже вступил в городские ворота. Яростно закружился ветер, морозными порывами обращая капли пота в льдинки, от шума ветра трубы звучали затаенным ехидным смехом; Ранду почудился в воздухе сильный запах раскопанной могилы. «Моей могилы – если я останусь тут».

Подхватив свою рубашку, он скатился по лестнице и бросился бежать.

Глава 2

Радужная встреча

Обтесанные каменные стены залов крепости Фал Дара, скудно декорированные простыми, но элегантными гобеленами и разукрашенными драпировками, гудели от известий о скором появлении Престола Амерлин. Туда и сюда чуть ли не бегом носились слуги в черно-золотом, озабоченные тем, чтобы приготовить для гостей покои, или тем, чтобы доставить распоряжения на кухни; то и дело кто-то из них сокрушался и вздыхал, что им не успеть приготовить все для столь значительной особы, раз они не были своевременно предупреждены. Темноглазые воины с обритыми головами, за исключением пучка волос, перевязанного кожаным ремешком, не бежали, но спешка подталкивала их в спину, а лица сияли от возбуждения, обычно приберегаемого для битвы. Кое-кто из солдат заговаривал с торопящимся по коридору Рандом.

– А, вот и ты, Ранд ал’Тор! Да покровительствует мир твоему мечу! Торопишься переодеться? Наверно, тебе захочется выглядеть получше, когда тебя представят Престолу Амерлин. Будь уверен, она захочет увидеть тебя и твоих друзей, да и женщин тоже.

Ранд бегом направился к широкой лестнице, по которой могли свободно пройти в ряд двадцать человек и которая вела наверх, на мужскую половину.

– Сама Амерлин прибыла без всякого предупреждения, почти как торговец-разносчик. Должно быть, из-за Морейн Седай и вас, южан, а? Из-за чего же еще?

У дверей в мужскую половину, широких, окованных железом, теперь распахнутых настежь, толпились мужчины с обритыми головами – лишь на макушке у них были оставлены пучки волос, похожие на хохолки или чубы, – и приглушенно переговаривались о прибытии Амерлин. От множества голосов в коридоре висело монотонное гудение.

– Эй, южанин! Амерлин здесь. Прибыла ради тебя и твоих друзей, наверное. Мир, что за честь для вас! Она редко покидает Тар Валон, а в Пограничные земли ни разу не приезжала на моей памяти...

Ранд отвечал немногословно. Ему нужно умыться. Найти чистую рубашку. На разговоры мало времени. Они понимающе кивали и пропускали юношу. Никто из них не знал сути происходящего, за исключением того, что он со своими друзьями путешествовал вместе с Айз Седай, что двое из его друзей – женщины, собирающиеся отправиться в Тар Валон обучаться на Айз Седай, но слова мужчин ранили, вонзаясь в душу, словно шайнарским солдатам было известно все. «Она прибыла сюда из-за меня».

Ранд вихрем промчался через мужскую половину, ворвался в комнату, в которой жил вместе с Мэтом и Перрином... и застыл как примороженный, с разинутым от изумления ртом. В комнате оказалось полно женщин в черно-золотом, все сосредоточенно занимались своим

делом. Помещение было небольшим, а с такими окнами – пара высоких узких бойниц для стрел, – выходящими в один из внутренних двориков, комната ничуть не казалась просторнее. Три кровати на выложенных черно-золотой плиткой возвышениях, в изножье каждой – сундук, еще три простых стула, умывальник у двери, а в углу громоздится высокий широкий гардероб. Восемь женщин в комнате походили на рыб в садке.

Женщины едва взглянули на Ранда и продолжали выгребать из шкафа его одежду – а заодно и Мэтову, и Перринову – и заменяли ее новой. Все обнаруженное в карманах выкладывалось на крышки ларей, а старая одежда была небрежно, будто ненужное тряпье, связана в узлы.

– Что вы делаете? – спросил Ранд, когда вновь обрел дар речи. – Это же моя одежда!

Одна из женщин фыркнула, просунув палец сквозь прореху в рукаве его единственной куртки, потом кинула ее в кучу на полу.

Другая женщина, черноволосая, с большой связкой ключей на поясе, обернулась к Ранду. Это была Элансу – *шатайян* крепости. Он считал эту узколистую женщину домоправительницей – хотя дом, что она вела, был крепостью и не один десяток слуг исполнял ее приказания.

– Морейн Седай сказала, что вся ваша одежда износилась, и леди Амалиса распорядилась подарить вам взамен новую... Так что чем меньше вы будете путаться под ногами, – твердо добавила она, – тем скорее мы с этим закончим.

Не многие мужчины смогли бы выдержать натиск шатайян, когда та хотела что-то сделать по-своему, – поговаривали, даже лорд Агельмар, бывало, пасовал перед ней, – и она совершенно не ожидала каких-то неприятностей от молодого парня, который по возрасту годился ей в сыновья.

Ранд проглотил слова, которые уже крутились на языке, – на споры не было времени. В любую минуту за ним могла послать Престол Амерлин.

– Низкий поклон леди Амалисе за ее дар, – промолвил он, как сумел, на манер шайнарцев, – и поклон вам, Элансу Шатайян. Пожалуйста, передайте мою благодарность леди Амалисе и скажите ей, что я готов служить ей душой и телом. – Это должно было бы удовлетворить шайнарскую тягу к церемонности как самой леди Амалисы, так и Элансу. – Но сейчас, если вы извините меня, я хотел бы переодеться.

– Вот и хорошо, – спокойно сказала Элансу. – Морейн Седай сказала выкинуть все старое. Вплоть до ниточки. Белье тоже.

Женщины искоса стрельнули глазами на юношу. К дверям никто даже и шага не сделал.

Ранд, чтобы не рассмеяться истерично, прикусил себе щеку. В Шайнаре многие обычаи отличались от того, к чему он привык, и было такое, к чему он никак не сумел бы приспособиться, живи он тут вечно. Купался он теперь в тихие предутренние часы, когда большие, выложенные плиткой бассейны были пусты, после того как обнаружил, что в любой момент рядом с ним в воду могла забраться женщина (это могла оказаться судомойка или сама леди Амалиса, сестра лорда Агельмара, – в Шайнаре купальни были единственным местом, где не существовало ни титулов, ни разницы в положении), надеясь, что он потрет ей спину в обмен на такую же услугу, и спрашивая, отчего у него такое красное лицо, не сторел ли он, случаем, на солнце. Вскоре они поняли, о чем говорит краска на его лице, и не было в крепости женщины, которую, по-видимому, не очаровало бы смущение этого парня.

«Через час я могу оказаться мертвым или чего похуже, а они стоят тут и ждут, когда я начну краснеть!» Ранд громко откашлялся.

– Если вы обождете в коридоре, я передам вам оставшуюся одежду. Честное слово.

Одна из женщин тихонько хихикнула, даже губы Элансу дрогнули, но шатайян кивнула и жестом указала остальным забрать связанные узлы. Она уходила последней и в дверях, приостановившись, прибавила:

– И сапоги тоже. Морейн Седай сказала – все.

Ранд открыл было рот, но потом захлопнул. Уж сапоги-то еще были точно хорошими – пошитые Олвином ал'Ваном, сапожником в Эмондовом Лугу, разношенные и удобные. Но если для того, чтобы шатайян оставила его одного и дала ему шанс уйти, нужно отдать сапоги, то он готов на такую жертву, он готов отдать ей все, что бы ей еще ни вздумалось попросить. У него и так нет времени.

– Да! Да, конечно. Честное слово.

Ранд закрыл дверь, буквально выталкивая Элансу из комнаты.

Оставшись один, он бухнулся на кровать и принялся стаскивать сапоги – они были вполне хорошими: кожа немного потертая, кое-где потрескалась, но носить их еще можно, крепкие и в самый раз по ноге, – затем торопливо разделся, бросив все в кучу на сапоги, и, так же торопясь, ополоснулся в тазу. Вода обожгла холодом: на мужской половине вода всегда была ледяной.

У гардероба были три широкие дверцы, украшенные по-шайнарски незатейливой резьбой, напоминающей вереницы водопадов и озер между скал. Распахнув центральную створку, Ранд на минуту оторопел при виде того, что заменило ту немногую одежду, которую он принес с собой. Дюжина кафтанов и курток с высоким воротом, из лучшей шерсти, скроенных не хуже, чем те, что Ранду доводилось видеть на плечах купцов или лордов, богато расшитых, как праздничные одежды. Целая дюжина! По три рубашки к каждой куртке – льняные и шелковые, с широкими рукавами и плотными манжетами. Два плаща. Два, когда он всю жизнь обходился всего одним! Один плащ был из обыкновенной толстой шерсти темно-зеленого цвета, другой – густо-голубой, с жестким воротником-стойкой, украшенный вышитыми золотом цаплями... и высоко на левой стороне груди, где лорд мог бы носить свой герб...

Рука медленно ползла по плащу сама собой. Будто неуверенные в том, что чувствуют, пальцы коснулись вышитого змея, свернувшегося чуть ли не кольцом, но змея с четырьмя лапами и золотой львиной гривой, в золотой и темно-красной чешуе; каждая лапа оканчивалась пятью золотыми когтями. Рука Ранда отдернулась, словно обжегшись. «Помоги мне Свет! Сделала ли это Амалиса или Морейн? Многие ли видели это? Многие ли знают, что это такое, что оно значит? Один – уже будет слишком много. Чтоб я сгорел, она вовсю старается, чтобы меня убили. Проклятая Морейн даже разговаривать со мной не желает, а теперь подарила мне проклятую красивую одежду, чтобы я в ней и умер!»

От легкого скрипа двери Ранд чуть из шкуры своей не выскочил.

– Все? – донесся голос Элансу. – Вплоть до последней ниточки. Вероятно, мне было бы лучше...

Раздался скрип – словно бы она пыталась повернуть ручку двери.

Вздрагнув, Ранд понял, что он все еще голый.

– Уже почти все! – крикнул он. – Мир! Не входите! – Поспешно он собрал то, что когда-то носил, сапоги, все. – Я принесу! – Прячась за дверь, Ранд открыл ее лишь настолько, чтобы сунуть узел в руки шатайян. – Это – все.

Элансу постаралась заглянуть в приоткрытую дверь:

– Вы уверены? Морейн Седай сказала – все. Может быть, мне лучше просто заглянуть и удостовериться...

– Это все! – прорычал Ранд. – Честное слово!

Он плечом надавил на дверь, захлопнув ее перед носом Элансу, и услышал с той стороны смех.

Ворча, Ранд торопливо одевался. Он не мог допустить, чтобы у кого-нибудь нашелся предлог войти к нему. Серые штаны оказались более облегающими, чем те, что были ему привычны, но все равно удобными, а рубашка с пышными рукавами сияла белизной, которая вполне удовлетворила бы любую хозяйку в Эмондовом Лугу в день стирки. Высокие, по колено, сапоги пришлись впору, да так, будто он их носил целый год. Ранд надеялся, что причиной тому искусство сапожника, а не Айз Седай.

Вся одежда, если ее сложить, наверняка бы образовала кучу высотой с Ранда. Но юноша уже привык к роскоши чистых рубашек, к тому, что не нужно носить штаны день за днем, пока от пота и грязи они не становились такими же жесткими, как и сапоги, а потом надевать и надевать их опять. Ранд достал из ларя седельные сумки и что смог запихал в них, потом с неохотой расстелил на постели причудливый плащ и набросал на него еще несколько рубашек и штанов. Свернутый опасным знаком внутрь и затянутый веревкой так, чтобы его можно было бы повесить на плечо, плащ немногим отличался от узлов, что несли с собой парни, которых он встречал на дорогах.

Через бойницы в комнату ворвался раскат фанфар – труб, приветствующих из-за городских стен, труб, откликающихся с крепостных башен.

– При первой возможности спорю вышивку, – пробормотал Ранд. Как-то он видел, как женщины, ошибившись или разочаровавшись в узоре, распускали вышитое ими, и со стороны эта процедура непосильной не выглядела.

Оставшуюся одежду – по правде говоря, большую ее часть – Ранд затолкал обратно в гардероб. Не нужно оставлять доказательства бегства, да к тому же такие, которые обнаружит первый же заглянувший в комнату после его ухода.

По-прежнему хмурясь, Ранд опустился на колени возле своей кровати. Выложенные плиткой помосты, на которые опирались ножки кроватей, представляли собой печи, где притушенный огонь, горя всю ночь, сохранял постель теплой даже в самую холодную ночь шайнарской зимы. В это время года ночи были холоднее, чем Ранд привык, но теперь хватало и одеяла. Открыв заслонку, он вытащил сверток, оставить который не мог. Юноша порадовался про себя, что Элансу не пришло в голову, что там кто-нибудь может хранить одежду.

Водрузив узел на одеяла, он отвязал уголок и отогнул его. Плащ менестреля, вывернутый наизнанку, чтобы скрыть от чужих глаз сотни покрывающих его заплат – заплат всех возможных расцветок и размеров. Сам плащ был вполне плотным и целым, а по многоцветью заплат всегда безошибочно узнавался менестрель. Это плащ менестреля. Был когда-то плащом менестреля.

Внутри узла сиротливо жались друг к другу два жестких кожаных футляра. В большом хранилась арфа, к которой Ранд не прикасался. «Арфа – не для неуклюжих фермерских пальцев, парень». В другом, узком и длинном, лежала украшенная золотой и серебряной гравировкой флейта, которой юноша, с тех пор как ушел из дома, не раз зарабатывал себе ужин и ночлег. На флейте его научил играть Том Меррилин – перед тем как погиб. Ранд, касаясь инструмента, всегда вспоминал менестреля, пронизательные голубые глаза Тома, его длинные седые усы, то, как Том сует ему в руки свернутый плащ и кричит, чтобы он убежал. А потом Том побежал сам, кинжалы как по волшебству появились у него в руках, совсем как на представлении, и бежал он сразиться с мурддраалом, что шел убивать Ранда и Мэта...

С душевным трепетом Ранд вновь затянул узел.

– С этим покончено. – Раздумывая о ветре, налетевшем на него на верхушке башни, он добавил: – Странные дела случаются так близко от Запустения.

Он не был уверен, что верит в это. Во всяком случае, не так, как полагал, очевидно, Лан. В любом случае, даже не появившись тут Престол Амерлин, ему уже давно было пора уходить из Фал Дара.

Натянув на себя отложенную куртку густого темно-зеленого цвета, напоминавшего ему о лесах в родных краях, о Тэмовой ферме в Западном лесу, где он рос, о Мокром лесе, где он учился плавать, Ранд застегнул пояс с мечом, отмеченным знаком цапли, на другой бок повесил ошетилившийся стрелами колчан. Лук со снятой тетивой стоял в углу рядом с луками Мэта и Перрина – длинный, на две ладони выше юноши, посох. Ранд сам вырезал его вскоре после возвращения в Фал Дара, и, кроме него, лишь Лан и Перрин могли натянуть его. Просунув скатку одеял и новый плащ под петли на своих выюках, он повесил узлы на левое плечо,

забросил поверх них седельные сумки и взял лук. «Оставить правую руку свободной, – подумал Ранд. – Заставить их думать, что я опасен. Может быть, кто-то так и решит».

Дверь, скрипнув, отворилась, открыв взору почти опустевший коридор; один слуга в ливрее пронесся мимо, но он ограничился лишь тем, что бросил на Ранда мимолетный взгляд. Едва стремительные шаги стихли, Ранд выскользнул в коридор.

Он пытался идти естественной, небрежной походкой, но с седельными сумками на плече и узлами за спиной выглядел он тем, кем и был на самом деле, – человеком, отправляющимся в дальний путь и не собирающимся возвращаться. Ранд прекрасно понимал, как выглядит со стороны, но поделать ничего не мог. Вновь взревели трубы, теперь, внутри крепости, звуча чуть глуше.

У Ранда была лошадь, высокий гнедой жеребец, в северной конюшне, прозываемой «Конюшня лорда», рядом с воротами для вылазок, через которые лорд Агельмар обычно отправлялся на верховую прогулку. Сегодня навряд ли лорд Агельмар или же кто-то из его семьи решит прокатиться верхом, и в конюшне могут оказаться разве что двое-трое младших конюхов. До «Конюшни лорда» из комнаты Ранда было два пути. Один вел в обход всей крепости, огибая личный сад лорда Агельмара, потом по дальней стороне цитадели и через кузницу, теперь тоже наверняка опустевшую, и на конюшенный двор. Пока доберешься до лошади, уже сто раз успеют отдать распоряжения начать поиски. Другой путь был много короче: сначала через внешний крепостной двор-плац, где как раз сейчас вот-вот должна появиться Престол Амерлин, а в придачу к ней – дюжина или даже больше Айз Седай.

При этой мысли кожу защипало; с него уже довольно Айз Седай на всю жизнь здорового мыслящего человека. Одной и так хватило по горло. Все сказания говорят об этом, и он твердо знал это. Но Ранд удивился, когда ноги понесли его к внешнему двору. Скорей всего, увидеть легендарный Тар Валон ему никогда не доведется – такого риска он себе позволить не мог ни теперь, ни когда-нибудь в будущем, – но можно напоследок одним глазком глянуть на Престол Амерлин до своего ухода. Все равно что повидать королеву. «Нет ничего опасного в одном взгляде, да еще и издали. Останавливаться я не буду и уйду раньше, чем она успеет понять, что я был там».

Ранд потянул тяжелую, окованную железными полосами дверь, ведущую во внешний двор цитадели, и шагнул в тишину. Народ густо усеивал дорожки для часовых по верху каждой стены – солдаты с хохолками на макушке, слуги в ливреях, челядинцы, еще не успевшие отмыться от грязи, все плотно прижатые друг к другу; на плечах у многих сидели дети, глядя поверх голов старших, другие ребятишки протискивались вперед, вытягивая шею между коленей и под локтями у взрослых. На галереях для лучников было не протолкнуться, они казались забитыми, будто бочки яблоками, даже в узких бойницах стен виднелись лица. Плотная людская масса окаймляла двор крепости еще одной стеной. Все в молчании смотрели и ждали.

Ранд протолкался вдоль стены, мимо выстроившихся по краям двора кузниц и мастерских оружейников – Фал Дара был крепостью, а не дворцом, несмотря на свои размеры и суровое величие, и все тут подчинялось одной цели, – тихо извиняясь перед людьми, которых ненароком задевал. Некоторые оборачивались сердито, кое-кто бросал вслед недоуменный взгляд на седельные сумки и узлы, но никто не нарушил тишины. Большинство же даже не удосужилось полюбопытствовать, кто это там мимоходом толкнул их.

Поверх голов большей части собравшихся Ранд мог без труда наблюдать за происходящим во дворе крепости. Сразу за главными воротами, внутри цитадели, выстроилась шеренга мужчин, стоящих рядом со своими лошадьми. Юноша насчитал их четырнадцать. Ни у одного из них не было похожих доспехов или одинаковых мечей, и ни один не походил на Лана, но Ранд не сомневался, что все они – Стражи. Круглые лица, квадратные лица, узкие лица – у всех четырнадцати был такой облик, будто они видят то, что другим людям недоступно, слышат то, что другие услышать не могут. Стоя в непринужденных позах, они выглядели столь же

смертоносно, как и волчья стая. Лишь одно у них было схоже: все как один носили меняющие цвета плащи, который Ранд впервые увидел на Лане, – плащи, которые зачастую словно сливались с тем, что находилось позади. Глядя сразу на столько воинов в этих плащах, нельзя было сохранить ни легкое сердце, ни безмятежный вид.

Впереди Стражей, в дюжине шагов от них, стояли рядом со своими лошадьми женщины, капюшоны их плащей были отброшены за спину. Теперь Ранд пересчитал их. Четырнадцать. Четырнадцать Айз Седай. Должно быть, они. Высокие и низкие, стройные и полные, смуглые и белокожие, волосы подстрижены коротко или нет, распущенные по плечам, свободно ниспадающие на спину или заплетенные в косы, одежды столь же различные, как и у Стражей, сколько женщин – столько же фасонов и цветов. Однако они тоже обладали сходством в одном – теперь, когда они стояли все вместе, оно стало явственным. Для женщин они выглядели лишенными всякого возраста. Издалека их можно было назвать молодыми, но, если подойти поближе, они, как знал Ранд, напоминали Морейн. Молодо выглядящие и в то же время нет, с гладкой кожей, но с лицами слишком зрелыми для столь юного возраста, глаза – знающие и повидавшие слишком многое.

«Поближе? Дубина! И без того я слишком уже близко! Чтоб мне сгореть, надо было идти длинным путем!» Ранд продолжал протискиваться к своей цели – к другой окованной железными полосами двери в дальнем конце двора, но оторвать взгляд от происходящего ему было не под силу.

Невозмутимые Айз Седай игнорировали любопытствующих, все внимание обратив на паланкин, находящийся теперь в центре крепостного двора. Несущие его лошади вели себя так спокойно, будто их держали под уздцы конюхи, хотя возле паланкина стояла лишь одна женщина; лицо ее было лицом Айз Седай, и она не обращала на лошадей никакого внимания. Перед собой обеими руками она держала вертикально жезл высотой в ее рост, на жезле, выше ее глаз, было насажено позолоченное пламя.

В дальнем конце двора цитадели, обратившись лицом к паланкину, стоял лорд Агельмар, выпрямив спину и развернув плечи, с невозмутимым лицом. На темно-синем кафтане с высоким воротом-стойкой атели три бегущие лисицы Дома Джагад и виднелся устремившийся вниз черный ястреб Шайнара. Рядом с лордом Фал Дара – Ронан, высохший от прожитых лет, но высокий по-прежнему; высокий жезл *шамбайяна* увенчивали три лисицы, вырезанные из красного аватина. По рангу и полномочиям шамбайян Ронан был ровней шатайян Элансу, но Элансу оставляла ему лишь распоряжаться церемониями и секретарствовать у лорда Агельмара. Пучки волос на макушке обоих мужчин были белыми как снег.

Все они – Стражи, Айз Седай, лорд Фал Дара и его шамбайян – стояли неподвижно, будто скала. Толпа зевак затаила дыхание. Вопреки самому себе Ранд замедлил шаг.

Вдруг Ронан трижды громко стукнул о широкие плиты жезлом, выкрикнув в тишину:

– Кто идет сюда? Кто идет сюда? Кто идет сюда?

Женщина возле паланкина легко ударила своим жезлом в ответ, тоже трижды:

– Блюстителю печатей. Пламя Тар Валона. Престол Амерлин.

– Почему мы должны бдить? – спросил Ронан.

– Ради надежды рода людского, – отозвалась высокая женщина.

– От чего мы охраняем?

– От Тени в полдень.

– Долго ли нам охранять?

– От восхода солнца до восхода солнца, пока вращается Колесо Времени.

Агельмар поклонился, его белый чуб шевелился на слабом ветерке.

– Фал Дара предлагает хлеб-соль и гостеприимство. Рады приветствовать Престол Амерлин, ибо здесь стоят на страже, здесь блюдут Пакт. Добро пожаловать.

Высокая женщина отдернула полог паланкина, и из него ступила на землю Престол Амерлин. Темноволосая, неопределенного возраста, как и все Айз Седай, женщина, выпрямляясь, обежала взглядом собравшихся. Ранд отшатнулся, когда ее взор скользнул по нему; он чуть ли не физически почувствовал его прикосновение. Но ее взгляд прошел дальше и остановился на лорде Агельмаре. Слуга в ливрее опустился подле нее на колено, держа в руках серебряный поднос со сложенными полотенцами, над ними еще поднимался пар. Женщина церемонно промокнула лицо и вытерла руки влажной тканью.

– Я благодарю, сын мой, за ваш радушный прием. Пусть Свет осияет Дом Джагад. Пусть Свет осияет Фал Дара и всех в нем.

Агельмар вновь поклонился:

– Вы оказываете нам честь, мать. – То, что она называла его «сыном», а он обращался к ней «мать», не прозвучало странным, хотя, если сравнить ее гладкие щеки с его резко очерченным лицом, скорее он походил на ее отца, если не на деда. Ее осанка могла поспорить с его манерой держать себя. – Дом Джагад – к вашим услугам. Фал Дара – в вашем распоряжении.

Со всех сторон раздались радостные кличи, набегающими волнами ударяясь о стены.

Затрепетав всей душой, Ранд заспешил к дверям, ведущим прочь от опасности, уже не заботясь о том, что кого-то толкает на ходу. «Это все твое проклятое воображение. Она и не подозревает, кто ты такой, не знает об этом. Пока еще. Кровь и пепел, если б она знала...» Он не хотел даже думать о том, что произошло бы, знай она, кто он такой, что он такое. Что произойдет, когда она в конце концов выяснит это? Он гадал, не имела ли она какого-то отношения к тому ветру на верхней площадке башни; Айз Седай ведь способны на подобные штуки. Протиснувшись в желанную дверь и захлопнув ее за собой, отсекая приветственные крики, что еще сотрясали крепостной двор, Ранд облегченно перевел дух.

Коридоры тут были так же пусты, как и те, по которым он проходил немногим ранее, и поэтому юноша пустился бегом. Через дворик поменьше, где в центре плескался фонтан, еще по одному коридору и на мощный плитняком конный двор. Сама «Конюшня лорда», высокая и длинная, была выстроена внутри крепостной стены, с большими окнами, выходящими внутрь крепости; лошадиные стойла располагались на двух этажах. Кузница на противоположной стороне двора стояла непривычно тихой, кузнец и его подручные ушли поглазеть на церемонию приветствия.

В широких дверях Ранда глубоким поклоном встретил Тима, старший конюх. Кланяясь, он прикоснулся ладонью к морщинистому, обветренному лбу, потом к сердцу:

– Душой и сердцем готов служить вам, милорд. Чем может услужить Тима, милорд? – На голове конюха не было чуба воина; волосы Тимы напоминали опрокинутый серый горшок, нахлобученный на голову.

Ранд вздохнул:

– В сотый раз, Тима, повторяю: я не лорд.

– Как угодно, милорд.

Поклон конюха на этот раз оказался еще ниже.

Причиной этого недоразумения послужило сходство имен. Ранд ал'Тор. Ал'Лан Мандрагоран. В случае с Ланом, согласно обычаю Малкир, королевское «ал» именовало его королем, но сам он никогда им не пользовался. Для Ранда же «ал» было просто частью его имени, правда он слышал, что когда-то раньше, очень давно, до того еще, как Двуречье стало называться Двуречьем, эта приставка значила «сын такого-то». Кое-кто из слуг в цитадели Фал Дара счел, однако, что поэтому он тоже король, ну или по меньшей мере принц. Все его попытки убедить их в обратном не возымели большого эффекта, разве что его «титул» снизили до лорда. По крайней мере, так Ранд предполагал; он никогда не видел, чтобы так много кланялись и расшаркивались даже перед лордом Агельмаром.

– Мне нужно, чтобы Рыжий был оседлан, Тима. – Ранд знал, что лучше обойтись так, чем пытаться самому заняться этим; Тима не позволил бы ему марать благородные руки. – Я решил провести пару дней за городом.

Дайте только оказаться верхом на большом гнедом жеребце, и через пару дней его увидят у реки Эринин или переходящим границу Арафела. «Тогда они меня ни за что не найдут».

Конюх сложился чуть ли не вдвое и остался в таком положении.

– Простите, милорд, – хрипло прошептал он. – Простите, но Тима не может исполнить приказания.

Вспыхнув от замешательства, Ранд обеспокоенно оглянулся вокруг – на виду не было ни одной живой души, – потом схватил Тиму за плечо и силой заставил того выпрямиться. Запретить Тиме и немногим другим вести себя подобным образом он не мог, но попытаться сделать так, чтобы этого не видел чей-нибудь взор, было в его силах.

– Почему не может, Тима? Тима, посмотри мне в глаза, пожалуйста. Почему?

– Таковы распоряжения, милорд, – произнес Тима по-прежнему шепотом. Он продолжал прятать глаза, не от страха, а от стыда, что не может выполнить того, о чем просит Ранд. Чувствовать стыд – для шайнарцев все равно что для другого человека получить на лоб клеймо вора. – Вплоть до изменения приказа ни одна лошадь не покинет эту конюшню. И никакую другую в крепости, милорд.

Ранд открыл рот, чтобы сказать конюху, что все в порядке и его вины тут нет, но вместо этого облизал губы.

– Ни одна лошадь ни из какой конюшни?

– Да, милорд. Приказ был отдан совсем недавно. Какие-то минуты назад. – Голос Тимы обрел силу. – Также закрыты и все ворота, милорд. Без разрешения никто не выйдет и не войдет. Даже городской караул – так было сказано Тиме.

Ранд тяжело сглотнул, но ощущение сдавливающих горло пальцев не исчезло.

– Тима, что это за приказ? От лорда Агельмара?

– Конечно, милорд. От кого же еще? Конечно, лорд Агельмар лично не отдавал такого распоряжения Тиме и даже тому, кто передал его Тиме, но, милорд, кто еще мог отдать в Фал Дара такой приказ?

«Кто еще?» Ранд чуть не подпрыгнул, когда на крепостной колокольне ударил гулко самый большой колокол. К его звону присоединились другие, потом затрезвонили колокола в городе.

– Если Тиме будет позволено сказать, – обратился к юноше конюх, улучив момент между колокольными ударами, – то милорд, должно быть, очень счастлив.

Ранду пришлось в ответ кричать, чтобы Тима его услышал:

– Счастлив? Почему?

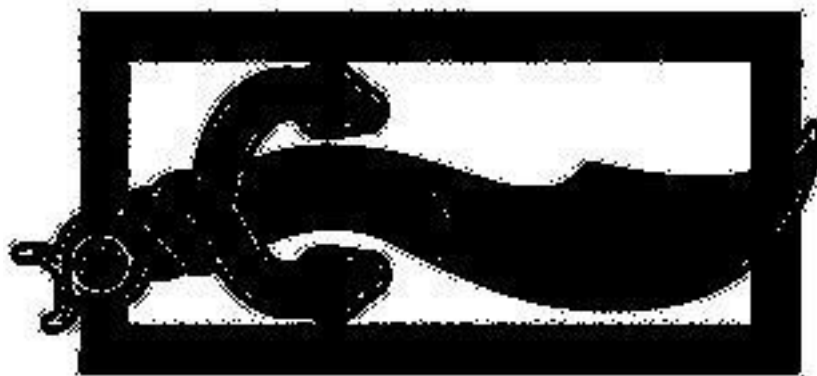
– Приветствие кончилось, милорд. – Тима указал рукой на колокольню. – Теперь Престол Амерлин пошлет за милордом и за друзьями милорда и пригласит их к себе.

Ранд бросился бежать. Он еще успел заметить озадаченное выражение лица Тимы, а потом конюх исчез из виду за углом. Какая разница, что подумает Тима. «Она сейчас пошлет за мной».

Глава 3

Друзья и враги

Далеко Ранд не убежал, всего-навсего до ворот для вылазок сразу за углом конюшни. Не доходя до них, он перешел на шаг, пытаясь выглядеть непринужденным и никуда не спешащим.

Ворота были плотно закрыты. Через неширокую арку едва проскакали бы два человека верхом, но, как и все ворота во внешней стене, створки их были обиты широкими полосами черного железа. Сейчас ворота были заложены толстенным засовом. Перед воротами стояли два стражника в простых конических шлемах и пластинчато-кольчужных доспехах, с длинными мечами на боку. На их золотистых налатниках-сюрко темнел на груди черный ястреб. Одного из стражников, Рагана, Ранд немного знал. За решетчатым забралом замечен был на смуглой щеке Рагана белый треугольник шрама от троллочьей стрелы. На морщинистых щеках старого воина появились ямочки, когда он увидел Ранда.

– Да будет благосклонен к тебе мир, Ранд ал’Тор. – Раган почти кричал, чтобы его услышали в звоне колоколов. – Решил посшибать кроликов или же все еще упорствуешь, что эта дубина – лук?

Второй стражник шагнул вбок, встав ближе к центру ворот.

– Да будет благосклонен мир к тебе, Раган, – произнес Ранд, останавливаясь перед стражниками. Сдерживать дрожь в голосе требовало огромных усилий. – Вам известно ведь, это лук. Вы же видели, как я из него стреляю.

– Неудобен с лошади, – недовольным тоном заметил второй стражник.

Теперь Ранд узнал его – по глубоко посаженным, почти черным глазам, которые, казалось, никогда не мигали. Они смотрели на юношу двойными туннелями из пещеры шлема. Вот так невезение: хуже не придумать, чтобы ворота охранял именно Масима. Хотя нет, хуже могут оказаться только Красные Айя, но намного ли хуже – непонятно.

– Слишком длинный! – прибавил Масима. – Из кавалерийского лука я выпущу три стрелы, пока ты успеешь выпустить одну этим чудищем.

Ранд заставил себя улыбнуться, будто сочтя это замечание за шутку. Ранду не доводилось слышать от Масимы ни шуток, ни смеха. Большинство людей в Фал Дара хорошо относились к Ранду: он занимался с Ланом, лорд Агельмар сажал его за свой стол и, что важнее всего, в Фал Дара он прибыл вместе с Морейн, с Айз Седай. Некоторым, правда, никак не удавалось забыть, что он чужестранец, они едва цедили ему пару слов, и то если им приходилось отвечать ему. Из этих Масима был худшим.

– А для меня – хорош, – сказал Ранд. – Кстати, о кроликах; Раган, как насчет того, чтобы выпустить меня? Не по мне вся эта суeta и гам. Лучше уж поохотиться на кроликов, даже если ни один из них мне на глаза не попадется.

Раган чуть обернулся к своему товарищу, и надежды Ранда стали расти. Раган, несмотря на мрачность, придаваемую ему шрамом, отличался покладистым характером и Ранду симпатизировал. Но Масима уже мотал головой. Раган вздохнул:

– Нельзя, Ранд ал’Тор. – Он, словно бы объясняя, едва заметно кивнул на Масиму. Мол, если б все зависело от одного Рагана... – Никто не выйдет без письменного пропуска. Очень жаль, вот стоило тебе только попросить несколько минут назад. Только что доставили приказ запретить ворота.

– Но зачем бы лорду Агельмару держать *меня* внутри крепости?

Масима рассматривал узлы за спиной Ранда и седельные сумки. Ранд старался не замечать его взглядов.

– Я – его гость, – продолжал он, обращаясь к Рагану. – Сказать по чести, я мог уйти в любое время за эти минувшие недели. С чего бы этот приказ касался меня? Это же приказ лорда Агельмара, разве нет?

Масима прищурил глаз, отчего его обычная хмурость стала еще мрачнее; он, похоже, забыл о тюках Ранда.

Раган засмеялся:

– Кто же еще отдал бы такой приказ, Ранд ал’Тор? Конечно же, мне его передал Уно, но чей же иначе это мог быть приказ?

Немигающие глаза Масимы впились в лицо Ранда.

– Я просто хотел выйти, – сказал Ранд. – Ладно, тогда погуляю в каком-нибудь саду. Кроликов нет, но и толпы-то не будет тоже. Да осияет вас Свет, и пусть будет мир благосклонен к вам.

Не дожидаясь ответного благословения, Ранд зашагал прочь, решив в любом случае к садам вообще не приближаться. «Чтоб я сгорел, как только церемония кончится, в любом из них могут оказаться Айз Седай». Ощущая спиной взгляд Масимы – Ранд был уверен, что вслед ему смотрит именно он, – юноша шел нормальным шагом.

Внезапно трезвон колоколов стих, и Ранд запнулся. Бежали минуты. Одна за другой, множество. Сейчас Престол Амерлин провожают в отведенные ей апартаменты. Вот сейчас она пошлет за ним, а когда его не найдут, начнут розыски. Едва ворота для вылазок скрылись из глаз, Ранд пустился бегом.

Находящиеся возле казарменных кухонь Возчиковы ворота, через которые в цитадель доставлялась провизия, стояли закрытые и запертые на засов, за спинами пары солдат. Ранд поспешил мимо, через двор кухни, как будто и не думал тут останавливаться.

Собачья калитка в дальнем конце крепости, в которую едва мог пройти пеший воин, тоже охранялась. Ранд развернулся кругом, прежде чем стражники заметили его. Для такой большой крепости, как Фал Дара, ворот было немного, но коли уж под охраной и Собачья калитка, то стража, несомненно, стоит у всех.

Если б у него была веревка... Ранд взобрался по лестнице на гребень внешней стены, к широкому парапету, огражденному зубцами. Он чувствовал себя тут очень неудобно: стоять высоко наверху, открытым ветру – вдруг тот задует опять? – но отсюда был виден весь город до самых своих стен. Даже спустя месяц панорама островерхих крыш с высокими дымоходами смотрелась чудно, на двуреченский взгляд – свесы крыш доходили почти до земли, словно дома были одной крышей из деревянного гонта, а дымоходы изгибались под углом, чтобы тяжелый снег соскальзывал с них. Цитадель окружала широкая мощеная площадь, но всего в сотне шагов от ее стен на улицах суетился всякий люд, занятый повседневными делами: возле своих лавок возились под навесами лавочники; просто одетые фермеры, пришедшие в город чего-нибудь купить или продать, лоточники, ремесленники, горожане собирались группками, несомненно судача о неожиданном визите Престола Амерлин. Ранд видел, как через одни из ворот

в городской стене тек людской поток, катили повозки, – очевидно, там у стражников не было приказов кого-либо останавливать.

Ранд поднял глаза на ближайшую сторожевую башню; солдат приветственно поднял руку, блеснувшую сталью перчатки. Горько усмехнувшись, юноша помахал ему в ответ. Без надзора не оставалось и фута стены. Выглянув в амбразуру, он окинул взором отвесный камень: от пазов для установки переносных щитов до сухого рва далеко внизу.

Двенадцать шагов шириной и десять глубиной, облицованный до зеркальной гладкости. Низенькая стенка, имеющая наклон к крепости – чтобы за ней нельзя было спрятаться, – оберегала прохожего от случайного падения в ров, дно которого было усажено лесом острых как бритва пик. Даже имей Ранд веревку и не будь на стене бдительных часовых, ему все равно не перебраться через ров. То, что сдерживало троллоков, в высшей степени успешно служило и тому, чтобы удержать юношу в крепости.

Внезапно Ранд почувствовал себя усталым – усталым и опустошенным до крайности. Престол Амерлин – здесь, и выхода нет. Выхода нет, и Престол Амерлин – здесь. Если ей известно, что он тут, если это она наслала тот ветер, который вцепился в него, то она уже наверняка ищет его, ищет с помощью возможностей Айз Седай. У кроликов против его лука больше шансов. Однако у Ранда и в мыслях не было сдаваться. Встречались те, кто утверждал, будто народ Двуречья мог бы учить камни и давать уроки упрямства мулам. Когда больше ничего не оставалось, народ Двуречья крепко держался за свое упрямство.

Спустившись со стены, Ранд побрел через крепость. Ему было все равно, куда он идет, лишь бы не туда, где его ждут. Куда-нибудь подальше от своей комнаты, от любой конюшни, от всех ворот – Масима мог отважиться нарваться на ругательства Уно, но доложить, что Ранд хотел уйти из крепости, – и подальше от сада. Ранд мог сейчас думать лишь об одном – не попадаться на глаза *любой* Айз Седай. Даже Морейн. Она *знает* о нем. Вопреки этому она ничего против него не предпринимала. «Пока что. Насколько тебе известно, пока что ничего. А вдруг она передумала? Может, это она послала за Престолом Амерлин?»

На миг ощутив себя брошенным всеми и покинутым, Ранд прислонился к стене, опершись плечом на твердый камень. Пустыми глазами он уставился в далекое ничто и увидел то, чего видеть не хотел. «Укрошенный. Неужели будет так плохо, раз этому положат конец? И в самом деле конец?» Ранд прикрыл глаза, но по-прежнему видел себя съежившимся, будто кролик, которому некуда бежать, а Айз Седай окружают его, словно вóроны. «Почти всегда вскоре они умирают, те мужчины, которых укротили. У них исчезает желание жить». Он слишком хорошо помнил слова Тома Меррилина. Встряхнувшись, Ранд заторопился дальше по коридору. Нечего стоять столбом, пока тебя не найдут. «Сколько пройдет времени, пока они все-таки найдут тебя? Ты как овца в загоне. Сколько тебе времени отпущено?» Он коснулся эфеса меча, висящего на боку. «Нет, не овца. Ни для Айз Седай, ни для кого другого». Ранд чувствовал себя немного нелепо, но решительности ему было не занимать.

Народ понемногу возвращался к своим обыденным занятиям. Кухню, ближайшую к Большому залу, где этим вечером должен быть пир в честь Престола Амерлин и ее отряда, наполнял шум голосов и громохание котлов. Повара, поварята все как один сновали между плитами; в плетеных колесах рысцой бегали собаки, вращая вертела с насаженными на них кусками мяса. Ранд торопливо пробился через жар и пар, окунувшись в запахи специй и стряпни. Никто не взглянул на юношу дважды – все были слишком заняты.

Дальняя часть крепости, где в небольших комнатах жили слуги, напоминала развороченный муравейник – мужчины и женщины торопились облачиться в свои лучшие ливреи. По углам, чтобы не мешать взрослым, возились и играли дети. Мальчишки размахивали деревянными мечами, а девочки играли вырезанными из дерева куклами, причем одна заявляла, что именно ее-то кукла и есть Престол Амерлин. Двери были распахнуты настежь, дверные проемы закрыты лишь занавесями из бус. Обычно это означало, что живущие здесь рады видеть

гостей, но сегодня все попросту спешили. Даже те, кто кланялся Ранду, едва ли замедляли для приветствия шаг. Мог бы кто-то из них, отправившись на службу, услышать, что его разыскивают, и рассказать, что видел его? Заговорить с Айз Седай и сказать ей, где найти его? Глаза тех, мимо кого Ранд проходил, вдруг показались пугающими, они оценивали его исподтишка, они задумчиво ощупывали его спину. В мыслях Ранда даже дети обрели более проницательные взгляды. Он понимал: это всего лишь злые шутки воображения – он был уверен: так оно и есть, так должно быть, – но, когда комнаты слуг остались позади, Ранд почувствовал себя так, будто выскочил из капкана раньше, чем тот успел захлопнуться.

Кое-где в крепости никого не было, люди, обычно работавшие там, по случаю неожиданно выпавшего праздника были освобождены от работ. В кузнице оружейника все горны притушены, наковальни не звенели под молотами. Тихо. Холодно. Безжизненно. Однако как-то не пусто. Кожу закололо, и Ранд развернулся на каблуках. Там – никого. Лишь огромные лари с инструментами и полные масла бочки для закалки. Волоски на затылке зашевелились, и он резко крутанулся опять. Молотки и клещи висели на стене на своих крючках. Гневно он оглядел большую комнату. «Тут никого нет. Это просто мое воображение. Этот ветер и Америклин; хватит для того, чтобы всякое стало мерещиться...»

Едва Ранд ступил на двор оружейной мастерской, ветер моментально закружился вокруг него. Невольно он вздрогнул, решив, что ветер хочет схватить его. На мгновение ему вновь почудился слабый запах гнили и послышался за спиной гадкий смешок. Всего на мгновение. Напуганный, он настороженно обошел двор кругом, опасливо глядя по сторонам. Двор, вымощенный неотесанным камнем, был пуст. «Просто-напросто проклятое воображение!» Но тем не менее юноша побежал, и вновь ему послышался смешок, на сей раз в безветренном воздухе.

На дровяном дворе это чувство вернулось – ощущение чьего-то присутствия. Ощущение чьего-то взгляда из-за высоких полениц наколотых дров, сложенных под длинными навесами, быстрые взгляды поверх штабелей выдержанных досок и бревен, лежащих в другом конце двора возле плотницкой мастерской, сейчас с плотно затворенными дверями. Ранд едва сдерживался, чтобы не оглянуться, отказывался думать о том, каким образом одни и те же глаза могли так быстро перемещаться с места на место – от навеса лесопильни через пустой двор к плотницкой, а он даже краем глаза не уловил и тени движения. Ранд был уверен, что глаза одни и те же. «Воображение. Или, наверное, я уже потихоньку схожу с ума. – Он поежился. – Только не это. О Свет, пожалуйста, только не это!» С одревеневшей спиной Ранд пересек дровяной двор, чувствуя на себе неотвязный взгляд невидимого наблюдателя.

Все дальше по коридорам, освещенным лишь немногими факелами из тростника, в кладовые, полные мешков с сушеным горохом и бобами, тесные от битком набитых сеток со сморщенной репой и свеклой или уставленные винными бочками и бочонками с солониной, бочонками поменьше, с элем, а глаза уже были там, иногда преследующие его, иногда поджидающие, когда он войдет. Ранд не слышал ничьих шагов, только свои собственные, ни разу не уловил скрипа двери, лишь когда сам открывал и закрывал ее, но взгляд этот ни на миг не оставлял его. «Свет, я и впрямь начинаю с ума сходить».

Ранд открыл дверь еще в одну кладовую, и хлынувшие оттуда людские голоса, людской смех затопили юношу облегчением. Уж здесь невидимых глаз быть не должно. Он переступил через порог.

Полкомнаты было загромождено до самого потолка мешками с зерном. В другой половине возле голой стены тесным полукругом стояли на коленях с десятков мужчин. Почти на всех были короткие кожаные куртки челядинцев, волосы подстрижены под горшок. Ни чубов воинов, ни ливрей. Никого, кто ненароком мог бы выдать его. «А если нарочно?» Негромкое бормотание, стук игральные костей, чей-то хриплый смешок при очередном броске.

За игрой в кости наблюдал Лойал, задумчиво почесывая подбородок мизинцем толще большого пальца крупного мужчины. Головой огир едва не задевал стропил высокого – спана

в два – потолка. На него не оглядывался ни один из игроков. Нельзя сказать, что огиры были совсем уж обычным делом в Пограничных землях или где-то в других краях, но здесь о них знали и радушно встречали, а Лойал к тому же пробыл в Фал Дара достаточно долго, чтобы его появление вызывало лишь легкую заинтересованность. Темная туника огира со стоячим воротником, застегнутая на все пуговицы до самой шеи, была расклешена ниже пояса и доходила до его высоких сапог, а один из больших карманов от чего-то распух. Насколько Ранд знал Лойала – от книг. Даже с любопытством глядя на азартно играющих людей, Лойал вряд ли далеко отошел бы от книги.

Несмотря на все происходящее, Ранд вдруг сообразил, что ухмыляется. Лойал часто так на него действовал. Огир так много знал об одном, так мало о другом и, казалось, хотел знать все. Тем не менее Ранду вспомнилось, как он впервые увидел Лойала – уши с кисточками, брови висят, будто длинные усы, нос почти во всю ширину лица, – увидел его и решил, будто столкнулся нос к носу с троллоком. Он до сих пор стыдился того, как вел себя тогда. Огир и троллоки. Мурддраал и создания из мрачных закоулков полночных сказок. Существа из преданий и легенд. Так думал он о них до того, как ушел из Двуречья. Но с тех пор как Ранд покинул дом, ему довелось увидеть слишком много сказочных событий, вживе прошедших перед глазами, чтобы оставаться столь же уверенным в их сказочности. Айз Седай, и невидимые соглядатаи, и ветер, что схватил и держал его в своих объятиях. Улыбка сошла с лица Ранда.

– Все сказания – правда, – тихо произнес он.

Уши Лойала дернулись, он обернулся к Ранду. Когда огир узнал юношу, его лицо рассклала добродушная улыбка и он подошел поближе к нему.

– А, вот ты где, – прогудел Лойал, словно громадный шмель перелетел с цветка на цветок. – На церемонии приветствия я тебя не заметил. Такого прежде я не видывал. Одновременно и шайнарское приветствие, и Престол Амерлин. Она устало выглядит, как по-твоему? Наверяд ли легко быть Амерлин. Могу предположить, тяжелее, чем быть старейшиной. – Он помолчал с задумчивым видом, но лишь для того, чтобы сделать вдох. – Скажи мне, Ранд, ты тоже играешь в кости? Тут они играют в игру попроще, всего с тремя костями. В *стеддинге* мы обычно пользуемся четырьмя. Знаешь, они не пускают меня в игру. Они просто говорят: «Слава строителям» – и не делают ставок против меня. По-моему, это нечестно! Кости, которыми они играют, и в самом деле немного малы, – Лойал хмуро оглядел свою большую ладонь, которой можно было накрыть человеческую голову, – но все равно я считаю...

Ранд вцепился ему в руку и прервал Лойала. «Строители!»

– Лойал, ведь Фал Дара построили огиры? Тебе известен какой-нибудь выход наружу, не считая ворот? Какая-нибудь лазейка. Водосток. Хоть что-то, лишь бы человек прополз. И еще бы хорошо, чтоб ветра там не было.

Лойал состроил страдальческую гримасу, кончики бровей почти коснулись щек.

– Ранд, огиры возвели Мафал Дадаранелл, но тот город был разрушен в Троллоковые войны. Этот же, – он легко провел кончиками широких пальцев по камню, – построили люди. План Мафал Дадаранелл набросать я могу – как-то я видел карты в древней книге, еще в *стеддинге* Шангтай, – но про Фал Дара я знаю не больше твоего. Правда, построен он очень добротно, да? Холодно-непреклонный, но крепкий и добротный.

Ранд тяжело привалился к стене и зажмурился.

– Мне нужно выбраться наружу, – прошептал он. – Ворота на запоре, и никого не выпускают, но мне нужно выбраться из крепости.

– Но почему, Ранд? – медленно сказал Лойал. – Никто здесь не сделает тебе ничего плохого. Тебе нехорошо? Ранд? – Неожиданно он громко позвал: – Мэт! Перрин! По-моему, Ранд заболел.

Ранд открыл глаза и увидел, как два его друга подняли голову и встали в кругу игроков. На лице Мэта Коутона, по-аистиному длинноногого, блуждала полуулыбка, словно он видел

нечто забавное, чего не замечает больше никто. Перрина Айбара, с взлохмаченными, непокорными волосами, отличали могучие плечи и сильные руки – в Эмондовом Лугу он был учеником кузнеца. Оба они щеголяли в своем двуреченском наряде, простой и крепкой одежде, но поношенной, со следами долгих путешествий.

Мэт, шагнув от игроков, швырнул кости обратно в полукруг, и один из челядинцев окликнул:

– Эй, южанин, не дело уходить, когда выигрываешь!

– Лучше теперь, чем когда начнешь проигрывать, – со смехом ответил Мэт. Машинально он коснулся рукой куртки у пояса, и по лицу Ранда пробежала тень. За пазухой Мэт хранил кинжал с рубином в рукояти – кинжал, без которого он и шагу не ступал теперь, кинжал, без которого он не мог обходиться. Это был клинок, отмеченный порчей, из мертвого города Шадар Логот, оскверненного и извращенного злом почти столь же страшным, что и Темный, – злом, которое две тысячи лет назад погубило Шадар Логот, но которое все еще жило среди заброшенных развалин. Эта порча убьет Мэта, если тот будет хранить при себе этот кинжал, и она же еще быстрее убьет его, если он выбросит его. – У тебя еще будет случай отыграться.

Пренебрежительные хмыканья стоящих на коленях мужчин ясно говорили о том, что, по их мнению, сегодняшнему неудачнику вряд ли повезет в новой игре с Мэтом.

Перрин, не поднимая глаз, двинулся следом за Мэтом к Ранду. В эти дни Перрин никогда не поднимал глаз, а плечи у него поникли, будто он нес груз, слишком тяжелый даже для таких широких плеч.

– Чего стряслось, Ранд? – спросил Мэт. – Ты весь белый, что твоя рубашка. Эге! Где это ты так разоделся? Совсем шайнарцем стал? Может, я себе прикуплю такую вот куртку и рубашку понарядней. – Он похлопал по карману куртки, где зазвенели монеты. – Похоже, в кости мне везет. Стоит лишь дотронуться – и выигрыш в кармане.

– Тебе ничего не придется покупать, – устало отозвался Ранд. – Морейн сменила нам весь гардероб. Насколько знаю, вся старая одежда уже сгорела, осталась та, что на вас. Элансу явно намерена забрать и ее, так что на вашем месте я бы быстренько переоделся, прежде чем она дерет ее с ваших спин. – (Перрин по-прежнему не поднимал глаз, но щеки у него заалели; ухмылка Мэта стала еще шире, хотя и выглядела несколько натянутой. У них тоже случались неожиданные встречи в купальнях, и лишь один Мэт старательно делал вид, будто ничего особенного не происходит.) – И я не болен. Просто мне надо выбраться отсюда. Престол Амерлин здесь. Лан сказал... он сказал: раз она тут, то для меня было бы лучше, если б я ушел неделю назад. Мне нужно уйти, а все ворота на запоре.

– Он так сказал? – Мэт нахмурился. – Не понимаю. Он никогда не говорил ничего против Айз Седай. С чего бы сейчас? Слушай, Ранд, Айз Седай я люблю не больше твоего, но с нами-то они ничего не собираются делать. – Он понизил голос и оглянулся через плечо, проверяя, не слышит ли кто из играющих в кости. Опасаться Айз Седай можно, но в Пограничных землях ненависти к ним не испытывали, и непочтительное замечание о них могло привести к хорошей взбучке, если не к чему-то похуже. – Глянь на Морейн. Она не такая уж плохая, пускай даже и Айз Седай. Ты стал думать совсем как старый Кенн Буйе, который дома талдычил свои невероятные байки, рассевшись в «Винном ручье». Раз она нам ничего плохого не сделала, то и они не сделают. С чего бы?

Перрин поднял глаза. Желтые глаза, мерцающие в тусклом свете, как полированное золото. «Морейн не сделала нам ничего плохого?» – подумал Ранд. Глаза у Перрина, когда они уходили из Двуречья, были такие же темно-карие, как и у Мэта. Ранд представления не имел о том, каким образом изменился их цвет, – Перрин не хотел говорить об этом, как и о многом из того, что случилось после этой метаморфозы, – но все происшедшее наложило на него и иной отпечаток: поникшие плечи, некая отчужденность, будто он чувствовал себя одиноким даже рядом с друзьями. Глаза Перрина и кинжал у Мэта. Ничего бы этого не случилось, если б они

не покинули Эмондов Луг, а ведь именно Морейн увела их из дому. Ранд понимал, что думать так несправедливо. Вероятно, они бы погибли в троллочьих лапах, да и многие из жителей Эмондова Луга тоже, если бы она не появилась у них в деревне. Но от этого Перрин не станет смеяться, как раньше, и кинжал не исчезнет с пояса Мэта. «А я? Будь я дома и живой, мог бы я все-таки быть тем, кто есть сейчас? Ну, хоть бы не пришлось тревожиться о том, что собираются сделать со мною Айз Седай».

Мэт продолжал насмешливо разглядывать Ранда, а Перрин приподнял голову настолько, чтобы исподлобья посмотреть на друга. Лойал терпеливо ждал. Почему ему нужно держаться подальше от Престола Амерлин, Ранд не мог объяснить друзьям. Они не ведали о том, что он такое. Лан – знал, и Морейн. И Эгвейн, и Найнив. Ранду бы очень хотелось, чтобы никто из них не знал, а в первую очередь Эгвейн, но Мэт и Перрин – и Лойал тоже – считали, что Ранд ничуть не изменился, оставшись прежним. Он подумал, что скорее умрет, чем позволит им узнать о себе правду. Невыносимо видеть неуверенность и тревогу, которые он изредка подмечал в глазах Эгвейн и Найнив, даже когда те старались изо всех сил скрыть свои чувства.

– Кто-то... следит за мной, – наконец сказал Ранд. – Ни на шаг от меня не отстает. Только... Только вот никого там нет.

Перрин вскинул голову, а Мэт облизнул губы и прошептал:

– Исчезающий?

– Разумеется, нет, – фыркнул Лойал. – Как бы мог один из Безглазых войти в Фал Дара, в город ли, в крепость ли? Есть закон: никому в городских стенах не позволено скрывать лицо, а фонащикам вменено в обязанность освещать по ночам улицы, так что для мурддраала нет тени, чтобы в ней спрятаться. Этого не может случиться.

– Исчезающего стены не остановят, – пробормотал Мэт. – Не остановят, коли ему захочется проникнуть внутрь. Не понимаю, как с этим лучше стен справятся законы и фонари.

Голос его вряд ли походил на голос человека, считавшего, будто Исчезающие – всего лишь сказки менестрелей. А полгода назад он полагал, что так оно и есть. Ему тоже довелось немало повиждать.

– И еще ветер, – добавил Ранд. Голос его слегка дрожал, когда он рассказывал о том, что случилось на верху башни. Кулаки Перрина, хрустнув, сжались. – Я просто хочу выбраться отсюда, – закончил Ранд. – Я собираюсь отправиться на юг. Куда-нибудь подальше. Просто куда-нибудь подальше.

– Но раз ворота на запоре, – сказал Мэт, – как мы выберемся?

Ранд уставился на него:

– Мы? – Он должен идти один. Рядом с ним любому будет грозить опасность. Он сам теперь опасен, и даже Морейн не в силах сказать, как долго это будет продолжаться. – Мэт, ты же знаешь, тебе нужно идти в Тар Валон с Морейн. Она говорила, там единственное место, где тебе помогут отделаться от этого проклятого кинжала и не дадут при этом умереть. И тебе известно, что случится, если ты не избавишься от него.

Мэт, не осознавая, очевидно, того, что делает, прикоснулся к кинжалу, спрятанному под курткой.

– «Подарок Айз Седай – наживка для рыбы», – процитировал он. – Ну, может, мне не хочется набрасываться на крючок. Вдруг то, что ей хочется сделать в Тар Валоне, будет много хуже того, что случится, если я вообще туда не пойду. Может, она лжет. «Правда, которую говорят Айз Седай, никогда не та правда, о которой думаешь ты».

– У тебя есть в запасе еще старые поговорки, которые из тебя полезли? – спросил Ранд. – «С южным ветром приходит добрый гость, а с северным – пустота в дом»? «Как ни крась свинью золотом, она все равно свинья»? Или, может: «Болтовня овец не стрижет»? «Речи дурня – пыль на ветру»?

– Полегче, Ранд, – тихо заметил Перрин. – Незачем грубить.

– Да? А может, я не очень-то хочу, чтоб вы вдвоем шли со мной, болтались рядом, попадали в беду, ожидая, чтобы я вытащил вас оттуда? Об этом вы хоть думали? Чтоб я сгорел, тебе не приходило в голову, что я мог устать от вашего постоянного присутствия рядом? Все время вы тут, и я от вас устал. – Обида, отразившаяся на лице Перрина, была Ранду будто нож в сердце, но он безжалостно продолжил: – Кое-кто тут думает, что я – лорд. Лорд. А может, мне нравится. А вы взгляните на себя – играете в кости на конюшне с работниками. Когда я уйду, то пойду сам по себе. Вы же оба можете идти в Тар Валон или на все четыре стороны, но отсюда я уйду один!

Лицо у Мэта вытянулось, пальцы, сжимающие сквозь куртку кинжал, побелели.

– Если тебе этого так хочется, – холодно сказал он. – А я-то думал, что мы были... Как тебе хочется, ал'Тор. Но если я решу уйти в одно время с тобой, то я уйду, а ты лучше не попадайся мне на глаза.

– Никто никуда еще не уходит, – заметил Перрин, – раз ворота заперты.

Он вновь уперся взглядом в пол. У стены раздался веселый хохот игроков – кому-то крупно не повезло с броском.

– Пойдете или останетесь, – заявил Лойал, – вместе или порознь, значения это не имеет. Вы все трое – *та'верен*. Даже я, хоть у меня и нет этого таланта, вижу это просто по тому, что происходит вокруг вас. И Морейн Седай утверждает то же самое.

Мэт вскинул руки:

– Больше не надо, Лойал. Больше об этом и слышать не желаю.

Лойал покачал головой:

– Слушаешь ты или нет, это все равно остается верным. Колесо Времени тклет Узор эпохи нитями людских жизней. А вы трое – *та'верен*, центральные точки плетения.

– Больше не надо, Лойал.

– Какое-то время, что бы вы ни делали, Колесо будет обводить Узор вокруг вас троих. И как бы вы ни поступали, более вероятно, что выбор ваших действий определен будет Колесом, а не вами. *Та'верен* тянут за собой историю, одним своим бытием создавая Узор, но Колесо оплетает *та'верен* туже, чем линии жизней прочих людей. Куда бы вы ни пошли и что бы вы ни делали, до тех пор пока Колесо выбирает по-другому, вы будете...

– Хватит! – заорал Мэт.

Игроки оглянулись, оторвавшись от костей, он ожег их взглядом, и те поспешили вернуться к игре.

– Извини меня, Мэт, – пророкотал Лойал. – Я знаю, что слишком много говорю, но я не хотел...

– Нет, я здесь не могу оставаться, – высказал Мэт стропилам наболевшее, – вместе с болтуном-огиром и набитым дураком, который нос задрал выше крыши! Ты идешь, Перрин?

Тот вздохнул, глянул на Ранда и кивнул.

Ранд следил, как уходят его друзья, словно его обидные слова гнали их палкой. «Я должен идти один. Да поможет мне Свет, так нужно».

Лойал тоже глядел им вслед, брови озабоченно поникли.

– Ранд, я и в самом деле не хотел...

Ранд постарался говорить поглубже:

– А ты чего ждешь? Иди с ними! Не понимаю, чего ты тут торчишь. Если ты не знаешь какого-нибудь выхода отсюда, мне от тебя проку мало. Иди! Иди ищи свои деревья, свои драгоценные рощицы, если их еще не срубили, а если нет – то скатертью к ним дорога.

Большие, как чашки, глаза Лойала смотрели сначала удивленно-обиженно, потом стали сужаться, и Ранд подумал, не гнев ли это? Он не предполагал, что Лойал способен на ярость. В отдельных сказаниях утверждалось, что огиры бывают разъяренными, хотя никогда не уточ-

нялось, какими именно, но Ранд пока еще не встречал кого-то столь же спокойного и вежливого, как Лойал.

– Если вам того хочется, Ранд ал’Тор, – чопорно проговорил Лойал.

Он холодно поклонился и зашагал следом за Мэтом и Перрином.

Ранд привалился к груде мешков с зерном. «Ну вот, – язвительно отметил внутренний голос, – ты сделал это, верно?» – «Я должен был, – отвечал он голосу. – Я опасен, лишь если нахожусь рядом. Кровь и пепел, я сойду с ума и... Нет! Нет, не сойду! Я не стану использовать Силу, и тогда я не сойду с ума и... Но я не могу идти на такой риск. Не могу, неужто не понятно?» Но голос только смеялся над ним.

Вдруг Ранд заметил, что игроки смотрят на него. Все они, по-прежнему стоя на коленях, обернулись и пораженно смотрели на него. Шайнарцы любого ранга почти всегда были вежливы и корректны, даже с кровными врагами, а огиры никогда не бывали в Шайнаре врагами. Глаза шайнарцев переполняло потрясение. Хоть лица их ничего не выражали, глаза говорили о том, что поступок Ранда чудовищен, выходит за рамки всех приличий. Где-то в душе Ранд соглашался с ними, и оттого их молчание было еще более осуждающим. Они лишь смотрели на него, и Ранд заковылял из кладовой прочь, словно их взоры гнали его.

Оцепенело он бродил по кладовым, выискивая место, где бы затаиться, пока не откроют вновь ворота. Тогда можно будет спрятаться – например, на дне повозки, доставляющей в крепость провиант. Если не станут на обратном пути обыскивать телеги. Если не обыщут кладовые, если, начав искать его, не перевернут вверх дном всю крепость. С упрямством Ранд и думать отказывался о такой возможности, сосредоточившись полностью на том, чтобы найти укрытие. Но в каждом обнаруженном убежище – будь то щель в груде сложенных мешков с зерном или узкий проход вдоль стены за винными бочками, заброшенная кладовка с пустыми корзинами и тенями – он представлял себе то, как его тут находят. И то, как этот невидимый соглядатай, кто бы – или что бы – он ни был, тоже отыскивает его тут. Поэтому Ранд продолжал свои настойчивые поиски, мучаясь от жажды, весь в пыли и с паутиной в волосах.

А потом он очутился в сумрачном, освещенном факелами коридоре, по которому крадучись шла Эгвейн, то и дело останавливаясь и заглядывая в кладовые, мимо которых проходила. Темные, свисающие до талии волосы были стянуты сзади алой лентой, на девушке было серое, цвета гусяного пуха, платье шайнарского покроя, отделанное красным. Когда Ранд увидел ее, то печаль и горечь утраты охватили его сильнее, чем тогда, когда он прогнал от себя Мэта с Перрином и Лойалом. Он рос с мыслью, что однажды, может, и женится на Эгвейн; они оба так думали. Но теперь...

Девушка вздрогнула, когда прямо перед ней вдруг возник Ранд, ойкнула и сказала:

– Вот ты где! Мэт с Перрином мне рассказали, что ты выкинул. И Лойал. Я знаю, что ты замыслил, Ранд, и это попросту дурость. – Она скрестила руки на груди, большие темные глаза сурово впились в него. Ранда всегда поражало, как ей удавалось смотреть на него сверху вниз – когда ей того хотелось, – хотя ростом Эгвейн была ему лишь по грудь и вдобавок на два года моложе.

– Ладно, пусть дурость, – сказал Ранд. Вдруг ее волосы привели его в гнев. До того как оставить Двуречье, Ранд никогда не встречал взрослую женщину с не заплетенными в косу волосами. Там каждая девушка ждет не дождется дня, когда Круг женщин деревни решит, что она вполне выросла, чтобы заплетать косу. Эгвейн этого разрешения точно ждала с нетерпением. И вот теперь ее волосы распущены, если не считать ленточки. «Я хочу уйти домой и не могу, а она ждет не дождется, чтобы забыть Эмондов Луг». – Ты тоже уходи и оставь меня в покое. Больше тебе не стоит водить дружбу с пастухом. Тут теперь достаточно Айз Седай, можешь увиваться вокруг них, сколько твоей душе угодно. И не говори никому из них, что видела меня. Они явились за мной, и я не хочу, чтоб ты им помогала.

Ярко-алые пятна расцвели на щеках Эгвейн.

– По-твоему, я бы могла...

Ранд повернулся, собираясь уйти, и она с криком кинулась на него, обхватив его ноги руками. Они оба упали на каменный пол, седельные сумки и узлы разлетелись по сторонам. От удара Ранд крикнул, рукоять меча воткнулась в бок, и он опять охнул, когда девушка взгромоздилась ему на спину, будто на стул.

– Моя матушка, – твердо заявила Эгвейн, – всегда говаривала мне, что лучший способ обращаться с мужчиной – это научиться ездить верхом на муле. Она говорила, что по уму они большей частью почти равны. Иногда мул даже посообразительнее.

Ранд приподнял голову и оглянулся через плечо.

– Слезь с меня, Эгвейн. Слезь, я сказал! Эгвейн, если ты не слезешь, – он угрожающе понизил голос, – я тебе задам. Ты же знаешь меня.

Для большего веса к своим словам он прибавил еще и свирепый взгляд на девушку.

Эгвейн фыркнула:

– Ты не стал бы, даже если б и мог. Ты бы не стал никому ничего делать. Но ты все равно не можешь. Я знаю, ты не способен направлять Силу по своему хотению; это бывает случайно, и ты не можешь ею управлять. Так что ничего ты не сделаешь ни мне, ни кому другому. С другой стороны, я брала уроки у Морейн, поэтому, если ты останешься глух к голосу разума, Ранд ал'Тор, я могу чуточку подпалить тебе штаны. Уж с этим-то я справлюсь. Продолжай в том же духе – и увидишь, под силу это мне или нет.

Вдруг на миг ближайший к ним факел на стене с ревом ярко вспыхнул. Эгвейн пискнула и, напуганная, уставилась на пламя.

Извернувшись, Ранд схватил ее за руку и стащил с себя, толкнув к стене. Когда он уселся, девушка сидела напротив него, взбешенно потирая руку.

– Ты и впрямь могла бы, да? – гневно сказал Ранд. – Ты балуешься с тем, чего не понимаешь. Ты бы нас обоих в головешки превратила!

– Ох уж эти мужчины! Когда не можете победить в споре, то либо убегаете, либо руки распускаете.

– погоди-ка, погоди! Кто кого с ног сбил? Кто на ком сидел? И ты угрожала – пыталась! – что... – Он поднял руку. – Нет, не пыталась. Все время ты со мной это делала. Всякий раз, как ты понимала, что спор идет не так, как хочется тебе, мы вдруг начинали спорить совсем о другом. Но сейчас это не пройдет.

– Я не спорю, – спокойно сказала Эгвейн, – и от разговора не ухожу. Зачем прятаться, если не задумал убежать? А после того как спрячешься, ты наверняка убежишь. И кто обидел Мэта, Перрина и Лойала? И меня? Я знаю почему. Ты боишься, что если позволишь кому-то оставаться рядом с собой, то принесешь этим больше горя. Если ты не поступаешь так, как не надо, тогда почему тебе нужно беспокоиться, что ты кого-то обидишь? Все эти шараханья из стороны в сторону и размахивания кулаками, и даже неизвестно, есть ли на то причина. С какой стати Амерлин или кто-то из Айз Седай, кроме Морейн, будет знать о том, что ты существуешь на свете?

Ранд посмотрел на нее. Чем больше времени девушка проводила с Морейн и Найнив, тем больше она перенимала у них, по крайней мере когда ей того хотелось. Временами Айз Седай и Мудрая очень походили друг на друга, сдержанно-холодные и знающие. Обнаружив подобное качество у Эгвейн, он пришел в полное замешательство. В конце концов Ранд выложил ей, что рассказывал ему Лан.

– Что еще он имел бы в виду?

Ладонь девушки застыла у него на руке, и она сосредоточенно нахмурилась:

– Морейн о тебе известно, и она ничего не сделала раньше, почему же должна сделать что-то теперь? Но раз Лан... – По-прежнему хмурясь, она встретила взгляд Ранда. – Первым

делом они станут искать в кладовых. Если станут искать. Пока мы не выясним, начали ли поиски, тебе нужно спрятаться куда-то, где им в голову не придет искать. Знаю! Тюрьма.

Ранд с трудом встал на ноги.

– Тюрьма?!

– Ну не в камеру же, глупышка. Иногда по вечерам я хожу туда навещать Падана Фейна. И Найнив тоже заходит. Никому не покажется странным, если сегодня я зайду туда пораньше. По правде сказать, пока все глазают на Амерлин, нас даже и не заметит никто.

– Но Морейн...

– Расспрашивать мастера Фейна она в подземелье не спускается. Его к ней приводят. И за последние недели это бывало не очень часто. Поверь мне, там ты будешь в безопасности.

Ранд все еще колебался. Падан Фейн.

– Зачем ты вообще навещаешь торговца? Он – приспешник Тьмы, сам признался, он нехороший человек. Чтоб я сгорел, Эгвейн, он же привел троллоков в Эмондов Луг! Гончая Темного, как он назвал себя, он же с Ночи зимы вынюхивал мой след!

– Ну, теперь, за решеткой, он никому не страшен, Ранд. – Теперь девушка смотрела на него умоляюще. – Ранд, он приезжал со своим фургоном в Двуречье каждую весну еще до моего рождения. Он знает всех знакомых мне людей, все известные мне места. Странно, но чем дольше он в тюрьме, тем спокойнее становится. Он вроде как освобождается от влияния Темного. Он опять смеется, рассказывает забавные истории, говорит о людях из Эмондова Луга, а иногда о местах, о которых я раньше и не слышала. Порой его почти не отличить от прежнего Фейна. Просто мне нравится разговаривать с кем-то о родных краях.

«С тех самых пор, как я стал чураться тебя, – подумал Ранд, – и с тех самых пор, как Перрин стал всех сторониться, а Мэт проводит все свое время за игрой и в пирушках».

– Не нужно было держать все в себе так долго, – пробормотал он, потом вздохнул. – Ну, раз Морейн Седай считает, что тебе это ничем не грозит, наверное, для меня это тоже безопасно. Но лучше, чтобы ты не была замешана в это дело.

Эгвейн поднялась на ноги и принялась тщательно отряхивать платье, избегая встречаться глазами с Рандом.

– Морейн говорила, что эти посещения безопасны, Эгвейн?

– Морейн Седай никогда не говорила, что мне нельзя навещать мастера Фейна, – осторожно подбирая слова, ответила девушка.

Ранд, пораженный, уставился на нее, потом его прорвало:

– Ты у нее никогда и не спрашивала. Она и ведать не ведает. Эгвейн, это глупо! Падан Фейн – друг Темного, и он ничем не лучше любого другого друга Темного.

– Он в тюрьме, под замком, – твердо заявила Эгвейн, – и мне незачем спрашивать позволения Морейн на все, что я делаю. Тебе не поздновато ли беспокоиться о том, что думает Айз Седай? Ну, идешь?

– Тюрьму отыскать я и без тебя смогу. Они ищут меня или скоро начнут, и если тебя найдут вместе со мной, хорошего для тебя в этом будет мало.

– Без меня, – сухо сказала Эгвейн, – ты, скорей всего, запнешься о собственные ноги и грохнешься прямоком под ноги Престолу Амерлин, а потом, пытаясь выпутаться из этого положения, сознаешься во всем.

– Кровь и пепел, останься ты дома, наверняка бы оказалась в Круге женщин. Если бы мужчины все были такими неуклюжими и беспомощными, как ты, похоже, о них думаешь, то мы никогда бы...

– Ты собрался стоять тут и трепать языком, пока тебя не найдут? Собирай-ка свои вещички, Ранд, и пойдем со мной.

Не ожидая ответа, Эгвейн повернулась и двинулась по коридору. Ранд, что-то бормоча себе под нос, неохотно подчинился.

В дальних переходах, по которым они пробирались, им встретилось не много людей – в основном слуги, – но у Ранда появилось такое чувство, будто все они особо к нему приглядываются. Не как к человеку с вещами, готовому к дальнему путешествию, а именно к нему, к Ранду ал'Тору. Он понимал, что это игра его воображения, – надеялся, что только это, – но все равно у него с плеч будто гора свалилась, когда они с Эгвейн остановились в коридоре, глубоко в подземелье крепости, перед высокой дверью, обитой железными полосами так, словно она располагалась во внешней стене. В двери имелось маленькое зарешеченное окошко, под которым висела колотушка.

Сквозь решетку Ранд разглядел голые стены и двух солдат с кисточками на макушке. Стражники сидели с непокрытой головой за столом. Один из них длинными плавными движениями точила правил кинжал. Его рука не дрогнула от резкого звона железа о железо, когда Эгвейн постучала колотушкой в дверь. Второй солдат повернул к двери вялое, угрюмое лицо и какое-то время смотрел на нее, будто раздумывая, и лишь потом наконец поднялся и подошел. Приземистому и коренастому, ему едва хватало роста заглянуть сквозь густые прутья решетки.

– Чего надо? А, это опять ты, девочка. Пришла провести этого приятеля Темного? А это кто?

Он даже пальцем не пошевелил, чтобы открыть дверь.

– Он мой друг, Чангу. Он тоже хотел бы повидать мастера Фейна.

Солдат принялся разглядывать Ранда, оттопырив верхнюю губу и обнажив передние зубы. Ранд сомневался, что эта гримаса сошла бы за улыбку.

– Что ж... – заключил наконец Чангу. – Ладно. Высок, да? Высок. И занятно одет для вашего брата. Кто-то заловил тебя молодым на Восточном пограничье и приручил? – Он с лязгом отодвинул засовы и дернул дверь. – Ладно, заходите, коли пришли. – В голосе скользнула насмешка. – Осторожнее, милорд, не ударьтесь головой.

Подобная опасность Ранду не грозила; в дверь свободно, не пригибаясь, мог зайти и Лойал. Ранд последовал за Эгвейн, хмурясь и гадая, не будет ли от Чангу каких-то бед. Он оказался первым встреченным Рандом грубым шайнарцем; даже Масима был не по-настоящему груб, а всего лишь холоден. Но Чангу просто захлопнул дверь, вбил тяжелые засовы на место, потом прошел к полкам у стола и снял оттуда один из фонарей. Второй стражник все острил свой кинжал, он даже глаз не оторвал от своего занятия. В помещении было пусто, не считая стола, скамеек да полок, пол устлан соломой, а в глубине виднелась еще одна окованная железом дверь, ведущая внутрь.

– Немного света вам не помешает, – сказал Чангу, – во тьме, в которой сидит ваш приятель. – Он хрипло и сухо рассмеялся и зажег фонарь. – Он вас ждет. – Чангу протянул фонарь Эгвейн и чуть ли не с готовностью отпер внутреннюю дверь. – Ждет вас. Там, в темноте.

Ранд замешкался, смущенный мраком за порогом, и за его спиной хихикнул Чангу, но Эгвейн схватила юношу за рукав и потянула внутрь. Дверь захлопнулась, чуть не ударив Ранда по пяткам; лязгнули задвинутые запоры. Остался лишь свет фонаря, маленькое пятно вокруг них с Эгвейн в обступившем со всех сторон мраке.

– Ты уверена, он нас выпустит обратно? – спросил Ранд. Стражник даже не взглянул на его меч и лук, не поинтересовался, что у него в узлах. – Они не очень-то хорошие сторожа. А вдруг мы здесь, чтобы вызволить Фейна?

– Они слишком хорошо меня знают, – ответила Эгвейн, правда голос ее звучал встревоженно, и она добавила: – Каждый раз, как я прихожу, они выглядят хуже. Все сторожа. Все мрачнее и все неприветливее. Впервые, когда я пришла сюда, Чангу шутил, а Нидао совсем теперь замкнулся, слова не проронит. Наверное, такая работа не прибавляет человеку радости на сердце. А может, дело только во мне. От этого места у меня на душе тоже невесело.

Но с этими словами она уверенно потянула Ранда во мрак. Он же положил ладонь другой руки на эфес меча.

Тусклый свет фонаря выхватывал из темноты вытянувшиеся по обе стороны широкого коридора решетки из полосового железа, разделенные каменными стенами на камеры. Лишь две камеры из всех, мимо которых прошли Эгвейн с Рандом, были заняты. Заключенные, сидевшие на узких койках, прикрыли глаза от света, глядя между пальцами. Даже не видя лиц узников, Ранд был уверен в том, что они внимательно смотрят на него. Их глаза сверкали в свете фонаря.

– Этот вот любит напиться и подраться, – тихо произнесла Эгвейн, указывая на дюжего мужчину со сбитыми костяшками пальцев. – На этот раз он разнес в щепки общий зал в городской гостинице, причем в одиночку, да еще кое-кому от него крепко досталось.

На втором арестанте были вышитый золотом кафтан с широкими рукавами и короткие лакированные сапоги.

– Он пытался улизнуть из города, не уплатив за гостиницу, – громко фыркнула девушка: отец ее владел гостиницей в Эмондовом Луге и был мэром деревни, – и задолжав полудюжине лавочников и купцов.

Арестанты огрызнулись бранью, сыпля грязными ругательствами, которые Ранду доводилось изредка слышать от купеческих охранников.

– С каждым днем они тоже становятся хуже, – напряженным голосом заметила девушка, ускорив шаг.

Эгвейн опередила Ранда, первой дойдя до камеры Падана Фейна в самом конце коридора, так что Ранд очутился за световым кругом. Он остановился, держась в тени, позади фонаря в руке девушки.

Фейн сидел на топчане, подавшись всем телом вперед, словно бы чего-то ожидал, – в точности как описал Чангу. Костлявый мужчина, с длинными руками, длинным носом и пронзительными глазами казался теперь даже более исхудалым, чем помнил Ранд. Исхудалым не из-за заключения в подземной темнице – арестантов кормили так же, как и слуг, и ни в чем он не был обделен, – но из-за того, что он делал прежде, до своего появления в Фал Дара.

Вид Фейна всколыхнул воспоминания, которые Ранд с охотой и радостью позабыл бы. Фейн, сидящий на козлах своего большого фургона, громящего колесами по Фургонному мосту, – Фейн приехал в Эмондов Луг в канун Ночи зимы. И в Ночь зимы появились троллоки, они жгли, убивали, искали. Искали, как сказала Морейн, троих молодых ребят. «Искали меня, если только они знали это, и использовали Фейна, чтобы охотничьим псом идти по моему следу».

При приближении Эгвейн Фейн встал, не прикрывая глаз, даже не мигая от света. Он улыбнулся девушке – улыбка коснулась только его губ, – затем взглянул поверх ее головы. Устремив взор прямо на прячущегося в темноте Ранда, Фейн воздел руку, указывая на юношу длинным пальцем.

– Я чувствую, что ты там прячешься, Ранд ал’Тор, – произнес он чуть ли не напевно. – Тебе не спрятаться ни от меня, ни от них. Ты думал, все кончено? Но битве не будет конца никогда, ал’Тор. Они идут за мной, и они идут за тобой, и война продолжается. Не важно, жив ты или умер, для тебя она никогда не кончится. Никогда!

Вдруг Фейн принялся декламировать:

Скоро день придет – свободны будут все,
Даже ты и даже я.
Скоро день придет – тогда погибнут все,
Точно – ты, никак не я.

Рука его упала, взгляд поднялся кверху, уставившись во тьму. Кривая ухмылка исказила его губы, он хохотнул, словно бы увидел нечто забавное.

– Мордет знает больше всех вас. Мордет знает.

Эгвейн попятилась от камеры, встала рядом с Рандом, и лишь кромка света лизала решетку камеры Фейна. Даже не видя его, Ранд был уверен, что Фейн по-прежнему всматривается в ничто. Тьма окутала торговца, но они слышали его смешки.

Вздрогнув, Ранд отлепил пальцы от рукояти меча.

– Свет! – хрипло вымолвил он. – Так ты говоришь, он такой же, каким обычно был прежде?

– Иногда он лучше, а иногда – хуже. – Голос Эгвейн дрожал. – Сейчас – хуже, чем обычно, – хуже некуда.

– Интересно, на что он уставился? Он сумасшедший, таращится во мраке на каменный потолок. – «Не будь камня, он бы смотрел точнехонько на женскую половину. Где находятся Морейн и Престол Амерлин». Юноша опять вздрогнул. – Он сумасшедший.

– Этот план оказался не очень хорош, Ранд. – Поглядывая через плечо на камеру, девушка потащила его прочь от нее. Она понизила голос, словно боясь, что Фейн ее услышит. Смешки Фейна катились следом за ними. – Даже если они и не станут тут искать, я не могу оставаться здесь рядом с ним таким, да и тебе нельзя. Что-то с ним сегодня такое... – Она прерывисто вдохнула. – Есть одно место, даже более укромное, чем это. Я не упоминала о нем раньше, потому что сюда тебя провести было легче, но они никогда не будут искать тебя на женской половине. Никогда.

– Женской?! Эгвейн, Фейн-то, может, и полоумный, но ты совсем ума лишилась. Нельзя спрятаться от ос в осином гнезде!

– Можешь предложить место получше? Куда еще в крепости ни один мужчина не войдет без приглашения женщины, даже лорд Агельмар? В каком еще месте никто и не подумает искать мужчину?

– Где еще в крепости место, в котором наверняка будет полным-полно Айз Седай? Это безумие, Эгвейн.

Тыча в узлы, она заговорила так, будто уже все решено:

– Тебе нужно завернуть меч и лук в плащ, и тогда все будет выглядеть, как будто ты несешь мои вещи. Не так сложно отыскать для тебя кожаную куртку и рубашку поплоче, не такие яркие и заметные. Хотя сутулиться тебе все равно придется.

– Сказал же – не стану я этого делать.

– Раз уж ты ведешь себя упрямо, как мул, тебе в самый раз придется роль выючного животного, если только ты не решишь, что лучше остаться здесь, внизу, вместе с ним.

По черным тням долетел смеющийся шепот Фейна:

– Битве никогда не будет конца, ал'Тор. Мордет знает.

– Лучше я попробую спрыгнуть со стены, – пробормотал Ранд. Но, скинув узлы, он принялся, как и предложила Эгвейн, заворачивать в плащ меч и лук с колчаном.

Во тьме рассмеялся Фейн:

– Она не кончится никогда, ал'Тор. Никогда!

Глава 4

Призванная

Морейн, одна в отведенных ей апартаментах на женской половине, поправляла на плечах шаль, украшенную вышитыми листьями плюща и виноградными лозами, разглядывая результат в высоком, стоящем в углу зеркале с простой рамой. Когда ее охватывал гнев, темные большие глаза вспыхивали ястребиной зоркостью. Теперь они почти буравили посеребренное стекло. Лишь по случайности шаль, когда Морейн приехала в Фал Дара, оказалась в седельной сумке. Шали – с сияющим Белым Пламенем Тар Валона в центре, на спине носительницы, и с длинной цветной бахромой; у Морейн бахрома была лазурно-голубой, как утреннее небо, – шали редко носили вне Тар Валона, да и там обычно только в Белой Башне. Не многое в Тар Валоне, за исключением собраний Совета Башни, предусматривало соблюдение формальностей ношения шалей, и за пределами Сияющих Стен эмблема Пламени распугала бы слишком многих, обратив их в бегство или, что вероятней, отправив их за Детьми Света. Для Айз Седай стрелы белоплащников столь же смертоносны, как и для любого другого, а Чада слишком хитры и коварны, чтобы позволить Айз Седай увидеть лучника раньше, чем стрела ударит в цель, чтобы позволить той как-нибудь избежать губительного выстрела. И в Фал Дара Морейн не собиралась никогда носить шаль. Но аудиенция у Амерлин требовала соблюдения церемониала.

Морейн, стройная и вовсе не высокая, из-за присущей всем Айз Седай неопределенности возраста, из-за гладких щек, не тронутых старостью, часто казалась моложе своего возраста, но она обладала повелительной грацией и уверенной осанкой, подчинявшими себе любое собрание. Умение держать себя, привитое в юные годы в королевском дворце Кайриэна, за время пребывания среди Айз Седай не размылось – наоборот, обрело новые грани и силу. Она знала, что сегодня ей это качество крайне понадобится – вся ее воля и выдержка, до последней капли. Но внешняя бесстрастность скрывала бурю в ее душе. «Должно быть, что-то стряслось, иначе она не явилась бы сюда сама», – подумала Морейн – наверное, уже в десятый раз. Но, кроме этого вопроса, возникали еще тысячи. «Что же стряслось и кого она выбрала себе в сопровождающие? Почему сюда? Почему сейчас? Нельзя, чтобы теперь все пошло наперекосяк».

Кольцо с Великим Змеем на правой руке тускло блеснуло, когда Морейн коснулась тонкой золотой цепочки, оббегающей ее волосы, что волнами падали на плечи. Маленький, чистой воды голубой камень свисал с цепочки в середине ее лба. Многим в Белой Башне было известно о тех уловках, на которые она была способна с помощью этого камня. Это был всего-навсего полированный голубой кристалл, нечто такое, что использует юная девушка при начальном обучении, когда рядом нет того, кто мог бы руководить ею. Та девушка вспоминала преда-

ния об *ангриалах* и о еще более могущественных *са'ангриалах* – этих легендарных предметах, оставшихся от Эпохи легенд, позволявших Айз Седай направлять больше Единой Силы, с которой можно было бы совладать без риска для себя без посторонней помощи, – вспоминала и думала: «Чтобы вообще уметь направлять, нужен объект сосредоточения». Ее сестры по Белой Башне знали о нескольких ее трюках, о других – подозревали, в том числе и о тех, которых и не было вовсе, о тех, которые потрясли ее саму, когда она научилась им. То, что Морейн проделывала с помощью камня, было простым и незначительным, хотя порой и весьма полезным, – такое мог бы вообразить себе ребенок. Но если Амерлин сопровождают не те женщины, кристалл мог бы разбить их спокойствие – из-за слухов и толков.

Раздался отрывистый настойчивый стук в дверь комнаты. Ни один шайнарец не стал бы стучать так ни в чью дверь, тем более – в дверь к ней. Морейн продолжала смотреть в зеркало, пока ее взгляд не обрел вновь прежнего спокойствия, все мысли спрятав в темных глубинах глаз. Она провела рукой по кошелью из мягкой кожи, висящему у нее на поясе. «Какие бы тревоги ни привели ее сюда из Тар Валона, она позабудет о них, едва я положу перед нею этот предмет тревог». Вторичный стук в дверь, еще более энергичный, раздался еще до того, как Морейн успела пересечь комнату и с безмятежной улыбкой открыть дверь перед двумя женщинами, что явились за нею.

Морейн узнала обеих. Темноволосая Анайя, в шали с голубой бахромой, и белокурая Лиандрин – с красной. Лиандрин, не просто молодо выглядящая, а молодая и привлекательная, с кукольным личиком и маленьким капризным ротиком, подняла уже руку, собираясь стучать вновь. Ее темные брови и еще более темные глаза резко контрастировали со множеством медового цвета кос до плеч, но такое сочетание не редкость в Тарабоне. Обе женщины были выше Морейн, хотя Лиандрин – не больше чем на ладонь.

Когда Морейн открыла дверь, грубоватое лицо Анайи расплылось в улыбке. Эта улыбка придавала ей ту единственную красоту, которой она обладала, но этого было достаточно; почти каждый, когда ему улыбалась Анайя, чувствовал себя умиротворенным, утешенным, избранным из многих, чувствовал себя в безопасности.

– Да осияет тебя Свет, Морейн! Рада вновь видеть тебя. Здорова ли ты? Так давно мы не виделись.

– Ты рядом, и мне светлее на душе, Анайя. – Это была чистая правда; хорошо знать, что среди Айз Седай, прибывших в Фал Дара, есть по крайней мере один друг. – Озари тебя Свет.

Губы Лиандрин сжались, и она резко одернула свою шаль.

– Престол Амерлин требует тебя к себе, сестра. – Голос ее был столь же капризен, как и рот, и холодно-колок. Не из-за Морейн, или не только из-за нее одной. Лиандрин всегда говорила недовольным тоном. Хмурясь, она попыталась заглянуть вглубь комнаты поверх плеча Морейн. – Эта опочивальня, она под стражей. Мы не можем войти. Почему ты поставила стражей против своих сестер?

– Против всех, – ровным голосом отметила Морейн. – Многие из женской прислуги проявляют любопытство к Айз Седай, и мне не хочется, чтобы они шарили в моих комнатах, когда меня нет. До сего дня нужды различать одну женщину от другой не было. – Она шагнула в коридор и потянула дверь, закрывая за собой. – Мы идем? Нельзя заставлять ждать Амерлин.

Морейн двинулась по коридору, рядом с ней – непринужденно болтающая Анайя. Мгновение Лиандрин стояла, уставившись пронзительным взглядом в закрытую дверь, будто гадая, что же там прячет Морейн, потом быстрым шагом догнала двух других женщин. Она пошла по другую руку Морейн, вышагивая рядом с суровым и решительным видом, словно стражник, охраняющий преступника. Анайя просто шла рядом со своей спутницей. На толстых тканых коврах с незамысловатыми узорами приглушенно звучали шаги обутой в мягкие туфли ног.

Женщины в ливреях приседали в глубоком реверансе перед проходящими Айз Седай, причем многие – гораздо ниже, чем перед самим лордом Фал Дара. Айз Седай, сразу три вме-

сте, и Престол Амерлин в цитадели – это казалось большей честью, чем любая женщина в крепости могла бы ожидать за всю свою жизнь. В коридорах встретились и несколько женщин благородных Домов, и они тоже склонились в реверансах, чего, несомненно, не стали бы делать перед лордом Агельмаром. Морейн и Анайя улыбками и кивками вознаграждали выказываемые знаки почтения, равным образом от служанки и до благородной дамы. Лиандрин игнорировала всех.

Здесь, разумеется, были только женщины, ни одного мужчины. Ни один шайнарец старше десяти лет без разрешения или приглашения не посмел бы ступить в женские покои, хотя по коридорам и бегали, играя, несколько маленьких мальчиков. Они, когда их сестры низко опускались в реверансах, неловко преклоняли колена. Анайя, проходя мимо, улыбалась им и ласково трепала малышей по голове.

– В этот раз, Морейн, – сказала Анайя, – из Тар Валона ты ушла надолго. Очень надолго. Тебя не хватало в Тар Валоне. Твоим сестрам не хватало тебя. И ты нужна в Белой Башне.

– Нужно же кому-то из нас работать в мире, – мягко сказала Морейн. – Совет Башни я оставляю на тебя, Анайя. Однако в Тар Валоне ты больше моего слышишь, что происходит в мире. Слишком часто что-то происходит там, где я была только вчера. Какие у вас новости?

– Еще три Лжедракона. – Лиандрин будто выплевывала резкие слова. – В Салдэе, Муранди и Тире Лжедраконы опустошали страны. В то время как вы, Голубые, улыбаетесь, и болтаете ни о чем, и цепляетесь за прошлое.

Анайя приподняла бровь, и Лиандрин с резким звуком захлопнула рот, раздраженно фыркнув.

– Три, – задумчиво произнесла Морейн. На миг глаза ее блеснули, но она быстро опустила взгляд, пряча блеск глаз под ресницами. – Три за прошлые два года, и теперь сразу трое.

– Как и с другими, с этими также разделаются. С этими мужчинами-паразитами и всяким разношерстным сбродом, что следует за их знаменами.

Морейн почти забавляла уверенность в голосе Лиандрин. Почти. Она слишком хорошо знала о реальностях, слишком хорошо осознавала возможности.

– Неужели хватило нескольких месяцев, чтобы ты забыла, сестра? Последний Лжедракон едва не разорвал Гэалдан на части, прежде чем его армия – разношерстный сброд или нет – была разбита. Да, Логайн сейчас в Тар Валоне, укрошенный и не представляющий опасности, я полагаю, но некоторые из наших сестер, чтобы одолеть его, погибли. Даже одна умершая сестра – большая утрата, чем мы можем перенести, но потери в Гэалдане оказались много тяжелее. Те двое, до Логайна, не были способны направлять, и все равно народы Кандора и Арад Домана хорошо помнят их. Спаленные деревни и люди, погибшие в битве. Так ли легко мир справится с тремя в одно и то же время? Как много стечется под их знамена? Никогда не бывало недостатка в сторонниках у любого мужчины, объявлявшего себя Возрожденным Драконом. Насколько мощно заполыхают войны на этот раз?

– Все не так зловеще, – сказала Анайя. – Насколько нам известно, способен направлять лишь один, в Салдэе. У него нет времени, чтобы привлечь многих последователей, и сестры, должно быть, уже там и занимаются им. Тайренцы, не давая передышки, гонят своего Лжедракона и его сторонников через Хаддонское Сумрачье, а парень в Муранди уже в цепях. – Она коротко удивленно усмехнулась. – Подумать только, чтобы мурандийцы из всех народов мира так скоро управились со своим. Спроси – и они даже назовут себя не мурандийцами, а лугардцами, или инишлинни, или подданными того или этого лорда или леди. Но из страха, что один из соседей воспользуется предлогом и вторгнется в пределы их страны, мурандийцы набросились на своего Лжедракона чуть ли не в тот же миг, едва тот рот раскрыл, заявив о себе.

– И все же, – сказала Морейн, – нельзя никак игнорировать появление сразу троих одновременно. Кто-нибудь из сестер в состоянии сделать Предсказание?

Шансы на это были слабые: считанные Айз Седай проявляли за века хоть какую-то, даже крохотную искру этого дара, поэтому Морейн не удивилась, когда Анайя покачала головой. Не удивилась, но почувствовала себя чуточку легче.

У пересечения коридоров три Айз Седай оказались одновременно с леди Амалисой. Та тут же присела в полном реверансе, низко склонив голову и широко отведя в стороны бледно-зеленые юбки.

– Почтение Тар Валону, – тихо произнесла она. – Почтение Айз Седай.

На приветствие сестры лорда Фал Дара просто невежливо отвечать лишь кивком – она заслуживала большего. Морейн взяла Амалису за руки:

– Вы оказываете нам честь, Амалиса. Встаньте, сестра.

Амалиса, с внезапным румянцем на щеках, грациозно выпрямилась. Она ничего не желала так сильно, как побывать в Тар Валоне, а от того, что Айз Седай назвала ее сестрой, кружило голову, как от крепкого вина, даже при ее высоком положении. Невысокую средних лет женщину отмечала смуглая красота зрелости, а румянец еще больше подчеркивал это.

– Вы достаиваете меня слишком высокой чести, Морейн Седай.

Морейн улыбнулась:

– Сколько мы знакомы, Амалиса? Должна ли я называть вас «миледи Амалиса», словно бы мы никогда не засиживались вместе за чаем?

– Конечно нет, – улыбнулась в ответ Амалиса. Сила, очевидная в чертах ее брата, читалась и на ее лице, хотя линии скул и подбородка были мягче. Находились те, кто утверждал, что, каким бы сильным и прославленным бойцом ни был Агельмар, сестра ничем ему не уступает. – Но здесь Престол Амерлин... Когда в Фал Дара приезжает король Изар, в беседе наедине я зову его «магами», то есть дядюшка, как звала его, будучи ребенком, а он носил меня на плечах, но на людях все должно быть совсем иначе.

Анайя пренебрежительно хмыкнула:

– Порой церемонии необходимы, но люди иногда уделяют церемониям гораздо больше внимания, чем нужно. Будьте добры, зовите меня Анайя, а я, если позволите, буду называть вас Амалисой.

Краем глаза Морейн заметила Эгвейн, торопливо завернувшую вдалеке в боковой коридор. За ней по пятам, шаркая ногами, двигалась сутулая фигура в короткой кожаной куртке – голова опущена, в руках узлы. Морейн позволила себе чуть улыбнуться, быстро стерев улыбку с губ. «Если эта девушка выкажет столько же предприимчивости и в Тар Валоне, – иронично подумала она, – то однажды воссядет на трон Амерлин. Если научится обуздывать свою инициативность. Если к тому времени еще будет существовать трон Амерлин».

Когда Морейн вновь обратила внимание на остальных, говорила Лиандрин:

– ...и я бы с радостью ухватила за возможность побольше узнать о вашей стране.

На лице у нее была улыбка, открытая и почти что девичья, голос излучал дружелюбие.

Морейн усилием воли удержала на лице безмятежное выражение, когда Лиандрин охотно приняла приглашение Амалисы присоединиться к ней и ее дамам в ее личном саду. Дружила Лиандрин с немногими, и все ее подруги были среди Красных Айя. «И уж наверняка нет ни одной не Айз Седай. Она скорее свела бы дружбу с мужчиной или с троллоком». Морейн не была уверена, что для Лиандрин существует разница между мужчинами и троллоками. Она не была уверена, существует ли такая разница хоть для кого-то из Красных Айя.

Анайя объяснила, что сейчас они срочно должны явиться к Престолу Амерлин.

– О-о, извините, – сказала Амалиса. – Озари ее Свет и да защити Создатель. Но тогда я буду рада увидеть вас позже.

Она выпрямилась и, когда три Айз Седай прошли мимо нее, склонила голову.

Морейн, бросая взгляды искоса и никогда – прямо, изучала Лиандрин. Медововолосая Айз Седай смотрела прямо перед собой, задумчиво сложив губы, ставшие похожими на розовый бутон. Она будто забыла и про Морейн, и про Анайю. «Что у нее на уме?»

Анайя будто ничего необычного не замечала, но она всегда умела принимать людей и такими, какими те были, и такими, какими те хотели быть. Эта черта неизменно изумляла Морейн, к тому же Анайя таким же образом вела себя и в Белой Башне, но неискренние сестры всегда ее честность и открытость, ее доброе отношение ко всем воспринимали как некий коварный, изощренный замысел. Их вечно сбивало с толку, что она думает именно то, что сказала, и говорит именно то, что думает. Когда это выяснялось, лицемеры просто места себе не находили. Вдобавок Анайя обладала способностью сразу ухватить суть фактов, что называется – зреть в корень. И она принимала увиденное как есть. Сейчас же Анайя оживленно продолжала делиться новостями:

– Из Андора вести и хороши, и плохи. С приходом весны бунт на улицах Кэймлина стих, но по-прежнему ходят толки, слишком много слухов, обвиняющих королеву, и заодно Тар Валон, за долгую зиму. Трон Моргейз менее прочен, чем в прошлом году, но она удерживает его по-прежнему и будет удерживать до тех пор, пока Гарет Брин остается капитан-генералом гвардии королевы. И леди Илэйн, дочь-наследница, и ее брат, лорд Гавин, благополучно прибыли в Тар Валон для обучения. В Белой Башне испытывали опасения, что давний обычай мог быть нарушен.

– Этого не будет, пока дышит Моргейз, – заметила Морейн.

Лиандрин, словно только сейчас проснувшись, чуть вздрогнула:

– Молитесь, чтоб ее дыхание не оборвалось. До реки Эринин за отрядом дочери-наследницы следом ехали Дети Света. До самых мостов к Тар Валону. Еще больше их стоит лагерем у стен Кэймлина на случай просчета Моргейз, а в самом городе все еще есть те, кто прислушивается к происходящему там.

– Наверное, пора бы уж Моргейз научиться немного осторожности, – вздохнула Анайя. – С каждым днем мир становится все опаснее, даже для королевы. Для королевы, наверное, еще в большей степени. Она всегда отличалась своеволием. Я помню, как она девочкой приехала в Тар Валон. У нее не было дарования, чтобы стать полноправной сестрой, и это терзало ее душу. Иногда мне кажется, что из-за этого-то она и давит на дочь, не обращая внимания на желания девочки.

Морейн пренебрежительно фыркнула:

– Илэйн родилась с искрой дара; дело не в выборе. Моргейз не стала бы рисковать жизнью девушки из-за недостатка обучения, пускай даже все белоплащники в Амадиции разобьют лагерь возле Кэймлина. Она приказала бы Гарету Брину и гвардии королевы прорубить через них дорогу до самого Тар Валона, и Гарет Брин исполнил бы этот приказ, даже если ему пришлось бы сделать это в одиночку. – «Но она тем не менее обязана хранить в тайне полную степень потенциала девушки. Знай об этом народ Андора – непонятно, примет ли он Илэйн на Львиный трон после Моргейз или не примет. Не просто королеву, прошедшую обучение в Тар Валоне, соответственно обычаю, а настоящую Айз Седай?» В архивах, списках и летописях имелись упоминания лишь о горсточке – по пальцам счесть можно – королей, которых по праву можно было назвать Айз Седай, а те немногие, кто позволил узнать об этом подданным, сожалели всю оставшуюся жизнь. Морейн почувствовала касание печали. Но в движение пришло столь многое, что требовало помощи или хотя бы озабоченности, чтобы испытывать тревогу за одну страну и за один трон. – Что еще, Анайя?

– Ты должна знать, что в Иллиане впервые за четыре сотни лет созвана Великая охота за Рогом. Иллианцы говорят, близится Последняя битва, – Анайя чуть вздрогнула, как и Морейн, но продолжила без паузы, – и до окончательного сражения с Тенью Рог Валир должен быть найден. Из всех стран собираются люди, желающие стать частью легенды, стремящиеся найти

Рог. Муранди и Алтара, разумеется, настороже, полагая, что за всем этим скрываются приготовления для нападения на кого-то из них. Вероятно, поэтому-то мурандийцы и поймали своего Лжедракона столь скоро. Так или иначе, менестрелям и бардам будет что прибавить к циклу сказаний об Охоте. Обилие новых историй – единственное, что посылает Свет.

– Возможно, не те истории, что они ждут, – сказала Морейн. Лиандрин глянула на нее острым взором, но взгляд ее натолкнулся лишь на непроницаемое лицо Морейн.

– Думаю, что не те, – безмятежно откликнулась Анайя. – Именно те истории, которых они ждут меньше всего, и прибавятся к прежним циклам. Кроме этих известий, могу предложить еще слухи. Морской народ взбудоражен, их корабли носятся из порта в порт, в них почти не задерживаясь. Сестры с островов утверждают: вот-вот явится Корамур, Избранный Морского народа; но большего они не говорят. Ты же знаешь, насколько скрытны и немногословны о Корамуре с чужаками Ата'ан Миэйр, а в этом отношении наши сестры больше Морской народ, чем Айз Седай. Похоже, Айил тоже пришли в волнение, но никому не ведомо почему. Никто вообще не имеет понятия о делах Айил. По крайней мере, нет никаких доказательств того, что они намереваются вновь пересечь Хребет Мира, хвала Свету! – Она вздохнула и покачала головой. – Я бы что угодно отдала, чтобы среди Айил была хотя бы одна сестра. Всего лишь одна. Мы слишком мало о них знаем.

Морейн рассмеялась:

– Иногда мне кажется, что ты, Анайя, из Коричневой Айя.

– Равнина Алмот, – произнесла Лиандрин с изумленным видом оттого, что вдруг заговорила.

– Вот уж что и впрямь слух, сестра, – сказала Анайя. – Пара-другая словечек на ухо, услышанных при отъезде из Тар Валона. На равнине Алмот, может быть, идут сражения, и еще вроде бы на мысе Томан. Я сказала – может быть. Шепотки смутные, неясные. Тени слухов. Мы отбыли прежде, чем услышали большее.

– Должно быть, это Тарабон и Арад Доман, – сказала, качая головой, Морейн. – Они грызутся из-за равнины Алмот почти триста лет, но эта свара никогда не доходила до открытого столкновения. – Она посмотрела на Лиандрин – считалось, что Айз Седай отказываются от всех своих прежних чувств верности странам и правителям, но не многим удавалось быть последовательными до конца. Нелегко отбросить любовь к стране, где ты родился. – Так почему же они именно сейчас...

– Хватит праздной болтовни! – гневно прервала медововолосая женщина. – Тебя, Морейн, ждет Амерлин. – Она сделала три быстрых широких шага и толчком распахнула перед Морейн и Анайей высокие двери. – Амерлин с тобой попусту болтать не будет.

Невольно коснувшись рукой поясной сумки, Морейн следом за Лиандрин шагнула через порог, кивнув так, словно та для нее придерживала дверь. Морейн едва отметила про себя, как на мгновение бледность сменилась вспышкой на лице Лиандрин. «Что же *сейчас* на уме у негодной девчонки?»

Переднюю слоями устилали многоцветные ковры, а комната была со вкусом обставлена удобными стульями, мягкими скамьями и небольшими столиками – дерево отделано очень просто или всего лишь отполировано. Высокие бойницы из-за повешенных парчовых занавесей отчасти напоминали окна. В каминах огонь не горел – день был теплым, а раньше сумерек шайнарский холод сюда не заползет.

Из сопровождавших Амерлин Айз Седай Морейн увидела в передней меньше полудюжины. Верин Матвин и Серафелле, из Коричневой Айя, даже не обратили внимания на появление Морейн. Серафелле не отрываясь читала старый фолиант в потертом, выцветшем кожаном переплете, аккуратно перелистывая страницы с излохмаченными краями. Полная Верин, сидя, скрестив ноги, под одной из амбразур, держала в руке, поворачивая на свету, маленький цветок и уверенной рукой делала рисунки и вносила пометки в книгу, прижав ту к колену. Рядом

на полу стояла открытая чернильница, а в подоле горкой лежали другие цветы. Коричневых сестер интересовал лишь поиск новых знаний, и почти ничего, кроме этого. Иногда Морейн приходило в голову: а понимают ли они, что происходит в мире, окружающем их, или хотя бы – что происходит непосредственно рядом с ними?

Три другие женщины в комнате обернулись к дверям, но ни одна даже не пошевелилась, чтобы подойти к Морейн, они на нее лишь смотрели. Одну – стройную, из Желтой Айя – Морейн не знала: слишком мало времени она проводила в Тар Валоне, чтобы знать в лицо всех Айз Седай, хотя число их и не было очень велико. Но с двумя другими Морейн была знакома. Карлиния обладала такой же бледной кожей и была столь же холодной в общении, как и белая бахрома ее шали; полной противоположностью ей являлась смуглая вспыльчивая Аланна Мосвани, из Зеленой, но обе они безмолвно, без всякого выражения на лицах стояли и смотрели на Морейн. Аланна резким движением одернула свою шаль, но Карлиния не пошевелилась. Стройная Желтая сестра отвернулась, окинув напоследок Морейн полным сожаления взглядом.

– Да осияет вас всех Свет, сестры, – сказала Морейн. Ей никто не ответил. Серафелле и Верин, похоже, даже не услышали приветствия Морейн. «Где же остальные?» Хотя и незачем всем быть здесь – большинство после долгой дороги наверняка отдыхает в своих комнатах, – но Морейн очень нервничала. В голове пронеслись чередой все вопросы, которые она не могла задать, но ни один не отразился на ее лице.

В открывшейся двери, ведущей во внутренние покои, появилась Лиане, без своего посоха с позолоченным языком пламени. Хранительница летописей ростом не уступала большинству мужчин – гибкая и стройная, все еще красивая, с медного цвета кожей и короткими темными волосами. Вместо шали она носила голубой палантин шириной с ладонь поскольку хранительница, хотя и заседала в Зале Башни, свою Айю там не представляла.

– Вот и ты! – оживленно обратилась Лиане к Морейн и показала на дверь у себя за спиной. – Заходи, сестра. Престол Амерлин ждет.

У нее была привычка говорить быстро, проглатывая окончания слов, – эта манера ничуть не изменялась, независимо от того, сердилась ли она, радовалась или волновалась. Морейн, последовав за Лиане, гадала, какие же чувства испытывает сейчас хранительница. Лиане захлопнула дверь; та закрылась со звуком, напоминавшим громохание двери тюремной камеры.

За широким столом, стоящим в центре ковра, сидела сама Престол Амерлин, на столе покоился золотой куб со сглаженными углами, размером с дорожный сундук, покрытый замысловатой серебряной отделкой. Хотя стол был массивным и крепким, с толстыми ножками, он словно бы прогибался под тяжестью, которую пусть и с трудом, но могли поднять двое сильных мужчин.

При взгляде на золотой куб Морейн с трудом сохранила невозмутимое выражение лица. В последний раз она видела его под надежными запорами в сокровищнице Агельмара. Узнав о прибытии Престола Амерлин, она намеревалась сама рассказать ей о находке. То, что ларец оказался уже у Амерлин, было пустяком, но пустяком, таящим в себе тревогу. Похоже, события опережают ожидания Морейн.

Она с достоинством склонилась в глубоком реверансе и церемонно произнесла:

– Вы звали меня, мать, и я пришла. – Амерлин протянула руку, и Морейн поцеловала кольцо с Великим Змеем, ничем не отличающееся от колец других Айз Седай. Поднявшись, она заговорила более непринужденно, но не слишком – помня, что позади, возле двери, стоит хранительница: – Надеюсь, мать, путешествие прошло хорошо.

Амерлин родилась в Тире, в семье простого рыбака, а не в благородном Доме, и звали ее Суан Санчей, хотя не многие употребляли это имя – или даже вспоминали его – за те десять лет, как она возвысилась над Советом Башни. Она была Престол Амерлин; это значило все. Широкий палантин на ее плечах имел семь цветных полос, по числу Айя; Амерлин принадле-

жала всем Айя, и ни одной. Женщина за столом была среднего роста и скорее миловидной, чем красивой, но лицо отмечала сила, отличавшая ее еще до возвышения, – сила девушки, выжившей на улицах Мауле, портового района Тира, а взгляд чистых голубых глаз заставлял королей и королев и даже капитан-командора Детей Света опускать взоры. Сейчас в глазах Амерлин читалось напряжение, в изгибе губ – беспокойство.

– Мы призвали ветры, чтобы ускорить ход наших кораблей вверх по Эринин, дочь моя, и даже обратили в помощь нам течения. – В глубоком голосе Амерлин звучала печаль. – Я видела деревни возле реки, затопленные наводнением, которое мы вызвали, и один Свет знает, что мы содеяли с погодой. Мы не внушим к себе любви за причиненный нами ущерб и за погубленные хлеба. И все ради того, чтобы как можно быстрее добраться сюда. – Взор Амерлин скользнул к покрытому орнаментом золотому кубу, и она приподняла руку, будто собираясь коснуться его, но лишь сказала: – Элайда в Тар Валоне, дочь моя. Она пришла с Илэйн и Гавином.

Мореин не забывала, что рядом стоит Лиане, как всегда в присутствии Амерлин безмолвная. Но все видящая и слышащая.

– Я удивлена, мать, – сказала она осторожно. – Не время для Моргейз оставаться без совета Айз Седай.

Моргейз принадлежала к тому малому числу правителей, которые в открытую признавали, что пользуются помощью советницы Айз Седай; почти все прочие тоже имели таких советниц, но не многие признавались в этом.

– Элайда настаивала, дочь моя, и я сомневаюсь, что Моргейз, будь она королева или нет, ровня для Элайды в борьбе воле. Во всяком случае, на этот раз, наверное, она нежелала вступать в спор. Илэйн обладает неплохими задатками. Большими возможностями, чем я когда-либо встречала. Она уже сейчас делает успехи. Отчего Красные сестры надулись, словно рыба-дутьш. Не думаю, что девушку прельстит их образ мышления, но она молода, и ничего еще нельзя сказать определенного. Даже если им не удастся склонить ее на свою сторону, это будет играть несущественную роль. Илэйн обещает стать самой могущественной Айз Седай за тысячу лет, и нашла ее Красная Айя. С этой девушкой они приобретут в Совете большой вес и престиж.

– Со мной в Фал Дара, мать, две молодые женщины, – сказала Мореин. – Обе они из Двуречья, где по-прежнему сильна кровь Манетерен, хотя они даже и не помнят, что некогда эта страна называлась Манетерен. Древняя кровь поет, мать, и она громко поет в Двуречье. Эгвейн, деревенская девушка, столь же сильна, как и Илэйн. Я видела дочь-наследницу, и я знаю. Что касается второй... Найнив была в своей деревне Мудрой, хотя сама она – еще почти девочка. То, что женщины деревни выбрали ее Мудрой в таком возрасте, о чем-то да говорит. Когда она научится управлять тем, что сейчас делает не зная, то станет сильна, как никто в Тар Валоне. Обучить ее – и она станет пламенем костра рядом с огоньками свечей Илэйн и Эгвейн. И ни единого шанса на то, что эти две выберут Красную. Мужчины их смешат, раздражают, но и нравятся им. Они с легкостью уравнивают то влияние, которое приобретают Красные Айя в Белой Башне после того, как они нашли Илэйн.

Амерлин кивнула с таким видом, будто все услышанное не имело никакого значения. Брови Мореин в удивлении поползли вверх, прежде чем она спохватилась и исправила свою оплошность. Зал Башни беспокоили главным образом две вещи: то, что с каждым годом число девушек, которых можно научить направлять Единую Силу, становилось все меньше – или же так представлялось, – и то, что из найденных все меньше и меньше обладали подлинной силой. Хуже всего, хуже, чем страх в душах тех, кто винил Айз Седай за Разлом Мира, хуже, чем ненависть Детей Света, хуже даже, чем злодеяния приспешников Темного, было резкое сокращение числа неофитов и уменьшение их способностей. Коридоры Белой Башни пустовали, а когда-то в них было тесно, и то, что некогда можно было сделать при помощи Единой Силы легко и просто, теперь достигалось с трудом, а то и вовсе оказывалось непосильным.

– Для приезда в Тар Валон у Элайды имелась и другая причина, дочь моя. Она послала одно и то же сообщение шестью голубями, чтобы быть уверенной, что я его получу, – и кому еще в Тар Валоне она отослала голубей, я могу только догадываться, – затем явилась сама. Она заявила Залу Башни, что ты влезла не в свое дело, с молодым мужчиной – та'верен и к тому же опасным. Он был в Кэймлине, заявила Элайда, но когда она отыскивала гостиницу, в которой он остановился, то узнала, что его с собой увела ты.

– Люди в этой гостинице сослужили хорошую службу, и они – честные. Если хоть кому-то из них она как-то повредила... – Морейн не сдержала резкости в голосе и услышала, как шевельнулась Лиане. Никто не осмеливался разговаривать с Престолом Амерлин в подобном тоне; даже король на троне не смел так говорить.

– Тебе следовало бы знать, дочь моя, – сухо заметила Амерлин, – что Элайда не делает ничего плохого никому, кроме тех, кого сочтет опасными. Приспешников Темного или несчастных глупцов, которые попытаются направлять Единую Силу. Или того, кто представляет угрозу для Тар Валона. Любой, кто не принадлежит к Айз Седай, может оказаться фишкой на доске для игры в камни – так она рассуждает. К счастью для него, хозяин гостиницы, некий мастер Гилл, насколько я помню, наслышан об Айз Седай и ответил, к ее удовлетворению, на все вопросы. О нем Элайда отозвалась хорошо. Но больше всего она говорила о молодом человеке, которого ты увела с собой. Куда опаснее любого мужчины со времен Артура Ястребиное Крыло, так она сказала. Ты же знаешь, у нее иногда бывают Пророчества и слова ее имеют вес в Совете.

Из-за Лиане Морейн, как смогла, сделала свой голос кротким. Кротости в нем стало немногим больше, но уж как смогла, лучше не удалось.

– Я привела с собой трех молодых мужчин, мать, и ни один из них не король, и я очень сомневаюсь, чтобы хоть кто-то из них даже в мечтах мыслил объединить весь мир под властью одного правителя. После Столетней войны никто не грезил мечтою Артура Ястребиное Крыло.

– Да, дочь моя. Деревенские парни – так рассказывал мне лорд Агельмар. Но один из них – та'верен. – Взгляд Амерлин вновь притянул уплощенный куб. – В Совете выдвигали предложение послать тебя в уединение для размышлений. Предложение исходило от одной из восседающих из Зеленой Айя, две остальные одобрительно кивали.

Лиане издала звук, выражающий отвращение или, возможно, расстройство. Когда говорила Престол Амерлин, она всегда держалась на заднем плане, но Морейн сумела на этот раз понять это небольшое нарушение правил поведения. Зеленые Айя были заодно с Голубыми на протяжении тысячи лет; со времен Артура Ястребиное Крыло они говорили в один голос.

– У меня нет никакого желания пропалывать овощные грядки в какой-нибудь глухой деревушке, мать. – «И не буду, что бы там ни говорил Совет Башни».

– Еще было предложено – также Зелеными, – чтобы на время твоего уединения опека над тобой была возложена на Красных Айя. Красные восседающие пытались притвориться удивленными, но выглядели они будто птицы-рыболовы, прознавшие, что улов без охраны. – Амерлин фыркнула. – Красные напускали на себя вид, будто им вовсе не хочется брать на себя опеку над одной не из их Айя, но сказали, что согласятся с решением Совета Башни.

Против воли Морейн вздрогнула:

– Это было бы... крайне неприятно, мать. – Это было бы более чем неприятно, много хуже: Красные никогда не отличались ни добротой, ни мягкостью обращения. Она отложила эту мысль, чтобы обдумать ее после. – Мать, я не понимаю этого явного союза между Зелеными и Красными. Их убеждения, их отношение к мужчинам, их взгляды на самые наши цели, на наше предназначение как Айз Седай абсолютно противоположны. Красные и Зеленые даже разговаривать между собой не могут без того, чтобы тут же не дошло до крика.

– Все меняется, дочь моя. Из последних пяти сестер, взошедших на трон Амерлин, я – четвертая из Голубой Айя. Возможно, некоторые считают, что это чересчур много и что образ

мыслей Голубых больше не подходит для мира, полного Лжедраконов. За тысячу лет многое меняется. – Амерлин поморщилась и сказала будто бы самой себе: – Древние стены слабеют, и древние преграды рушатся. – Она встряхнулась, голос стал тверже. – Однако было еще одно предложение, от которого до сих пор несет тухлятиной, как от рыбы, неделю провалявшейся на пристани. Поскольку Лиане – из Голубой Айя и я вышла из Голубых, было заявлено, что послать со мной в это путешествие двух сестер из Голубой Айя означало бы слишком большую честь для четырех представительниц Голубых. Сказано было в Совете, открыто, прямо мне в лицо, будто речь шла об очистке канав. Двое из Белых восседающих встали против меня, и еще двое Зеленых. Желтые пошептались между собой, а потом не сказали ни «за», ни «против». Скажи еще одна «нет» – и твоих сестер Анайи и Майган здесь бы не было. Говорили даже, причем вслух, что я вообще не должна покидать Белую Башню.

Услышав о таком, Морейн была потрясена куда больше, чем от новости, что Красные Айя желают заполучить ее в свои руки. Из какой бы Айя ни была хранительница летописей, говорит она лишь от имени Амерлин, а Амерлин говорит за всех Айз Седай и за все Айя. Так было всегда, и никто даже не допускал иного, даже в самые мрачные дни Троллоковых войн, даже тогда, когда армии Артура Ястребиное Крыло загнали всех уцелевших Айз Седай в стены Тар Валона. Прежде всего Престол Амерлин была Престолом Амерлин. Каждая Айз Седай клялась повиноваться ей. Никто не мог спрашивать у нее, что она сделала или куда намерена отправиться. Это же предложение противоречило трем тысячам лет обычая и закона.

– Кто осмелился бы, мать?

Престол Амерлин с горечью рассмеялась:

– Почти что любая, дочь моя. Смута в Кэймлине. Созвана Великая охота – а ни у кого из нас даже намек на это не было, о ней узнали, когда она уже была провозглашена. Лжедраконы появляются, будто поганки-багрянки после дождя. Государства слабеют, исчезают с лица земли, а знать забавляется Игрой Домов увлеченнее, чем когда-либо с тех пор, как Артур Ястребиное Крыло в корне пресек их интриги и козни. И что хуже всего, каждой из нас известно: Темный вновь зашевелился. Покажи мне сестру, которая не считает, что Белая Башня теряет былое понимание событий, цепкость и точность мыслей, и, если она не из Коричневой Айя, она – слепая и глухая. Отпущенного нам времени все меньше, дочь моя. Порой я чувствую, как укорачивается этот срок.

– Как вы говорите, мать, все меняется. Но по-прежнему наихудшие опасности ждут за Сияющими Стенами, а не внутри них.

Долгие минуты Амерлин смотрела в глаза Морейн, потом медленно кивнула:

– Оставь нас, Лиане. Мне нужно поговорить с моей дочерью Морейн с глазу на глаз.

Миг колебания, и лишь потом Лиане произнесла:

– Как вам угодно, мать.

Морейн чувствовала изумление Лиане. Амерлин редко удостоивала кого-либо аудиенцией без присутствия хранительницы, тем более сестру, которую есть все основания наказывать.

Дверь открылась и закрылась за Лиане. Она ни словом не обмолвится в приемной о том, что происходило здесь, но известие, что Морейн осталась наедине с Амерлин, распространится среди Айз Седай в Фал Дара словно лесной пожар по сухостю, и наверняка оно послужит пищей для размышлений и предположений.

Едва дверь закрылась, как Амерлин встала, и у Морейн на миг зацепило кожу – так бывало всегда, когда другая женщина направляла Единую Силу. На мгновение ей показалось, что Престол Амерлин окружена ореолом яркого света.

– Не знаю, научился ли кто твоему старому фокусу, – заметила Амерлин, легко коснувшись пальцем голубого камня на лбу Морейн, – но у большинства из нас есть свои маленькие хитрости, не забытые с детства. В любом случае никто не услышит того, что будет сейчас нами сказано.

Вдруг она обвила Морейн руками; Морейн обняла ее в ответ – теплые объятия старых подруг.

– Ты одна-единственная, Морейн, с кем я могу вспомнить, кем была. Даже Лиане всегда ведет себя так, будто я стала палантином и жезлом, пусть мы даже остаемся одни с нею, будто мы никогда не хихикали, будучи послушницами. Иногда мне хочется, чтобы мы по-прежнему оставались послушницами, ты и я. Такими наивными, чтобы видеть все будто обернувшейся явью сказкой менестреля, такими простодушными, чтобы думать, будто мы найдем мужчин – они обязательно принцы, помнишь, красивые, сильные, добрые? – которые могли бы выдержать жизнь вместе с женщиной, обладающей силой Айз Седай. Такие глупые, чтобы мечтать о счастливом конце историй менестреля, о том, чтобы прожить свои жизни, подобно жизням других женщин, просто немного подольше, чем они.

– Мы – Айз Седай, Суан. У нас есть долг. Даже если б мы родились без дара направлять Силу, отказалась бы ты от долга ради дома и мужа, пусть даже принца? Я в это не верю. Это мечта деревенской кумушки. Даже Зеленые не заходят в своих мечтах так далеко.

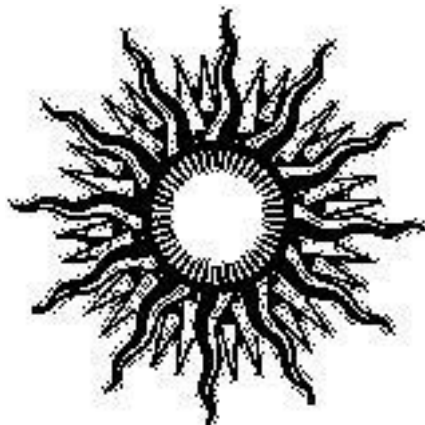
Амерлин отступила на шаг:

– Нет, я ни за что не отказалась бы. Нет. Но бывают минуты, когда я завидую той деревенской кумушке. В этот самый момент я почти ей завидую. Морейн, если кто-нибудь, даже Лиане, прознает, что мы замыслием, нас обеих усмирят. И не могу сказать, что в этом случае они будут не правы.

Глава 5

Тень в Шайнаре

Усмирят. Слово, будто став видимым, осязаемо дрожало в воздухе. Когда подобное делали с мужчиной, способным направлять Силу и которого нужно остановить, прежде чем безумие приведет к уничтожению всего вокруг него, тогда это называли укрощением, но для Айз Седай это было усмирением. Усмирят. Утратить возможность направлять поток Единой Силы. Ощущать *саидар*, женскую половину Истинного Источника, но более не иметь возможности коснуться ее. Помнить о том, что исчезло навсегда. Это проделывали столь редко, что всех послушниц заставляли наизусть заучивать имена каждой усмирённой Айз Седай со времен Разлома Мира и ее вину, но никто не мог помыслить об этом без душевного содрогания. Женщины переносили процедуру усмирения не лучше, чем мужчины – укрощение.

Морейн с самого начала представляла себе весь риск и знала, что он неизбежен. Это отнюдь не означало, что подобные рассуждения доставляли удовольствие. Ее глаза сузились, и лишь огонек в них выдавал ее гнев и тревогу.

– Лиане пойдет за тобой на склоны Шайол Гул, Суан, и в Бездну Рока. Она не предаст тебя, и думать об этом не стоит.

– Нет, не предаст. Но... сочтет ли она это предательством? Предательство ли – выдать отступника? О таком ты никогда не задумывалась?

– Никогда. То, что мы делаем, Суан, должно быть сделано. Это известно нам обоим уже почти двадцать лет. Колесо плетет, как того желает Колесо, а ты и я избраны для этого Узором. Мы – часть пророчеств, а пророчества должны свершиться. Должны!

– Пророчества должны быть исполнены. Нас учили, что они исполнятся и должны будут исполниться, однако осуществление их – предательство всего, чему нас учили. Кое-кто сказал бы – всего, во что мы верим, всех наших принципов. – Престол Амерлин, потирая руки, подошла к узкой амбразуре и посмотрела на сад внизу. Коснулась занавесей. – Здесь, на женской половине, они повесили портьеры, чтобы смягчить облик комнат, разбили прекрасные сады, но здесь нет уголка, не предназначенного для битвы, смерти, убийства. – Она продолжила тем же задумчиво-печальным тоном: – Лишь дважды с Разлома Мира у Престола Амерлин отбирали палантин и жезл.

– Тетсуан, которая предала Манетерен из ревности к силам Эллисанде, и Бонвин, которая пыталась использовать Артура Ястребиное Крыло как марионетку, чтобы господствовать над миром, и тем самым едва не уничтожила Тар Валон.

Амерлин продолжала разглядывать сад.

– Обе – из Красных, и обеих сменили Амерлин из Голубых. В этом и причина того, что после Бонвин ни одна Амерлин не избиралась из Красных, и в этом же причина того, что Красные Айя готовы ухватиться за любую зацепку, чтобы сместить Амерлин из Голубых, – все слишком очевидно связано. Морейн, у меня нет никакого желания стать третьей, кто потеряет палантин и жезл. Для тебя, разумеется, это означало бы усмирение и выдворение за Сияющие Стены.

– Что касается этого, то Элайда меня так просто не отпустит. – Морейн смотрела в спину подруги. «Свет, что на нее нашло? Она прежде никогда не была такой. Где ее сила, ее огонь?» – Но до этого не дойдет, Суан.

Та продолжала, словно бы не слышала слов Морейн:

– А для меня все будет иначе. Даже усмирённую, низложенную, Амерлин нельзя отпустить бродить по миру свободно; на нее будут смотреть как на мученицу, она превратится в объединяющее начало для оппозиции. Тетсуан и Бонвин стали в Белой Башне служанками, посудомойками, превратившись в живое предостережение, в знак того, что может случиться с самыми могущественными. Никто не сплотится вокруг женщины, которая весь день должна мести пол и скрести котлы. Жалеть ее – да, но никак не объединяться вокруг нее.

С горящими глазами Морейн оперлась кулаками о стол:

– Взгляни на меня, Суан. Взгляни на меня! Неужели ты говоришь, что хочешь сдаться после всех этих лет, после всего того, что мы сделали? Сдаться и махнуть на мир рукой? И все это – из страха перед розгами из-за плохо вычищенной кастрюли! – Она вложила в эти слова все свое презрение и облегченно вздохнула про себя, когда подруга резко повернулась к ней. Да, сила еще есть, звенящая, как натянутая струна, но еще есть сила. Эти чистые голубые глаза пылали гневом, как и ее собственные.

– Я помню, кто из нас двоих, будучи послушницами, визжал громче, когда нас стегали розгами. В Кайриэне, Морейн, у тебя была сладкая жизнь. Вовсе не работа на рыбацкой лодке. – Вдруг Суан громко хлопнула ладонью по столу. – Нет, я не предлагаю от всего отказаться, но я и не собираюсь смотреть, как все выскальзывает у меня из рук, а я ничего не могу поделать! Подоплека большей части моих неприятностей с Советом – это ты, все упирается в тебя. Даже Зеленые поражаются, почему я не вызываю тебя в Башню, чтобы поучить немного дисциплине. Половина сестер заявляют при мне, что тебя нужно передать Красным, и случись такое, тебе останется лишь мечтать, чтобы ты опять стала послушницей, для которой самое страшное – порка розгами. Свет! Если бы кто-то из них припомнил, что мы с тобой послушницами были подругами, то я оказалась бы с тобой вместе.

У нас был план! План, Морейн! Отыскать мальчика и привести его в Тар Валон, где бы мы могли спрятать его, обезопасить его, руководить им. С тех пор как ты покинула Башню, я получила от тебя всего два сообщения. Два! У меня такое чувство, будто я пытаюсь плыть в Пальцах Дракона в темноте. В одном послании говорилось, что ты в Двуречье, направляешься к той деревне, Эмондову Лугу. Скоро уже, подумала я. Он найден и скоро будет у нее в руках. Потом сообщение из Кэймлина, оно гласило, что вы отправились в Шайнар, в Фал Дара, а не в Тар Валон. Фал Дара, а Запустение от него – в двух шагах. Фал Дара, где чуть ли не каждый день набеги троллоков и мурддраалов. Почти двадцать лет планов и поисков, а ты швыряешь все наши замыслы практически в лицо Темному. Ты сошла с ума?

Теперь, пробудив жизнь в собеседнице, сама Морейн вновь стала внешне спокойной. Спокойной, но и настойчиво твердой.

– Узору нет дела до людских планов, Суан. Со всеми нашими замыслами и расчетами мы забыли, с чем связались. Та'верен... Элайда не права. Артур Пейндрог Танриал никогда не был столь сильным та'верен. Колесо плетет вокруг этого юноши Узор так, как оно того желает, невзирая на все наши планы.

Гнев пропал с лица Амерлин, сменившись бледностью потрясения.

– Твои слова звучат так, будто ты говоришь, что мы можем сдаться. Теперь ты предлагаешь стоять в стороне и наблюдать, как полыхает мир?

– Нет, Суан. Стоять в стороне? Никогда. – «Однако мир заполыхает, Суан, так или иначе, что бы мы ни делали. Ты никогда этого не понимала». – Но теперь мы должны осознать, что наши планы – вещь ненадежная. Мы контролируем гораздо меньше, чем думаем. Возможно, лишь удерживаем ногой. Веют ветры судьбы, Суан, и мы должны оседлать их, куда бы они ни влекли нас.

Амерлин поежилась, словно почувствовав затылком ледяное дыхание этих ветров. Ее руки коснулись сглаженного золотого куба, грубоватые ловкие пальцы отыскивали нужные завитки в сложных узорах. Крышка, изобретательно сбалансированная, откинулась, выставив на обозрение лежащий в предназначенном ему гнезде золотой Рог. Амерлин подняла золотую спираль инструмента и провела по серебряной текучей надписи на древнем наречии, выложенной вокруг конусообразного раструба.

– «Могила не преграда для зова моего», – перевела она, произнесла эти слова так тихо, словно говоря самой себе. – Рог Валир, созданный для того, чтобы призвать мертвых героев прошлого из могил. И пророчество утверждает, что найден он будет лишь перед Последней битвой. – Вдруг Амерлин чуть ли не швырнула Рог обратно на место и захлопнула крышку, словно больше не в силах видеть его. – А Агельмар сунул мне это в руки, едва только кончилась церемония приветствия. Заявив при этом, что боится заходить в сокровищницу, пока ларец находится там. Искушение слишком велико, сказал он. Самому протрубить в Рог и повести отозвавшееся на этот зов войско на север, через Запустение, чтобы сровнять с землей Шайол Гул и покончить с Темным. Агельмар просто-таки был охвачен огнем, порывом славы, и именно это, заявил он, сказало ему, что такое время – не для него, во всяком случае должно было быть не для него. Он едва дождался, когда смог избавиться от него, и в то же время он все равно желает его.

Морейн кивнула. Агельмару было известно пророчество о Роге, как и большинству сражающихся с Темным.

– «Пусть тот, кто вострубил в меня, не о славе помышляет, но только о спасении».

– Спасении! – горько рассмеялась Амерлин. – По глазам Агельмара нельзя было понять, то ли он отказывается от спасения, то ли обрекает на вечные муки собственную душу. Он знал лишь одно – он должен избавиться от этого, прежде чем оно сожжет его. Агельмар старался хранить все в тайне, но он сказал, что по цитадели уже ходят слухи. Я не чувствую его искушения, но от Рога у меня по-прежнему по спине мурашки бегают. Нужно будет вернуть Рог в сокровищницу и хранить там до моего отъезда. Я не усну, пока Рог находится рядом, пусть даже в соседней комнате. – Она потерла нахмуренный лоб и вздохнула. – И он не должен был быть найден, пока не подошло время Последней битвы. Неужели она настолько близка? Я предполагала, я надеялась, что у нас в запасе больше времени.

– Кариатонский цикл.

– Да, Морейн. Незачем мне напоминать. Я знаю пророчества о Драконе не хуже твоего. – Амерлин покачала головой. – Никогда за время жизни одного поколения со времен Разлома не бывало больше одного Лжедракона, а теперь одновременно в мир вырвалось сразу трое, и было еще трое за минувшие два года. Узор требует Дракона, потому что Узор плетется к Тармон Гай’дон. Меня порой одолевают сомнения, Морейн. – Она произнесла это задумчиво, словно удивляясь такому, и продолжила тем же тоном: – А что, если им был Логайн? Он был способен направлять, прежде чем Красные привели его в Белую Башню и мы не укротили его. Как и Мазрим Таим из Салдэйи. Что, если это он? В Салдэе уже есть сестры; может, он уже захвачен. Что, если мы ошибаемся с самого начала? Что произойдет, если еще до начала Последней битвы Дракон Возрожденный окажется укрощен? Даже пророчество не сбудется,

если тот, кто предсказан, убит или укрощен. И тогда мы предстанем перед Темным, будто нагие перед бурей.

– Ни один из них не тот, Суан. Узор требует не просто Дракона, а единственного, подлинного Дракона. До тех пор пока он не провозгласит себя сам, Узор будет продолжать подбрасывать Лжедраконов, но после не будет ни одного. Если Логайн или кто другой был бы им, других бы не было.

– «Ибо явится он как прорвавшаяся заря и своим приходом вновь разобьет мир и создаст его заново». Или мы идем нагими перед бурей, или цепляемся за защиту, которая сметет нас. Да поможет нам всем Свет. – Амерлин повела плечом, словно бы сбросив с себя собственные слова. Лицо ее стало решительным, будто она собралась с духом для удара. – Тебе никогда не удавалось скрыть от меня то, что думаешь, как это тебе удастся с другими, Морейн. У тебя есть что рассказать, больше, чем ты уже сказала, и хороших новостей ты не принесла.

Вместо ответа Морейн сняла с пояса кожаную сумку и высыпала содержимое на стол. С виду это казалось всего лишь грудой битых черепков, глянцеви́то блестящих, черных и белых.

Престол Амерлин с интересом коснулась одного осколка, и у нее перехватило дыхание.

– *Квейндияр*.

– Камень мужества, – согласилась Морейн. Способ создания квейндияра был утрачен при Разломе Мира, но изготовленное из квейндияра до него пережило катаклизм. Даже те предметы, что поглотила земля, или те, что утонули в море, уцелели; должны были уцелеть. Раз созданный, квейндияр не могла разбить ни одна известная сила; даже направленная против камня мужества Единая Сила лишь укрепляла его. Если не считать того, что какая-то мощь разбила этот.

Амерлин быстрыми движениями сложила осколки вместе. Они образовали диск с ладонь человека в поперечнике, половина – черна как деготь, половина – белее снега; черный и белый цвета, не поблекшие от времени, соединялись вдоль волнистой линии. Древний символ Айз Седай, еще до разбитого мира, когда мужчины и женщины вместе владели Силой. Половина этого символа ныне носила название Пламя Тар Валона; другая называлась клык Дракона и, наспех намалеванная на дверях, обвиняла обитателей дома, отмеченного этим знаком, в приверженности ко злу. Таких дисков было создано всего семь; обо всем изготовленном из камня мужества хранились записи в Белой Башне, а об этих семи дисках помнили едва ли не все. Суан Санчей глядела на него так, будто увидела у себя на подушке гадюку.

– Одна из печатей на узилище Темного, – наконец вымолвила она через силу. Одна из тех семи печатей, блюстителем которых, как предполагалось, является Престол Амерлин. Тайна, скрытая от мира, если в мире вообще задумывались об этом, заключалась в том, что со времен Троллоковых войн ни одна Амерлин не знала, где находятся печати.

– Нам известно, Суан, что Темный шевелится. Мы знаем, что его узилище не останется вечно запечатанным. Работа человека никогда не сравнится с трудами Создателя. Нам было известно, что Темный вновь воздействует на мир, пусть даже – благодарение Свету! – и не напрямую. Друзья Темного множатся, и то, что мы называли злом всего десять лет назад, выглядит чуть ли не шалостью по сравнению с творящимся сейчас едва не каждый день.

– Если печати уже поддаются... Времени у нас нет совсем.

– Совсем мало. Но этой малости может хватить. Ее должно хватить.

Амерлин коснулась разломанной печати, и голос стал таким, словно она заставляла себя говорить:

– Знаешь, во дворе, во время церемонии приветствия, я видела парнишку. Это один из моих талантов – видеть та'верен. Редкий талант в эти дни, еще более редко встречающийся, чем та'верен, и, несомненно, от него не так много толку. Высокий юноша, весьма привлекательный молодой мужчина. Мало чем отличающийся от любого молодого парня, которого встретишь в любом городе. – Она перевела дыхание. – Морейн, он сиял будто солнце. В жизни меня

редко что пугало, но при виде его у меня сердце в пятки ушло – так мне стало страшно. Мне захотелось спрятаться, сжаться, завывать. Я едва могла говорить. Агельмар решил, что я сердита на него, раз сказала я столь мало. Этот молодой парень... он тот, кого мы искали эти двадцать лет?

В голосе Амерлин прозвучала вопросительная нотка. Морейн ответила на ее вопрос:

– Да, это он.

– Ты уверена? Может ли он... Может ли он... направлять Единую Силу?

При этих словах губы Амерлин напряглись, и Морейн тоже ощутила натянутость, какой-то тугой клубок внутри, сжавший сердце холод. Но лицо ее осталось спокойным.

– Он – может. – Мужчина, владеющий Единой Силой. О таком размышлять без страха не могла ни одна Айз Седай. Именно этого боялся целый мир. «И я выпущу это в мир». – Ранд ал'Тор встанет перед миром как Дракон Возрожденный.

Амерлин вздрогнула:

– Ранд ал'Тор. Это не то имя, которое внушает страх и воспламеняет мир. – Она опять вздрогнула и энергично потерла руки, но ее глаза вдруг засверкали решительным огнем. – Если он – тот, тогда у нас и вправду хватит времени. Но безопасно ли ему находиться здесь? Со мной две Красные сестры, и я больше не могу ручаться ни за Зеленых, ни за Желтых. Поглоти меня Свет, я не поручусь ни за одну из них в этом деле. Даже Верин и Серафелле, скорей всего, набросятся на него так, будто он гадюка-багрянка, вползшая в детскую.

– На какое-то время он в безопасности.

Амерлин подождала, но Морейн ничего больше не добавила. Тишина стала звеняще-напряженной, но было ясно, что она ничего не скажет. В конце концов Амерлин сказала:

– Ты утверждаешь, что наш прежний план бесполезен. Что же ты предлагаешь теперь?

– Я нарочно позволила ему думать, что больше не интересуюсь им, чтобы он, без оглядки на меня, мог идти куда пожелает. – Она подняла руки, когда Амерлин попыталась возразить. – Это необходимо, Суан. Ранд ал'Тор вырос в Двуречье, где в жилах каждого течет упрямая кровь Манетерен, а его кровь подобна камню рядом с глиной по сравнению с кровью Манетерен. С ним нужно обходиться мягко, иначе он сбежит куда угодно, но не в ту сторону, куда нам надо.

– Тогда мы будем обращаться с ним как с новорожденным. Мы завернем его в пеленки и станем щекотать ему пятки, если это, по-твоему, от нас требуется. Но с какой целью, что нужно для начала?

– Два его друга, Мэтрим Коутон и Перрин Айбара, вполне созрели для того, чтобы посмотреть на мир, прежде чем опять уйти в бесцветность Двуречья. Если им это удастся – они тоже та'верен, пусть и в меньшей степени, чем он. Я сделаю так, чтобы они несли Рог Валир в Иллиан... – Она помешкала, хмурясь. – Только... с Мэтом не все просто. У него с собой кинжал из Шадар Логота.

– Из Шадар Логота! О Свет, почему ты вообще разрешила им оказаться рядом с этим местом?! Каждый камень его зачумлен. Там любой голыш опасен, если его взять в руки и унести оттуда. Помогите нам Свет, если мальчика коснулся Мордет... – Голос у Амерлин был такой, точно ее душили. – Если это случилось, то мир обречен.

– Но этого не случилось, Суан. Мы делаем лишь то, что велит нам необходимость, а это было необходимо. Я сумела сделать так, чтобы Мэт не заразил остальных, но кинжал был при нем слишком долго, прежде чем я узнала о случившемся. Эта связь по-прежнему существует. Я решила, что нужно доставить его для исцеления в Тар Валон, но, раз тут так много сестер, все проделать возможно и здесь. Если только есть немногие, которым можно доверять, кто не видит друзей Темного там, где их в помине нет. Хватит тебя и меня и еще двоих, если воспользоваться моим ангриалом.

– Одной будет Лиане, а другую я сумею найти. – Амерлин вдруг криво усмехнулась. – Совет Башни хочет получить этот ангриал обратно, Морейн. Их осталось не так много, а тебя теперь считают... не заслуживающей доверия.

Морейн улыбнулась, но улыбка тронула лишь ее губы.

– Прежде чем я закончу, они станут думать обо мне еще хуже. Мэт тут же ухватится за возможность стать частью легенды о Роге, а убедить Перрина большого труда не составит. Ему нужно что-то – отвлечь мысли от собственных тревог. Ранду известно, кто он такой, – по крайней мере, кое-что об этом, немного, – и, вполне понятно, он боится. Он хочет уйти куда-нибудь один, туда, где не сможет никому причинить вреда. Он говорит, что никогда больше не станет пользоваться Силой, но боится, что не сможет покончить с этим.

– Еще бы он смог! Легче отказаться пить воду.

– Верно. И он хочет избавиться от опеки Айз Седай. – Морейн слегка улыбнулась невесело. – Воспользоваться случаем отвязаться от Айз Седай и подольше побыть со своими друзьями – в этом его желание ничуть не уступает Мэтову.

– Но как он отделается от Айз Седай? Ты обязательно должна отправиться с ним. Морейн, мы не можем теперь потерять его.

– Я не могу отправиться с ним. – «От Фал Дара до Иллиана долгий путь, но он уже проделал путь неменьший». – Его нужно на время отпустить с привязи. Ничего не поделаешь. Я распорядилась сжечь всю их старую одежду. Чересчур велика возможность, что какой-то лоскут их одежды попал не в те руки. Перед тем как они выступят в дорогу, я очищу их. С этой стороны их никак не смогут выследить, и единственная иная угроза подобного рода заперта здесь в подземелье. – Амерлин, одобрительно кивнув, после вопросительно взглянула на Морейн, но та продолжила: – В их путешествии – насколько я сумею, Суан, – опасностей не будет. А когда Ранду в Иллиане буду нужна я, я там буду и прослежу, чтобы именно он передал Рог Совету девяти и Ассамблее. В Иллиане я прослежу за всем. Суан, иллианцы пойдут за Драконом или за самим Ба'алзамоном, если он принесет им Рог Валир, и за ним же последует бо́льшая часть собравшихся на Охоту. Истинному Возрожденному Дракону незачем собирать вокруг себя последователей, пока государства не двинулись на него. Он начнет с государством вокруг себя и с армией за спиной.

Амерлин почти упала в кресло, но сразу же подалась вперед. Она словно разрывалась между усталостью и надеждой.

– Но он провозгласит себя? Если он напуган... Свет знает, он должен бояться, Морейн, но мужчины, именовавшие себя Драконом, жаждут власти и могущества. Если он не...

– У меня есть средства проследить за тем, чтобы его называли Драконом, – хочет он того или нет. И если это мне как-то не удастся, сам Узор проследит за тем, чтобы его называли Драконом, – хочет он того или нет. Пойми, Суан, он – та'верен. Он властен над своей судьбой не больше, чем фитиль свечи властен над пламенем.

Амерлин вздохнула:

– Это рискованно, Морейн. Рискованно. Но мой отец говаривал: «Девочка, не ухватишь случай за хвост, никогда и медяка не выиграешь». Нам нужно выработать план. Садись, с этим быстро не управиться. Я пошлю за вином и сыром.

Морейн покачала головой:

– Мы и без того просидели, запершись, слишком долго. Если кто-то пытался подслушать и обнаружил выставленное тобой охранение, то он уже теряется в догадках. Это не стоит риска. Мы можем устроить еще одну встречу, завтра. – «Кроме того, моя самая дорогая подруга, я не могу сказать тебе всего, и я не могу рисковать, позволив тебе узнать, что я утаиваю что-то».

– Наверное, ты права. Но с утра – за дело. Мне многое нужно узнать.

– Утром, – согласилась Морейн; Амерлин встала, и женщины вновь крепко обнялись. – Утром я расскажу все, что тебе нужно знать.

Лиане окинула вышедшую в переднюю Морейн острым взглядом, затем рванулась в покои Амерлин. Морейн постаралась напустить на себя вид, будто ее наказали, будто только что ее настигла одна из выволочек Амерлин, – большинство женщин, какой бы сильной волей ни обладали, возвращались от Амерлин со слабостью в коленях и с большими глазами, – но подобная маска была чужда Морейн. Она скорее выглядела разгневанной, что куда лучше послужило для создания нужного эффекта. Она едва различала в передней комнате других женщин; ей показалось, что, с тех пор как она переступила порог Амерлин, одни ушли, а другие появились, но Морейн и не взглянула на них. Час был поздний, а до утра предстояло многое сделать. Многое – до того, как вновь нужно будет беседовать с Амерлин.

Ускорив шаг, Морейн двинулась по коридору вглубь крепости.

Колонна, под звон сбруи вытянувшаяся в тарабонской ночи под серпом прибывающей луны, произвела бы неизгладимое впечатление, если бы кто-то увидел ее. Полные две тысячи Детей Света, все верхом, в белых табарах и плащах, доспехи блестят, обоз – фургоны, походные кухни, конюхи с вереницами сменных лошадей. В этой бедной лесами местности были деревни, но отряд держался в стороне от дорог и избегал даже фермерских хозяйств. Они должны встретиться – с кем-то – у крохотной деревушки на северной границе Тарабона, на краю равнины Алмот.

Джефрам Борнхальд, скачущий во главе своих людей, гадал о том, в чем же тут дело. Он слишком хорошо помнил разговор в Амадоре с Пейдроном Найолом, лордом капитан-командором Детей Света, но понял из него чрезвычайно мало.

– Мы одни, Джефрам, – сказал беловолосый человек. Голос его от возраста был тонким и пронзительным. – Я помню, как ты принимал присягу... да, теперь, наверное, тридцать шесть лет назад.

Борнхальд выпрямился:

– Милорд капитан-командор, могу ли я спросить, почему меня отозвали из Кэймлина, причем с такой поспешностью? Еще один удар – и Моргейз бы пала. В Андоре есть Дома, которые относятся к Тар Валону так же, как мы, и они готовы заявить права на трон. Я оставил Эамона Валду за старшего, но он, по-видимому, счел за лучшее сопроводить дочь-наследницу до Тар Валона. Я не удивлюсь, если узнаю, что он похитил девушку или же атаковал Тар Валон.

И Дэйн, сын Борнхальда, прибыл как раз перед вызовом. Дэйн преисполнен усердия. Иногда даже чересчур много рвения. Настолько, чтобы слепо соглашаться со всем, что предлагает Валда.

– Валда идет в Свете, Джефрам. Но ты – лучший боевой командир среди Детей. Ты соберешь полный легион – лучших, кого сможешь найти, и поведешь их в Тарабон, избегая любых глаз, имеющих язык, чтобы после говорить. Если такой язык и найдется, он должен будет замолчать навеки о том, что увидели глаза.

Борнхальд замялся. Пятьдесят Чад Света, пускай даже сотня, могли без всяких вопросов вступить в любую страну, – по крайней мере, напрямую о причинах никто расспрашивать не стал бы, но целый легион...

– Это война, милорд капитан-командор? На улицах о всяком толкуют. Дикие слухи, главным образом о вернувшихся войсках Артура Ястребиное Крыло. – (Старик ничего не сказал.) – Король...

– Король не командует Чадами Света, лорд-капитан Борнхальд. – Впервые в голосе лорда капитан-командора повеяло на краткий миг холодной резкостью. – Ими командую я. Пусть король сидит в своем дворце и делает то, что он делает лучше всего. То есть ничего не делает. Тебя встретят у деревни под названием Алкруна, и там вы получите окончатель-

ный приказ. Я рассчитываю, что ваш легион будет на месте через три дня. Теперь ступайте, Джефрам. У вас есть чем заняться.

Борнхальд нахмурился:

– Прошу прощения, милорд капитан-командор, но кто меня встретит? Почему я рискую вызвать войну с Тарабоном?

– Когда будете у Алкруны, вам сообщат все, о чем вам нужно знать.

Лорд капитан-командор вдруг показался старше своих лет. Рассеянно он теребил ткань белой туники с золотой эмблемой Детей Света на груди – солнечной вспышкой почти во всю грудь.

– Тут действуют силы, которых вам, Джефрам, не понять. Которых вам даже не сумеет понять. Быстро отберите себе людей. Теперь – ступайте. Большие никаких вопросов. И да сопутствует вам Свет.

Теперь Борнхальд выпрямился в седле, разминая затекшую спину. «Старею», – подумал он. День и ночь в седле, с двумя остановками, чтобы напоить лошадей, – и он почувствовал каждый свой седой волос. Всего несколько лет назад он не обратил бы внимания на такую недолгую скачку. «По крайней мере, я не убил никого невиновного». К приспешникам Тьмы он относился с той же суровостью, как и любой присягнувший Свету, – друзья Темного должны быть уничтожены до того, как успеют затянуть весь мир покровом Тени, – но вначале он должен убедиться, что они и в самом деле друзья Темного. Такому многочисленному отряду тяжело избежать глаз тарабонцев, даже в такой глухомани, но он сумел провести своих людей незамеченными. Не проболтался никто, ни один язык.

Возвращались высланные разведчики, а позади них скакали еще люди в белых плащах, у некоторых в руках пылали факелы, испортившие ночное зрение всех в голове колонны. Пробурчав проклятие, Борнхальд приказал остановиться, одновременно рассматривая тех, кто ехал ему навстречу.

На груди их белых плащей были вышиты такие же, как у Борнхальда, знаки солнечной вспышки – как у любого из Детей Света, а у старшего из них даже поблескивали под золотой эмблемой золотые банты – ранг предводителя не уступал рангу Борнхальда. Но солнечные эмблемы были нашиты поверх красных пастырских посохов-ерлыг. Вопрошающие. Раскаленным железом, и щипцами, и капающей водой Вопрошающие вытягивали признание и раскаяние из приспешников Темного, но находились такие, кто утверждал, будто они заранее, еще не начав допроса, решают вопрос о виновности. Борнхальд не раз говорил об этом сам.

«Меня послали сюда для встречи с Вопрошающими?»

– Мы ожидали вас, лорд-капитан Борнхальд, – неприятным голосом сказал предводитель Вопрошающих – высокий мужчина с крючковатым носом и горящей в глазах уверенностью, которая отличала каждого из них. – Вы могли бы проделать путь и побыстрее. Я – Эйно́р Сарен, заместитель Джайхима Карридина, который командует Дланью Света в Тарабоне. – Длань Света – Рука, которая докапывается до правды, – так они говорили. Им не нравилось, когда их называли Вопрошающими, тем более допросниками. – У деревни есть мост. Переведите своих людей через него. Мы поговорим в гостинице. Как ни удивительно, она вполне сносна и удобна.

– Сам лорд капитан-командор приказал мне избегать чужих глаз.

– Деревня уже... умиротворена. А сейчас – переправляйте ваших людей. Теперь приказы отдаю я. Если сомневаетесь, у меня есть приказ с печатью лорда капитан-командора.

Борнхальд с трудом удержался, чтобы не рывкнуть на Вопрошающего. Умиротворена. Он гадал, свалены ли тела грудой за деревней или же сброшены в реку. Как это похоже на допросников, равнодушных настолько, чтобы перебить всю деревню ради скрытности, и глупых настолько, чтобы бросить тела в реку и таким образом возвестить о своем «подвиге» по всей реке вниз по течению, от Алкруны до Танчико.

– В чем я сомневаюсь, допросник, так это в том, с какой стати я с двухтысячным отрядом оказался в Тарабоне.

Лицо Сарена вытянулось, но голос остался жестким и требовательным:

– Все просто, лорд-капитан. По всей равнине Алмот разбросано много городков и деревень, где высшая власть – мэр или городской совет. Прошло много времени с тех пор, как их привели к Свету. В таких краях наверняка развелось много друзей Темного.

Лошадь Борнхальда переступила с ноги на ногу.

– Если полагаться на ваши слова, Сарен, я скрытно провел целый легион почти через весь Тарабон лишь затем, чтобы искоренить пару-тройку друзей Темного в каких-то грязных деревушках?

– Вы, Борнхальд, здесь затем, чтобы исполнять то, что прикажут. Исполнять работу Света! Или вы ускользаете от Света? – Grimаса улыбки скривила лицо Сарена. – Если вы ищете битву, то случай вам еще представится. У чужаков огромные силы на мысе Томан, больше, чем могли бы сдержать вместе Тарабон и Арад Доман, даже если они и умудрятся прекратить на время свару между собой и станут действовать сообща. Если чужаки прорвутся, то вам потребуются все силы, которые у вас есть. Тарабонцы заявляют, что чужестранцы – чудовища, исчадия Темного. Некоторые утверждают, будто за них сражаются Айз Седай. Если они, эти чужестранцы, и в самом деле приспешники Тьмы, то с ними тем более необходимо разделаться. В свой черед.

На минуту дыхание Борнхальда оборвалось.

– Тогда слухи верны. Вернулись армии Артура Ястребиное Крыло.

– Чужаки, – ровным голосом произнес Сарен. – Чужаки и, вероятно, приспешники Тьмы – откуда бы они ни явились. Это все, что мы знаем, все, что вам нужно знать, и сейчас вам до них не должно быть дела. Мы лишь напрасно теряем время. Переправляйте своих людей через реку, Борнхальд. В деревне я передам для вас приказы.

Он развернул лошадь и галопом ускакал туда, откуда появился; факельщики скакали следом за ним.

Борнхальд прикрыл глаза, стараясь поскорее восстановить ночное зрение. «Нас используют, будто камни на игровой доске».

– Байяр! – Он открыл глаза, когда его помощник возник сбоку, замерев в седле подле лорда-капитана. Глаза на худом лице горели совсем как у Вопрошающих, несмотря на это, он был хорошим солдатом. – Там впереди – мост. Переправьте легион через реку и разбейте лагерь. Я присоединюсь к вам, как только смогу.

Борнхальд подобрал поводья и поскакал в том направлении, куда скрылись Вопрошающие. «Камни на доске. Но кто делает ходы? И зачем?»

Лиандрин шла по женской половине, когда послеполуденные тени уступали место сумеркам. Из-за бойниц напознала тьма и обнимала огоньки ламп в коридоре. С недавних пор сумерки стали для Лиандрин тревожным временем суток, как вечерние, так и предрассветные. На рассвете рождался день, точно так же сумерки вечером давали начало ночи, но на рассвете умирала ночь, а в сумерках – день. Могущество Темного корнями уходит в смерть; в смерти он обретал власть, черпал свою силу из смерти, и в эти часы ей казалось, что она чувствует, как пробуждается, шевелится его мощь. По крайней мере, что-то в полутьме шевелилось. Ей почти казалось, что она успевала уловить нечто такое, если поворачивалась достаточно быстро, и она была уверена, что сумеет разглядеть это нечто, если будет пристально всматриваться.

Женская прислуга приседала в реверансе перед проходящей мимо Лиандрин, но та не замечала их. Ее взгляд был устремлен прямо вперед, и она не видела никого вокруг себя.

У двери, которую она искала, Лиандрин приостановилась, быстро глянула в оба конца коридора. На глаза ей попались лишь женщины-служанки; мужчин тут, разумеется, не было. Лиандрин, не постучавшись, толчком распахнула дверь и шагнула внутрь.

Прихожая покоев леди Амалисы была ярко освещена, а пылающий в камине огонь сдерживал прохладу шайнарского вечера. В креслах и на разостланных слоями коврах сидели леди Амалиса и ее дамы, слушая стоящую в центре чтицу. Та читала «Танец ястреба и колибри» Тевена Аэрвина, в котором излагались правила надлежащего поведения мужчин по отношению к женщинам и женщин – к мужчинам. Лиандрин поджала губы; этого произведения она, разумеется, не читала, но все, что ей нужно было знать о нем, она знала. Каждое высказывание леди Амалиса и ее дамы встречали взрывами смеха, словно девчонки, валясь друг на друга и колотя пятками по коврам.

Первой заметила появление Лиандрин чтица. Она осеклась, глаза удивленно округлились. Остальные обернулись: куда та уставилась, – и молчание сменило веселый смех. Все, кроме Амалисы, поднялись, торопливо приглаживая юбки и поправляя прически.

Леди Амалиса с изяществом встала, улыбнувшись Лиандрин:

– Вы делаете нам честь своим посещением, Лиандрин. Очень приятный сюрприз. Я ждала вас только завтра. Я предполагала, что вам захочется отдохнуть после долгого пути...

Лиандрин резко перебила ее, ни к кому конкретно не обращаясь:

– Я буду разговаривать с леди Амалисой наедине. Все уходите. Немедленно!

Мгновение безмолвного замешательства, затем женщины попрощались с Амалисой. Одна за другой они приседали в реверансе перед Лиандрин, но та не удостоила их даже взглядом. Она смотрела прямо перед собой в никуда, но все видела и слышала. Едва дыша, придворные дамы почтительно приветствовали Айз Седай, испытывая неловкость от ее настроения. Она будто не замечала приветствий, и дамы опускали взоры, бочком протискиваясь к двери, опасливо держась подальше от Лиандрин, стараясь не задеть своими юбками ее юбки.

Когда за последней из придворных закрылась дверь, Амалиса сказала:

– Лиандрин, я не пони...

– Идешь ли ты в Свете, дочь моя? – Сейчас не до глупостей, чтобы называть ее сестрой. Собеседница была старше на несколько лет, но должны соблюдаться издревле принятые формы обращения. Сколь долго бы они ни были забыты, пора их вспомнить.

Но едва вопрос сорвался с губ, Лиандрин поняла, что допустила ошибку. Такой вопрос от Айз Седай, несомненно, подразумевал сомнение и вызывал обеспокоенность, но Амалиса выпрямилась, а лицо ее затвердело.

– Лиандрин Седай, это оскорбление. Я – шайнарка, из благородного Дома, и моя кровь – кровь воинов. Мои предки сражались с Тенью задолго до того, как возник Шайнар, сражались три тысячи лет, ни на день не ослабляя борьбы.

Лиандрин не отступила, но сменила направление атаки. Широкими шагами пройдя через комнату, она взяла с каминной полки переплетенный в кожу рукописный том «Танца ястреба и колибри» и взвесила в руке, не глядя на книгу.

– В Шайнаре, дочь моя, прежде прочих стран должно ценить Свет, а Тени – опасаться. – Она небрежно кинула книгу в огонь. Пламя с жадностью принялось лизать томик, словно он был поленом смолистого дерева, и с гудением рванулось в дымоход. В тот же миг все лампы в комнате, зашипев, вспыхнули ярким пламенем, и столь яростно, что затопили все вокруг чистым светом. – Здесь – прежде всего. Здесь, так близко к проклятому Запустению, где таится порча. Здесь, где даже тот, кто считает, что он идет в Свете, может быть уже испорчен влиянием Тени.

Бисеринки пота заблестели на лбу Амалисы. Рука, поднявшаяся было в протестующем жесте из-за того, как Лиандрин обошлась с книгой, медленно опустилась. Лицо Амалисы по-

прежнему оставалось решительным, но Лиандрин заметила, как шайнарка тяжело сглотнула и переступила с ноги на ногу.

– Я не понимаю, Лиандрин Седай. При чем тут книга? Это всего-навсего безобидное дурачество, глупая забава.

В голосе слышалась слабая дрожь. «Хорошо». Фитили за ламповыми стеклами затрепщали, когда языки огня полыхнули выше и жарче, осветив комнату, будто летний полдень – чистое поле. Амалиса стояла неподвижно, словно столб, с напряженным лицом, она как будто старалась не жмуриться.

– Кто глуп, так это ты, дочь моя. Какое мне дело до книг! Здесь, где мужчины вступают в Запустение и проходят по его испорченности. В саму Тень. Почему же удивляться тому, что эта порча может просочиться в них? По их воле или вопреки ей, но она может просочиться. Почему, по-твоему, сама Престол Амерлин явилась сюда?

– Не знаю, – прозвучало едва слышно.

– Дочь моя, я – из Красных, – безжалостно продолжала Лиандрин. – Я преследую всех мужчин, затронутых порчей.

– Я не понимаю.

– Не только тех презренных, которые пробуют Единую Силу. Всех затронутых порчей мужчин. Всякого звания, благородных и простолюдинов, я преследую.

– Я не... – Амалиса облизала дрогнувшие губы и с видимым усилием собралась с духом. – Я не понимаю, Лиандрин Седай. Пожалуйста...

– Благородных даже прежде, чем простолюдинов.

– Нет! – Словно упала невидимая подпорка, и Амалиса рухнула на колени, голова поникла. – Пожалуйста, Лиандрин Седай, скажите, что вы говорите не про Агельмара! Это не может быть он!

В этот момент замешательства и сомнения Лиандрин и нанесла удар. Она не двинулась, но хлестнула Единой Силой. Амалиса охнула и дернулась, как от укола иглой, и капризные губки Лиандрин оживила улыбка.

Это был ее собственный особенный трюк, еще с детства, то первое, что она узнала о своих способностях. Ей запретили им пользоваться, едва о нем узнала наставница послушниц, но для Лиандрин запрет означал лишь одно: есть еще нечто, что ей нужно и что приходится скрывать от тех, кто завидует ей.

Она шагнула вперед и резким движением приподняла подбородок Амалисы. Металл, который придавал гордой шайнарке крепость духа, никуда не пропал, но утратил что-то от своего благородства, став податливее для нужных Лиандрин действий. По щекам, блестя, побежали из глаз Амалисы слезы. Лиандрин позволила огням спастись до обычного сияния – в них больше не было необходимости. Она смягчила свои слова, но голос был твердым как сталь.

– Дочь моя, никому не хочется видеть тебя и Агельмара выставленными перед народом как приспешников Темного. Я помогу тебе, но ты тоже должна помочь.

– П-помочь вам? – Амалиса поднесла руки к вискам; она выглядела сбитой с толку. – Пожалуйста, Лиандрин Седай, я не... понимаю. Все так... Это все...

Умение Лиандрин не отличалось совершенством – Лиандрин никогда не удавалось заставить других сделать то, чего она хочет, – хотя и пыталась; о, как она старалась добиться этого! Но она могла заставить захотеть верить ей, захотеть стать убежденными в ее правоте более всего прочего.

– Повинуйся, дочь моя. Повинуйся и правдиво отвечай на мои вопросы, и я обещаю: никто не заикнется ни о тебе, ни об Агельмаре как о друзьях Темного. Вас не проволокут нагими по улицам, чтобы после кнутами выгнать из города, если народ раньше не разорвет вас на части. Я не позволю этому случиться. Тебе понятно?

– Да, Лиандрин Седай, да. Я сделаю, как вы скажете, и честно отвечу вам.

Лиандрин выпрямилась, глядя на шайнарку сверху вниз. Леди Амалиса продолжала стоять на коленях, с лицом искренним и по-детски открытым, как у ребенка, ожидающего от более сильного и мудрого утешения и помощи. Лиандрин видела во всем этом некую справедливость. Она никогда не понимала, почему Айз Седай достаточно приветствовать простым поклоном или реверансом, когда мужчины и женщины преклоняют колени перед королями и королевами. «Какая королева обладает силой вроде моей?» Губы Лиандрин гневно искривились, и Амалиса вся затрепетала.

– Успокойся, дочь моя, не тревожься. Я пришла не наказывать, а помочь тебе. Будут наказаны лишь те, кто заслуживает того. Правду, одну лишь правду говори мне.

– Лишь правду, Лиандрин Седай. Только правду, клянусь в этом моим родом и честью.

– Морейн явилась в Фал Дара вместе с Приспешником Тьмы.

Амалиса была чересчур испугана, чтобы выказать удивление.

– О нет, Лиандрин Седай! Нет! Тот человек пришел позже, теперь он в подземелье.

– Позже, говоришь? Но ведь верно, что она часто разговаривает с ним? Она часто бывает с этим другом Темного? Наедине?

– И-иногда, Лиандрин Седай. Только иногда. Она хочет выяснить, почему он пришел сюда. Морейн Седай... – Лиандрин резко подняла руку, и Амалиса осеклась, проглотив слова, что собиралась произнести.

– Морейн сопровождали трое молодых мужчин. Это я знаю. Где они? Я была в их комнатах, и их не нашли.

– Я... я не знаю, Лиандрин Седай. С виду они славные ребята. Не думаете же вы, что они – приспешники Тьмы?

– Не приспешники Тьмы, нет. Хуже. Куда опаснее друзей Темного, дочь моя. От них грозит опасность всему миру. Их нужно отыскать. Ты отдашь слугам распоряжение обшарить крепость, этим же пусть займутся твои дамы и ты сама. Осмотреть надо все закоулки и щелочки. За исполнением проследишь сама. Сама! И никому и словом не обмолвишься, кроме тех, кого назову я. Больше знать не должен никто. Никто. Этих молодых мужчин нужно будет тайно вывезти из Фал Дара и доставить в Тар Валон. В совершеннейшей тайне.

– Как прикажете, Лиандрин Седай. Но мне непонятна такая скрытность. Здесь никто не станет чинить препятствия Айз Седай.

– А о Черных Айя ты слышала?

Глаза Амалисы распахнулись, она отшатнулась от Лиандрин, подняв руки, словно защищаясь от удара.

– М-мерзкий слух, Лиандрин Седай! М-мерзкий и гнусный. Н-нет Айз Седай, которые служат Темному. Я этому не верю. Вы должны мне верить! Светом клянусь, я не верю этому! Своей честью и своим родом клянусь...

Лиандрин невозмутимо молчала, наблюдая за тем, как в тишине, воцарившейся вслед за последними словами, шайнарку покидает еще остававшаяся сила духа. Было известно, что Айз Седай очень сердятся, впадают в крайний гнев на тех, кто хотя бы упомянет о Черных Айя, – но гораздо в меньшей степени, чем гnevаются на тех, кто говорит, что верит в их неподтвержденное существование. После такого вопроса Амалиса, с волей, уже смятой тем маленьким детским трюком, станет глиной в руках Лиандрин. Еще только один удар.

– Черные Айя, дитя мое, существуют. Они есть, и в стенах Фал Дара тоже. – Амалиса стояла на коленях с раскрытым ртом. Черные Айя. Айз Седай, которые к тому же и приспешники Тьмы. Услышать такое столь же ужасно, как и то, будто сам Темный появился в крепости Фал Дара. Но теперь для Лиандрин идти на попятную было невозможно. – Любая из Айз Седай, мимо которой ты пройдешь по коридору, может оказаться Черной сестрой. В этом я готова поклясться. Я не могу сказать тебе, кто из них в точности, но на мою защиту можешь рассчитывать. Если ты идешь в Свете и послушна мне.

– Буду послушна, – хрипло прошептала Амалиса. – Буду. Пожалуйста, Лиандрин Седай, пожалуйста, скажите, что вы защитите моего брата и моих придворных...

– Кто заслуживает защиты, тот получит мое покровительство. Беспокойся о себе, дочь моя. И думай лишь о том, что я приказала тебе. Только об этом. С этим связана судьба мира, дочь моя. Обо всем остальном можешь забыть.

– Да, Лиандрин Седай. Да. Да!

Лиандрин развернулась и пересекла комнату, оглянулась она лишь у двери. Амалиса по-прежнему стояла на коленях, по-прежнему с тревогой глядя на Айз Седай.

– Встаньте, миледи Амалиса. – Лиандрин постаралась, чтобы голос звучал полюбезнее, с едва ощутимым намеком на издевку. «Сестра, как же! И дня бы в послушницах не протянула. А ведь она обладает властью приказывать другим». – Встаньте. – Амалиса выпрямилась, медленно, скованно, рывками, словно провела несколько часов связанной по рукам и ногам. Когда она наконец поднялась с колен, Лиандрин произнесла – и сталь вновь зазвучала в полную силу: – И если вы обманете ожидания мира, если подведете меня, то позавидуете тому жалкому другу Темного, что сидит в темнице.

Глянув на лицо Амалисы, Лиандрин решила, что из-за недостатка рвения со стороны шайনারки неудача не грозит.

Захлопнув за собой дверь, Лиандрин вдруг почувствовала, как защипало кожу. Затаив дыхание, она крутанулась на каблуках, вглядываясь в оба конца тускло освещенного коридора. Пусто. За бойницами темнела глубокая ночь. В коридоре было пусто, однако она чувствовала на себе взгляд. Пустой коридор, тени дрожат между лампами на стенах, дразня и обманывая. Лиандрин обеспокоенно передернула плечами, затем решительно зашагала по коридору. «Воображение разыгралось. Больше ничего».

Уже поздняя ночь, и до рассвета предстоит многое сделать. Приказы были точны и недвусмысленны.

В любой час дня и ночи подземелье тонуло во мраке, черном и вязком, как смола, если только кто-нибудь не приносил лампу, но Падан Фейн, сидящий на краешке топчана, всматривался в темноту с улыбкой на лице. Он слышал, как ворочаются и бормочут от привидевшихся во сне кошмаров двое других узников. Падан Фейн чего-то ждал, чего-то такого, что он дожидался уже долго. Слишком долго. Но теперь ожиданию конец.

Дверь, ведущая в караулку, отворилась, пролив поток света, в котором неясно вырисовывалась возникшая в дверном проеме фигура.

Фейн встал:

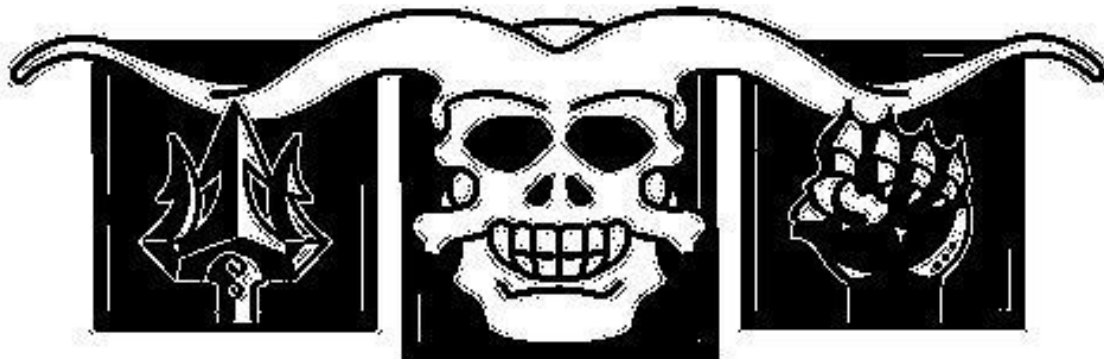
– Ты! Не тебя я ожидал. – Он потянулся с небрежностью, которой вовсе не испытывал. Кровь быстрее побежала по жилам; Фейну показалось, что он, если попытается, может одним прыжком перемахнуть через всю крепость. – Сюрпризы для всех, да? Ну ладно. Дело за полночь, а я хочу иногда и поспать.

Когда лампа оказалась в камере, Фейн поднял голову, ухмыляясь чему-то незримому, но уже ощущаемому сквозь каменные своды подземелья.

– Еще не кончилось, – прошептал он. – Битва никогда не кончится.

Глава 6

Темное пророчество

Под яростными ударами снаружи сотрясалась дверь дома; тяжелый засов прыгал в скобах. За окном возле двери двигался тяжеломордый силуэт троллока. Везде были окна, и еще больше смутных фигур за ними. Хотя и не совсем смутных. Ранд вполне различал их.

«Окна, – с отчаянием подумал юноша. Он попятился от двери, обеими руками сжимая перед собой меч. – Даже если выдержит дверь, они могут вломиться в окна. Почему они не пытаются влезть в окна?»

С оглушительным зловещим скрипом металла одна из скоб вылезла из косяка, оставшись болтаться на гвоздях, на палец выбитых из дерева. От очередного удара вновь задрожал засов и опять завизжали гвозди.

– Мы должны остановить их! – выкрикнул Ранд. «Вот только остановить мы не сможем. Мы не можем их остановить». В поисках пути к бегству он огляделся вокруг, но дверь была всего одна. Комната оказалась ловушкой. Всего одна дверь, и так много окон. – Мы должны что-то сделать. Хоть что-то!

– Слишком поздно, – отозвался Мэт. – Разве не понятно? – Ухмылка на бескровном, бледном лице смотрелась жутко, а из груди торчала рукоять кинжала – рубин на рукояти сверкал, словно пылая огнем. В самоцвете жизни было больше, чем в лице Мэта. – Для нас слишком поздно что-то изменить.

– Наконец-то я от них избавился, – сказал, смеясь, Перрин. Из пустых глазниц по лицу, будто потоком слез, струилась кровь. Он протягивал обгаренные руки, стараясь показать Ранду то, что держал в них. – Теперь-то я свободен. Кончено.

– Это никогда не кончится, ал’Тор! – вскричал Падан Фейн, прыгая и кривляясь. – Битва никогда не кончится!

Дверь взорвалась дождем щепок, и Ранд пригнулся, стараясь увернуться от летящих осколков дерева. Две облаченные в красное Айз Седай шагнули через порог, кланяясь своему входящему господину. Лицо Ба’алзамона скрывала маска цвета запекшейся крови, но Ранд разглядел в прорезях маски огненные глаза; он услышал гудящий пламенный рт Ба’алзамона.

– Между нами еще не кончено, ал’Тор, – сказал Ба’алзамон; и он, и Фейн говорили как один. – Для тебя битва никогда не кончится.

Сдавленно вздохнув, Ранд сел на полу, словно когтями продираясь из сна в явь. Голос Фейна еще звучал у него в ушах, так четко и резко, будто торговец стоял перед ним. «Это никогда не кончится. Битва не кончится никогда».

Ранд мутным взглядом посмотрел вокруг себя, чтобы убедиться, что он по-прежнему сидит в том убежище, где его спрятала Эгвейн, – на соломенном тюфяке в углу ее комнаты. Комнату тускло освещала единственная лампа, и Ранд удивился, увидев Найнив, которая рас-

положилась в кресле-качалке по другую сторону нерасстеленной кровати. Найнив вязала. За окном царила ночь.

Темноглазая и стройная, Найнив по-прежнему заплетала волосы в толстую косу, переброшенную сейчас на плечо и доходящую почти до талии. Она не забыла о родных краях. Лицо ее было спокойным, и ее, казалось, не занимало ничего, кроме мягко покачивающихся вязальных спиц. Мерное «клик-клик» спиц было единственным звуком. Ковер скрадывал шорох кресла-качалки.

В последнее время Ранд сожалел, что на холодном каменном полу в его комнате нет ковра, но в Шайнаре в мужских апартаментах всегда было голо и стыло. Здесь же на стенах висели два гобелена с видами горных водопадов, а у бойниц – вышитые цветами занавеси. На столике у кровати в низкой круглой вазе плавали свежие, недавно срезанные цветы, белые утренние звезды, и еще больше цветов склоняло головки в белых глазурованных бра на стенах. В углу стояло высокое зеркало, еще одно висело над умывальником, отражая кувшин и тазик в голубую полоску. Ранда заинтересовало, зачем это Эгвейн два зеркала; в его комнате не было ни одного, и нельзя сказать, чтобы они были ему позарез нужны. Горела всего одна лампа, но в комнате было еще четыре – причем она размерами не уступала той, что отвели Ранду на троих с Мэтом и Перрином. Эгвейн же занимала ее одна.

Не поднимая глаз, Найнив сказала:

– Если спишь днем, то вряд ли хорошо будешь спать ночью.

Ранд насупился, хотя она и не могла заметить его недовольного лица. Найнив была старше юноши всего на несколько лет, но то, что она – Мудрая, добавляло ей лет пятьдесят к авторитету и куда больше веса ее словам.

– Мне нужно было где-то спрятаться, и я очень устал, – сказал Ранд, потом торопливо добавил: – Я сюда не просто так пришел. На женскую половину меня пригласила Эгвейн.

Найнив опустила вязанье, окинула юношу насмешливым взглядом и улыбнулась. Она была красивой женщиной. Дома Ранд как-то не замечал ее красоты – просто никто и не думал так о Мудрой.

– Да поможет мне Свет, Ранд, ты с каждым днем все больше и больше становишься шайнарцем. Ну как же, приглашен на женскую половину. – Найнив фыркнула. – Того гляди назавтра ты еще начнешь толковать о своей чести и просить, чтобы мир был благосклонен к твоему мечу. – Юноша залился румянцем, надеясь, что в этом неверном освещении она не заметит его смущения. Она смотрела на меч, рукоять которого торчала из длинного свертка на полу рядом с Рандом. Он знал, что Найнив неодобрительно относится к мечу, вообще к любому мечу, но на этот раз она ничего не сказала. – Эгвейн объясняла мне, почему тебе где-то надо спрятаться. Не волнуйся. Мы спрячем тебя от Амерлин или от любой другой Айз Седай, если тебе этого так хочется.

Найнив встретила с ним взглядом и быстро отвела глаза, но Ранд успел до того заметить ее смущение. Ее сомнение. «Все верно, я ведь могу направлять Силу. Мужчина, владеющий Единой Силой! Тебе же следовало бы помогать Айз Седай выследить меня и укротить».

Хмурясь, Ранд одернул короткую кожаную куртку, которую нашла ему Эгвейн, и, повернувшись, прислонился спиной к стене.

– Как только смогу, я спрячусь в телеге или как-нибудь еще выберусь отсюда. Вам не придется долго укрывать меня. – (Найнив ничего не ответила; она вновь принялась за вязание и сердито фыркнула, когда у нее соскочила петля.) – Где Эгвейн?

Найнив уронила вязанье на колени:

– Не знаю, с чего это я мучаю себя этим вечером. Я даже почему-то петли отследить не могу... Она пошла вниз проведать Падана Фейна. Она считает, что если он почаще будет видеть знакомые лица, то это ему поможет.

– Мое ему точно не поможет. Ей бы подальше от него держаться. Он опасен.

– Она хочет помочь ему, – спокойно сказала Найнив. – Не забывай, она обучалась у меня, готовясь мне в помощницы, а быть Мудрой – не значит лишь предсказывать погоду. Целительство тоже часть работы Мудрой. У Эгвейн мечта – лечить людей, ей это нужно. А если Падан Фейн настолько опасен, то Морейн что-нибудь да сказала бы.

Ранд коротко, лающе рассмеялся:

– Ты же у нее и не спрашивала. Эгвейн призналась в этом, а ты... я просто представить не могу, чтобы ты о чем-то спрашивала разрешения. – Приподнятая бровь Найнив смелая смешливость с лица Ранда. Правда, извиняться он и не собирался. От дома их отделял ох какой неблизкий путь, и он не понимал, как Найнив ухитрится остаться Мудрой в Эмондовом Лугу, если сама собирается в Тар Валон. – Но ведь меня уже ищут, верно? Эгвейн не была уверена, что станут разыскивать, но Лан сказал, что Амерлин здесь из-за меня, и я решил, что лучше положиться на его мнение, а не на ее.

С минуту Найнив не отвечала. Вместо ответа она принялась возиться со своими клубками. Наконец Найнив сказала:

– Я не уверена. Одна из служанок заходила, совсем недавно. Чтобы приготовить постель на ночь, как она заявила. Как будто Эгвейн уже собралась спать, когда вечером пир в честь Амерлин. Я отослала ее; тебя она не видела.

– На мужской половине никто не разбирает вечером постель. – Найнив окинула его холодным взглядом, от которого год назад Ранд начал бы заикаться. Он покачал головой. – Найнив, вряд ли бы они отправили искать меня прислугу.

– Когда немногим раньше я пошла в кладовую за чашкой молока, то в коридорах было что-то многовато женщин. Те, которые приглашены на пир, должны бы одеваться к празднику, а другие – либо помогать им, либо готовиться прислуживать на нем, либо... – Найнив озабоченно нахмурилась. – Раз здесь Амерлин, то у всех наверняка по горло работы. И встречались они не только на женской половине. Я видела, как из кладовой рядом с молочной вышла сама леди Амалиса и лицо у нее было все в пыли.

– Это нелепо! Зачем ей участвовать в поисках? Да и любой из женщин? Они бы отправили солдат лорда Агельмара и Стражей. И Айз Седай. Им же надо чем-то заниматься к празднику. Чтоб я сгорел, если знаю, что имеется в виду под «шайнарским праздником».

– Иногда кажется, Ранд, будто в голове у тебя одна шерсть. Мужчины, которых я видела, не знали, чем это заняты женщины. Я слышала, как некоторые сетовали, что им приходится всю работу делать самим. Я понимаю, нет никакого смысла в том, что они ищут именно тебя. Никто из Айз Седай, похоже, никакого интереса не проявляет. Но вряд ли Амалиса готовится к празднику, пачкая себе платье в кладовой. Они что-то искали, что-то важное. Даже если она начала прихорашиваться к пиру сразу после того, как я ее увидела, то у нее едва хватит времени, чтобы принять ванну и переодеться. Кстати, об этом: если вскоре Эгвейн не вернется, ей придется выбирать – или переодеться, или опоздать.

Только сейчас до Ранда дошло, что на Найнив не шерстяное двуреченское платье, к которому он привык. Теперь ее платье было из бледно-синего шелка, вышитое цветками подснежника по горлу и внизу по рукавам. В центре каждого цветка сверкала маленькая жемчужина, а пояс был тиснен серебром, с серебряной же пряжкой, отделанной жемчужинами. Ранд никогда не видел Найнив в похожем наряде. Даже дома праздничная одежда не шла ни в какое сравнение с таким платьем.

– Ты собралась на пир?

– Конечно. Даже если б Морейн не сказала, что я должна идти, я все равно не позволила бы ей думать, будто я... – На миг глаза ее яростно вспыхнули, и Ранд понял, что она имела в виду. Найнив никогда и никому не позволит думать, что она боится, даже если это и в самом деле так. И уж конечно, не Морейн и тем более не Лану. Ранд надеялся, она не подозревает, что ему известно о ее чувствах к Стражу.

Через минуту взгляд Найнив, упав на рукав платья, смягчился.

– Его мне подарила леди Амалиса, – сказала она так тихо, что Ранд уж решил, что Найнив разговаривает сама с собой. Она провела пальцами по шелку, обводя вышитые цветы, улыбаясь, думая о чем-то своем.

– Оно очень красиво на тебе смотрится, Найнив. Сегодня вечером ты очень красивая.

Ранд вздрогнул, едва произнеся эти слова. Любая Мудрая болезненно относилась ко всему, что касалось ее авторитета, а Найнив была обидчивее большинства из них. Дома Круг женщин вечно стоял у нее над душой – из-за того, что она была молода, и, может быть, из-за того, что она была красива, – а ее стычки с мэром и Советом деревни были стержнем многих историй.

Найнив резко отдернула руку от вышивки и впиалась в Ранда свирепым взглядом из-под опущенных бровей. Ранд, не дав ей и слова вымолвить, быстро заговорил сам:

– Они же не могут вечно держать ворота на запоре. Как только их откроют, я уйду, и Айз Седай меня никогда не найдут. Перрин говорит, в Черных холмах и в Каралейнской степи есть места, где можно идти не один день и не встретить ни одной живой души. Может... может, я сумею придумать, что сделать с... – Он неловко пожал плечами. Незачем говорить это ей. – А если не сумею, то там никому не причиню зла.

Найнив молчала с минуту, потом медленно произнесла:

– Я в этом не так уверена, Ранд. Не скажу, что для меня ты с виду чем-то отличаешься от какого-нибудь деревенского паренька, но Морейн настаивает, что ты – та`верен, и я не думаю, что она считает, будто Колесо закончило с тобой. Темный, видимо...

– Шайи`тан мертв, – хрипло сказал Ранд, и комнату внезапно будто качнуло. Волны головок окружения окатили юношу, он схватился за голову.

– Ты дурак! Ты полнейший дурак, слепой, наидурнейший дурень! Называешь Темного по имени, привлекая к себе его внимание! Тебе что, бед мало?

– Он мертв, – пробормотал Ранд, потирая виски. Потом сглотнул комок в горле. Головок окружение уже почти прошло. – Хорошо, хорошо – Ба`алзамон, если хочешь. Но он мертв; я видел, как он умер, видел, как он горел.

– А я не видела, как на тебя, вот только что, пал взор Темного? И не смей говорить, что ты ничего не почувствовал, иначе я тебе уши надеру, – я видела, какое у тебя было лицо.

– Он мертв, – не сдавался Ранд. Невидимый наблюдатель всплыл и пропал в его мыслях, вспомнился ветер на верхушке башни. Ранд содрогнулся. – Странные вещи случаются так близко от Запустения.

– Ты и впрямь дурак, Ранд ал`Тор. – Найнив погрозила ему кулаком. – Я бы надрала тебе уши, если бы этим могла вбить немного ума...

Последние ее слова потонули в звоне колокола, набатом прогремевшего по всей крепости.

Ранд вскочил на ноги:

– Тревога! Они ищут... – «Назови Темного по имени – и зло его падет на тебя».

Найнив встала, но куда медленнее, хотя и обеспокоенно качая головой:

– Нет, вряд ли так. Если б искали тебя, то звон колоколов предупредил бы тебя. Нет, если это тревога, то не из-за тебя.

– Тогда что это? – Ранд поспешил к ближайшей бойнице и выглянул наружу.

По закутанной в плащ ночи крепости светлячками метались огоньки – туда-сюда носились фонари и факелы. Некоторые устремились к внешним стенам, к башням, но большинство из тех, что Ранд видел, беспорядочно кружили по саду под окном и по одному внутреннему дворику, самый уголок которого чуть виднелся из окна. Что бы ни вызвало тревогу, причина ее находилась внутри крепости. Колокола смолкли, и теперь стали слышны крики людей, но что те кричали, Ранд не разобрал.

«Если это не из-за меня...»

– Эгвейн, – вдруг произнес Ранд.

«Если он по-прежнему жив, если есть какое-то зло, то оно должно настигнуть меня».

От другой бойницы к нему обернулась Найнив:

– Что?

– Эгвейн. – Ранд быстрыми, широкими шагами пересек комнату и высвободил из узла ножны с мечом. «Свет, удар же должен прийти по мне, а не по ней!» – Она в подземелье, в темнице с Фейном. А что, если тот как-то освободился?

Найнив поймала его у двери, схватив за руку. Ростом она была Ранду по плечо, но хватка у нее была железная.

– Не глупи, Ранд ал'Тор, неставляя себя полным идиотом с овечьими мозгами – каковы ты сейчас и выглядишь. Даже если эта тревога не имеет к тебе никакого отношения, то ведь женщины же чего-то ищут! О Свет, мужчина, это же женская половина! В коридорах почти наверняка будут Айз Седай. С Эгвейн все будет хорошо. Она собиралась взять с собой Мэта и Перрина. Даже если б она попала в неприятности, они сумеют о ней позаботиться.

– А если ей не удалось их найти, Найнив? Такой оборот никогда бы не остановил Эгвейн. Она, как и ты, пошла бы одна, и тебе это известно. Свет, я же говорил ей, что Фейн опасен! Испепели меня, я же говорил ей!

Рывком освободившись, Ранд резко толкнул дверь и выскочил в коридор. «Испепели меня Свет, это же должно было случиться со мной!»

Завидев Ранда – в грубой рубаше и куртке работника и с мечом в руке, пронзительно закричала какая-то женщина. Даже будучи приглашенным на женскую половину, мужчина не смел и шагу ступить сюда с оружием, если только крепость не подверглась нападению. Коридор наполнился женщинами: прислужой в черно-золотом, дамами из крепости в шелках и кружевах, женщинами в вышитых шальях с длинной бахромой; все громко и разом говорили, все спрашивали друг у друга, что происходит. Повсюду за юбки цеплялись плачущие и орущие дети. Ранд устремился сквозь толпу, лавируя, где мог, бормоча на ходу извинения тем, кого отталкивал плечом, стараясь не замечать обращенных на него испуганных и изумленных взглядов женщин.

Одна из женщин с шалью на плечах повернулась, собираясь вернуться в свою комнату, и Ранд увидел ее со спины – увидел мерцающую белую слезинку в центре шали. Он вдруг узнал лица, которые видел во внешнем дворе крепости. Айз Седай – смотрящие теперь с тревогой на него.

– Кто ты? Что тут делаешь?

– На крепость напали? Отвечай же, мужчина!

– Он не солдат. Кто ты? Что происходит?

– Это молодой лорд-южанин!

– Кто-нибудь, остановите его!

Страх растянул ему губы, блеснули в оскале зубы, но Ранд не остановился, а постарался двигаться быстрее.

Потом в коридор шагнула женщина, оказавшись лицом к лицу с Рандом, и тот, сам того не желая, остановился. Он узнал это лицо, помня его лучше всех прочих, – юноше казалось, что он будет помнить его, даже если станет жить вечно. Престол Амерлин. Глаза ее расширились, когда она увидела Ранда, и она шагнула назад. Вторая Айз Седай – высокая женщина, которую он видел с жезлом, – встала между ним и Амерлин, что-то крича ему, – он не расслышал слов в нарастающем гуле голосов.

«Она знает. Помогите мне Свет, она знает! Морейн рассказала ей». Зарывав, Ранд побежал дальше. «Свет, только дайте мне убедиться, что с Эгвейн все в порядке, прежде чем они...» Он слышал позади себя крики, но не прислушивался к ним.

В самой крепости, за порогом женской половины, суматохи хватало и без него. Мужчины с обнаженными мечами бегали по крепостным дворам, не глядя на Ранда. Теперь в тревожном звоне набатных колоколов слышались и другие звуки. Крики. Вопли. Лязг металла о металл. У Ранда едва хватило времени, чтобы сообразить, что он слышит звуки боя («Битва? В самом Фал Дара?»), когда из-за угла перед ним выскочили три троллока.

Покрытые шерстью рыла уродливо проглядывали сквозь человеческие лица, у одного из троллоков были бараньи рога. Оскалив зубы и взметнув мечи-косы, они устремились к Ранду.

Коридор, в котором мгновением раньше было полно бегущих солдат, теперь оказался пуст. Лишь он сам и три троллока. Захваченный врасплох, Ранд неуклюже вытащил меч из ножен, попытался применить «Колибри целует медвяную розу». Потрясенный тем, что обнаружил троллоков в сердце цитадели Фал Дара, он исполнил этот прием настолько плохо, что Лан, случись ему увидеть такое, воспринял бы это как личное оскорбление, развернулся бы и, ни слова не говоря, ушел бы прочь. Троллок с медвежьей мордой легко уклонился от удара, на мгновение замедлив шаг двум другим.

Вдруг мимо Ранда на троллоков ринулась дюжина шайнарцев – наполовину одетых в пышные праздничные наряды, но с мечами наголо. Медвежьерылый троллок издал предсмертное рычание, а его товарищи бежали, преследуемые криками солдат и взмахами стали. Доносящиеся отовсюду крики и вопли повисли в воздухе.

«Эгвейн!»

Ранд свернул вглубь цитадели и промчался по вымершим коридорам. Там и тут на полу лежали мертвые троллоки. Или мертвые люди.

Потом Ранд выскочил на пересечение переходов – и слева застал конец схватки. Там неподвижно лежало шесть окровавленных солдат с чубами, седьмой умирал. Мурддраал, вытаскивая свой клинок из живота противника, повернул его вдобавок в ране, и солдат вскрикнул, выронил меч и упал. Исчезающий двинулся с гадючьей грацией, сходство со змеей усиливалось от защищающего его грудь доспеха из черных, перекрывающих друг друга пластинок. Он повернулся, и его бледное безглазое лицо уставилось на Ранда. Мурддраал шагнул к юноше, улыбаясь бескровной улыбкой, нисколько не торопясь. Из-за одного человека торопиться незачем.

Ранд почувствовал, что ноги приросли к полу и он не в силах сдвинуться с места; язык прилип к небу. Взгляд Безглазого – страх. Так говаривают на Порубежье. Руки Ранда, когда он поднимал меч, дрожали. Он и думать забыл о пустоте, о том, чтобы сосредоточиться на ней. «Свет, он только что убил сразу семерых вооруженных солдат. Свет, а мне-то что делать? Свет!»

Внезапно мурддраал остановился, улыбка пропала.

– Этот – мой, Ранд. – Юноша вздрогнул, когда рядом с ним, шагнув сзади, встал Ингтар – смуглый и коренастый, в праздничной желтой куртке, держа меч обеими руками. Темные глаза Ингтара неотрывно смотрели в лицо Исчезающему; если шайнарец и чувствовал страх от этого взгляда, то ничем не выдавал его. – Попробуй свои силы на троллоке-другом, – тихо произнес Ингтар, – прежде чем сразиться с одним из этих.

– Я шел вниз – проверить, все ли в порядке с Эгвейн. Она собиралась в подземелье навестить Фейна и...

– Тогда иди и проверь.

Ранд сглотнул комок в горле:

– Мы займемся им вместе, Ингтар.

– Ты не готов для этого. Иди займись девушкой. Иди! Или ты хочешь, чтобы на нее, беззащитную, наткнулись троллоки?

Мгновение Ранд еще стоял в нерешительности. Исчезающий поднял меч – на Ингтара. Рот Ингтара скривился в бессловесном рычании, но Ранд понимал – это не страх. А Эгвейн,

может, осталась в темнице наедине с Фейном или еще с чем хуже. Но когда он бежал к ведущей в подземелье лестнице, ему все равно было стыдно. Ранд знал, что от взгляда Исчезающего страх проберет до печенок всякого, но Ингтар победил свой страх, преодолел его. А у Ранда до сих пор внутри цепко держался холодок ужаса.

Коридоры под крепостью были тихи и бледно освещены мигающим пламенем настенных ламп, далеко стоящих одна от другой. Оказавшись неподалеку от подземных темниц, Ранд сбавил шаг, стараясь красться как можно тише, на цыпочках. Поскрипывание подошв сапог по голому камню било по ушам. Дверь в темницы предстала сломанной и приоткрытой на ширину ладони, а должна была быть закрытой и запертой на засов. Уставившись на дверь, Ранд попытался сглотнуть комок в горле, но не смог. Он открыл было рот, чтобы позвать девушку, но тут же прикусил язык. Если Эгвейн там, внутри, и в беде, то, позвав ее, он лишь насторожит любого, кто бы ни угрожал ей. Сделав глубокий вдох, Ранд решился.

Одним движением он широко распахнул дверь, толкнув створку ногами, зажатыми в левой руке, и бросился внутрь, перекатившись через плечо по устланному соломой полу, и тут же вскочил на ноги, быстро крутанувшись на месте, чтобы окинуть взором помещение, в отчаянии высматривая возможного врага и ища взглядом Эгвейн. Никого.

Взор Ранда упал на стол, и он замер не дыша, и даже мысли будто оледенели. По обе стороны от все еще горящей лампы, будто какое-то украшение, в лужах крови лежали головы стражников. Выпученные от ужаса глаза уставились на Ранда, рты раскрыты в последнем, не слышном никому вопле. Ранда затошнило, и он согнулся вдвое; желудок выворачивало наизнанку. Наконец юноша кое-как сумел выпрямиться, утирая рот рукавом, – в горле будто наждаком провели.

Мало-помалу Ранд стал воспринимать в караульной и все остальное, до того лишь замеченное мельком и не осознанное в те мгновения, когда он торопливо выискивал нападающего. По соломе раскиданы кровоточащие обрубки плоти. Ничего нельзя было признать за останки человека, кроме этих двух голов. Кое-какие из кровавых ошметков выглядели так, словно их жевали. «Так вот что случилось с телами». Ранд подивился спокойствию своих мыслей, почти такому же, будто он, не прилагая усилий, достиг ощущения пустоты. Это от потрясения, отсутствующе отметил он про себя.

Ни одну голову юноша не узнал; после того как он здесь побывал, охранники сменились. Ранд этому даже обрадовался. Хуже было бы узнать их, даже Чангу. Кровь покрывала стены, разбрызгавшись во все стороны буквами-каракулями, отдельными словами и целыми предложениями. Некоторые буквы были угловатыми и неровными, на языке, которого Ранд не знал, хотя и узнал троллоков почерк. Другие слова он сумел прочитать, о чем сразу же пожалел. От таких непристойностей и ругательств побледнел бы самый распоследний конюх или купеческий охранник.

– Эгвейн... – Спокойствие исчезло. Засунув ножны за пояс, Ранд схватил со стола лампу, вряд ли заметив, как опрокинулись головы. – Эгвейн! Где ты?

Он устремился к внутренней двери и, едва сделав два шага, замер, широко раскрыв глаза. На двери, темные и влажно поблескивающие в свете лампы, были ясно видны слова:

МЫ ВСТРЕТИМСЯ ВНОВЬ НА МЫСЕ ТОМАН.

ЭТО НИКОГДА НЕ КОНЧИТСЯ, АЛ'ТОР.

Меч выпал из разом похолодевшей руки. Не отрывая взора от двери, Ранд нагнулся подобрать оружие. Вместо этого он схватил пучок соломы и принялся яростно стирать слова с двери. Тяжело дыша, он тер до тех пор, пока не размазал надпись в одно кровавое пятно, но никак не мог остановиться.

– Что ты делаешь?

От резкого голоса за спиной Ранд развернулся, пригибаясь и хватая с пола свой меч.

В дверях, ведущих во внешний коридор, стояла женщина, всем видом своим выражающая возмущение и негодование. Волосы, заплетенные в джину или больше косичек, отливали тусклым золотом, но темные глаза пронзительно смотрели прямо Ранду в лицо. С виду она была не старше Ранда и по-своему красива в своей угрюмости, но такие поджатые губы Ранду никогда не нравились. Потом он разглядел шаль, в которую женщина плотно закуталась, – с длинной красной бахромой.

– Айз Седай. И да поможет мне Свет, она – из Красной Айя».

– Я... я только... Это разные непристойности. Всякая мерзость.

– Все должно быть оставлено в точности как есть, чтобы мы осмотрели здесь все досконально. Ничего не трогай. – Глядя на Ранда, она сделала шаг вперед, а он попятился. – Да. Так, как я и думала. Один из тех, что с Морейн. Какое ты имеешь отношение к этому? – Она широким жестом указала на головы на столе и кровавые каракули на стенах.

С минуту он таращился на нее:

– Я? Да никакого! Я спустился сюда, чтобы отыскать... Эгвейн!

Ранд повернулся, намереваясь открыть внутреннюю дверь, но Айз Седай крикнула:

– Нет! Отвечай мне!

Все, что он сумел сделать, – это встать прямо, продолжая держать лампу и меч. Ледяной холод сжал его со всех сторон. Голова будто очутилась в морозных тисках; он едва мог дышать – что-то словно давило на грудь.

– Отвечай мне, мальчишка! Скажи мне свое имя.

Невольно Ранд хрюкнул, пытаясь ответить и борясь с холодом, который стягивал кожу лица и сжимал грудь заиндевевшими железными обручами. Он сцепил зубы, стараясь не произвести ни звука. Борясь с болью, он сдвинул глаза, устремив сквозь пелену слез яростный взгляд на женщину. «Сожги тебя Свет, Айз Седай! Я ни слова не скажу, поberi тебя Тень!»

– Отвечай мне, мальчишка! Ну!

Морозные иглы болезненно вонзились в мозг Ранда, вгрызаясь ему в кости. Пустота сформировалась внутри Ранда – еще до того, как он сообразил, что подумал о ней, но и она не могла сдержать боль. Смутно где-то вдалеке он ощутил свет и тепло. От мерцания света накачивала дурнота, но свет значил тепло, а ему было холодно. Свет был далеко, вне поддающихся осознанию пределов, но тем не менее до него можно дотянуться. «Свет, так холодно. Я должен дотянуться... до чего? Она убивает меня. Я должен дотянуться до него, иначе она убьет меня». Отчаянным усилием он потянулся к свету.

– Что здесь происходит?

Вдруг холод, тяжесть, тиски, иглы исчезли. Колени у Ранда подогнулись, но он усилием воли выпрямил их. Ему нельзя упасть на колени; он не доставит ей такого удовольствия. Пустота тоже исчезла так же внезапно, как и появились. «Она и в самом деле хотела убить меня». Тяжело дыша, Ранд поднял голову. В дверях стояла Морейн.

– Я спросила, что здесь происходит, Лиандрин, – сказала она.

– Я нашла здесь этого мальчишку, – спокойным тоном ответила Красная Айз Седай. – Стража перебита, а он тут. Один из твоих. А что тут делаешь ты, Морейн? Сражение идет наверху, а не здесь.

– Я могла бы то же самое спросить у тебя, Лиандрин. – Морейн оглядела помещение, лишь едва заметно поджав губы при виде страшной картины. – Почему же ты здесь?

Ранд отвернулся от Айз Седай, неловкими движениями отодвинул засовы и потянул дверь на себя.

– Эгвейн спустилась сюда, – заявил он – кому это было интересно? – и шагнул через порог, высоко подняв лампу. Колени у него дрожали; он вообще не понимал, как ухитряется держаться на ногах, разве только из-за того, что ему нужно отыскать Эгвейн. – Эгвейн!

По правую руку раздались сдавленное горловое бульканье и удары, и Ранд протянул лампу туда. Узник в нарядной куртке повис на железной решетке своей камеры, один конец его пояса стягивал шею, другой был захлестнут вокруг перекладин. Когда Ранд посмотрел на арестанта, тот в последний раз взбрыкнул ногой, шаркнул по полу, разметав солому, и затих; язык вывалился изо рта, глаза выкатились из орбит, лицо стало почти черным. Колени едва не касались пола, – если б он захотел, то мог бы в любой момент встать на ноги.

Содрогнувшись, Ранд всмотрелся в соседнюю камеру. Забившись в самый дальний угол, съевшись, сидел тот здоровяк с выбитыми костяшками, обезумевшие глаза раскрыты дальше некуда. При виде Ранда он завопил, извернулся и принялся неистово скрести по каменной стене.

– Я не сделаю вам ничего плохого! – воскликнул Ранд.

Мужчина продолжал вопить и царапать камень. Руки его были в крови и оставляли полосы на темных, подозрительного вида пятнах. Это была уже не первая его попытка голыми руками зарыться в камень.

Ранд отвернулся, радуясь, что в желудке у него уже пусто. Но ни для одного из узников он не мог ничего сделать.

– Эгвейн!

Свет лампы наконец-то пробился к концу коридора. Дверь опустевшей камеры Фейна была распахнута, но у порога снаружи виднелись две фигуры, при виде которых Ранд бросился вперед и упал на колени между ними.

На полу, распростершись, обмякнув, лежали Эгвейн и Мэт, без сознания... или мертвые. С громадным облегчением Ранд увидел, как дыхание вздымает грудь Мэта. Эгвейн тоже дышала. Ни у кого, как казалось, не было ни одной раны.

– Эгвейн? Мэт? – Отложив меч в сторону, он нежно потряс за плечо Эгвейн. – Эгвейн? – (Девушка не открывала глаз.) – Морейн! С Эгвейн что-то случилось! И с Мэтом! – Дыхание Мэта было затруднено, на смертельно бледном лице – ни кровинки. Ранд едва сдерживался, чтобы не расплакаться. «Это должно было случиться со мной. Я называл Темного. Я!»

– Не трогай их, пусть так лежат. – В голосе Морейн не слышалось ни волнения, ни даже удивления.

Комнату вдруг затопило светом – это вошли две Айз Седай. У каждой над ладонью в воздухе плыл горящий холодным светом шар.

Лиандрин прошла прямо вперед по центру широкого коридора, приподняв свободной рукой свои юбки, чтобы они не волочились по соломе, но Морейн приостановилась, прежде чем последовать за ней, и посмотрела на двоих заключенных.

– Для одного уже ничего не сделать, – сказала она, – а другой может подождать.

Лиандрин оказалась возле Ранда первой и склонилась было к Эгвейн, но Морейн, метнувшись к девушке, опередила ее и положила свободную руку на голову Эгвейн. Лиандрин с кислой миной выпрямилась.

– Ей не очень сильно досталось, – спустя несколько мгновений сообщила Морейн. – Ее ударили сюда. – Она обвела пальцем область сбоку на голове Эгвейн; Ранд не видел ничего такого, что отличало бы это место от другого, – и там такие же волосы, и тут. – Это единственный ушиб, который она получила. С ней все будет в порядке.

Ранд переводил взгляд с одной Айз Седай на другую:

– А что с Мэтом?

Лиандрин дугой изогнула бровь и с гримасой на лице повернулась к Морейн.

– Тише, – сказала Морейн. Пальцы ее по-прежнему оставались там, куда, по ее словам, ударили Эгвейн. Айз Седай прикрыла глаза. Эгвейн что-то пробормотала и пошевелилась, потом затихла.

– Она?..

– Она спит, Ранд. С ней все будет хорошо, но ей нужно поспать.

Мореин повернулась к Мэту, но лишь прикоснулась к нему на миг, потом отодвинулась.

– Это куда серьезней, – тихо произнесла она. Пошарила на поясе у Мэта, расстегнув куртку, потом сердито хмыкнула. – Кинжал пропал.

– Что за кинжал? – спросила Лиандрин.

Вдруг из дальней комнаты донеслись голоса, восклицания, в которых звучали гнев и отвращение.

– Сюда! – позвала Мореин. – Принесите двое носилок. Быстрее...

Кто-то в той комнате громко распорядился о носилках.

– Фейн исчез, – сказал Ранд.

Обе Айз Седай посмотрели на него. На их лицах он не мог прочесть ровным счетом ничего, лишь глаза их блестели в холодном свете.

– Это я вижу, – сказала Мореин бесцветным голосом.

– Я говорил, чтобы она не ходила. Я говорил ей, что он опасен.

– Когда я пришла, – безучастным голосом сообщила Лиандрин, – он уничтожил надпись в караульной.

Ранд поерзал, стоя на коленях. Теперь взгляды Айз Седай показались очень похожими. Взвешивающие его и оценивающие, холодные и внушающие страх.

– Это... это была мерзость, – сказал Ранд. – Всего лишь грязные слова. – Они продолжали, не говоря ни слова, смотреть на него. – Вы же не думаете, что я... Мореин, вы же не думаете, что я имею отношение к... к тому, что там случилось?

«Свет, а если имею? Ведь я же назвал Темного».

Она не ответила, и Ранд ощутил холодок, который не пропал, когда в темницы ворвались солдаты с факелами и фонарями. Свои светящиеся шары Мореин и Лиандрин погасили, а фонари и факелы не давали столько же света. В углах камер запрыгали тени. К лежащим на полу фигурам подбежали люди с носилками. Их вел Ингтар. Пучок волос на его макушке дрожал от ярости, и, судя по его лицу, воин искал повода пустить в дело свой меч.

– Та-ак, к тому же бежал приспешник Темного, – прорычал он. – Ну это самое малое из того, что стряслось этой ночью.

– Самое малое даже здесь! – резко сказала Мореин. Она жестом распорядилась уложить Мэта и Эгвейн на носилки. – Девушку отнесите в ее комнату. К ней нужно будет приставить сиделку на случай, если она ночью проснется. Она может быть напуганной, но более всего ей теперь необходим сон. Мальчика... – Она прикоснулась к Мэту, когда двое мужчин подняли носилки с ним, и поспешно отдернула руку. – Отнесите его в покои Престола Амерлин. Отыщите Амерлин – где бы она ни находилась – и передайте ей, что он там. Скажите ей, что его имя – Мэтрим Коутон. Как только смогу, я явлюсь к ней.

– Амерлин! – воскликнула Лиандрин. – Ты хочешь, чтобы Амерлин стала Целительницей для твоего... твоего любимца? Ты обезумела, Мореин!

– Престол Амерлин, – спокойно сказала Мореин, – не разделяет ваших – Красных Айя – предубеждений. Она исцелит мужчину, не имея в намерениях использовать его для какой-то особой цели... Идите вперед, – сказала она солдатам с носилками.

Лиандрин проводила взглядом уходящих – Мореин и тех, кто нес Мэта и Эгвейн, потом пристально посмотрела на Ранда. Тот попытался игнорировать ее. Он сосредоточился на том, чтобы вложить меч в ножны, на том, чтобы тщательно счистить все соломинки, прилипшие к штанам и рубашке. Правда, когда юноша поднял голову, Лиандрин по-прежнему изучала его, лицо ее было холоднее льда. Ничего не сказав, она повернулась, обратив задумчивый взор на остальных. Один из солдат придерживал тело повесившегося, пока второй распутывал пояс. Ингтар и другие почтительно ждали. Бросив последний взгляд на Ранда, Лиандрин ушла, по-королевски вздернув голову.

– Жестокая женщина, – пробормотал Ингтар, затем, кажется, сам удивился тому, что сказал. – Что здесь случилось, Ранд ал’Тор?

Ранд покачал головой:

– Не знаю, кроме разве того, что Фейн каким-то образом бежал. И при этом пострадали Эгвейн и Мэт. Я видел караулку... – юноша передернулся, – но здесь... Что бы тут ни произошло, Ингтар, это настолько испугало того бедолагу, что он полез в петлю. По-моему, другой, увидев все, сошел с ума.

– Сегодня ночью мы все сойдем с ума.

– Исчезающий... ты убил его?

– Нет! – Ингтар со звоном вогнал меч в ножны; рукоять торчала под его правым плечом. Он выглядел одновременно разъяренным и пристыженным. – Сейчас он уже вне крепости, вместе с теми, кого мы не сумели добить.

– По крайней мере, Ингтар, ты жив. Этот Исчезающий убил сразу семерых!

– Жив? Разве это так важно? – Вдруг лицо Ингтара стало не яростным, а усталым и огорченным. – Он был в наших руках. В наших руках! И мы потеряли его, Ранд. Потеряли!

Он говорил так, словно не мог поверить своим словам.

– Что потеряли? – спросил Ранд.

– Рог! Рог Валир. Он пропал – ларец и все остальное.

– Но он же был в сокровищнице.

– Сокровищница ограблена, – устало сказал Ингтар. – Не считая Рога, многого они не взяли. Только то, чем сумели набить карманы. Если б они забрали все оставшееся и оставили его... Ронан мертв, и часовые, которых он выставил на охрану сокровищницы, тоже. – Голос Ингтара стал совсем тихим. – Когда я был еще мальчишкой, Ронан с двадцатью воинами удержал башню Джехаан против тысячи троллоков. Но так легко он не дался. На кинжале старика была кровь. Мужчине о большем спрашивать незачем. – Он помолчал. – Они вошли через Собачью калитку и через нее же ушли. Мы прикончили с пятьдесят или больше, но куда больше спаслось от наших клинков. Троллоки! Никогда прежде троллок не ступал в цитадель. Никогда!

– Как им удалось проникнуть через Собачью калитку, Ингтар? Там один может остановить сотню. А все ворота были заперты на засовы. – Ранд поежился, вспомнив, почему они были закрыты. – Стража не впустила бы никого.

– Им перерезали горло, – сказал Ингтар. – Оба хорошие солдаты, и все-таки их зарезали, как свиней. Все было сделано изнутри. Кто-то убил стражников, потом открыл ворота. Кто-то, кому удалось подобраться к ним близко, не вызвав подозрений. Кто-то, кого они знали.

Ранд оглянулся на пустую камеру Падана Фейна:

– Но ведь это значит...

– Да. В стенах Фал Дара есть друзья Темного. Или были. Если дело таково, то мы вскоре узнаем. Сейчас Каджин проверяет, не пропал ли кто. Мир! Предательство в крепости Фал Дара! – Нахмурившись, Ингтар оглядел подземелье, ждущих его приказа людей. У всех были мечи, надетые поверх праздничных одежд, у некоторых были шлемы. – Тут нам больше нечего делать. Выходите! Все! – Ранд присоединился к уходящим солдатам. Ингтар похлопал по куртке Ранда. – Что такое? Ты решил стать конюхом?

– Долго рассказывать, – ответил Ранд. – Да и не место тут. Может, как-нибудь в другой раз. – «А может, и никогда – если мне повезет. Может, сумею в этой суматохе улизнуть. Нет, я не могу. Не могу, пока не узнаю, что с Эгвейн все в порядке. И с Мэтом. Свет, что станет с ним теперь, когда кинжала нет?» – Наверное, лорд Агельмар на всех воротах удвоил стражу.

– Утроил, – сказал Ингтар удовлетворенным тоном. – Никто не пройдет через ворота ни сюда, ни отсюда. Как только лорд Агельмар узнал о происходящем, он приказал никого не выпускать из крепости без его личного разрешения.

«Как только он узнал?..»

– Ингтар, а до того? А раньше приказа никого не пропускать не было?

– Раньше? Что за приказ? Ранд, крепость была открыта, пока лорд Агельмар не услышал о происходящем. Кто-то сказал тебе неправду.

Ранд медленно покачал головой. Ни Раган, ни Тима не стали бы выдумывать ничего подобного. И даже если приказ исходил от Престола Амерлин, Ингтар должен был знать о нем. «Тогда кто? И как?» Он глянул искоса на Ингтара, раздумывая, не лжет ли шайнарец. «Ты и впрямь сходишь с ума, если подозреваешь Ингтара».

Теперь они находились в караулке подземной тюрьмы. Отрезанные головы и изрубленные тела стражников убрали, хотя о них напоминали красные потеки на столе и влажные пятна на соломе. Тут были две Айз Седай, с безмятежными лицами, в шaliaх с коричневой бахромой; женщины изучали намалеванные на стенах надписи, совершенно не заботясь о том, что их юбки волочатся по соломе. На поясе у каждой был несессер с чернильницей, и каждая пером делала заметки в небольшой книжечке. Они даже не оглянулись на мужчин, строем проходящих мимо.

– Взгляни сюда, Верин, – сказала одна из них, указывая на участок камня, покрытый строчками троллоковых писем. – Выглядит весьма любопытно.

Вторая поспешила к ней, юбкой пройдясь по красноватым пятнам.

– Да, вижу. Рука много лучше прочих. Не троллок. Очень интересно. – Она принялась писать в своей книжке, поглядывая иногда вверх, чтобы прочесть угловатые буквы на стене.

Ранд заторопился наружу. Даже если б они не были Айз Седай, то и тогда ему совсем не хотелось бы оставаться в одной комнате с кем-то, кто считает «интересным» читать троллоковые письма, выведенные человеческой кровью.

Впереди шагали Ингтар и его солдаты, намеренные вернуться к исполнению своих обязанностей. Ранд бесцельно брел следом, гадая, куда же ему теперь идти. Без помощи Эгвейн вернуться на женскую половину вряд ли возможно. «Свет, только бы с ней все было хорошо! Мореин же сказала, что с ней все будет в порядке!»

Прежде чем Ранд дошел до первой лестницы, ведущей наверх, его отыскал Лан:

– Ты можешь вернуться в свою комнату, пастух, если хочешь. Мореин распорядилась, чтобы твои вещи перенесли из комнаты Эгвейн в твою.

– Как она узнала?..

– Мореин знает великое множество всего обо всем, овечий пастух. Тебе бы следовало уже это понимать. Лучше бы обращал внимание на свое поведение. Все женщины только и толкуют о том, как ты, размахивая мечом, несишься по коридорам. Приведя в замешательство своим взглядом Амерлин – так они говорят.

– Свет! Мне жаль, что они сердятся, Лан, но меня *пригласили* туда. И когда я услышал тревогу... чтоб я сгорел, Эгвейн же была внизу!

Лан задумчиво подвигал губами; на его лице больше не дрогнул ни единый мускул.

– О, говоря точнее, они не сердятся. Хотя большинство считает, что тебе нужна строгая рука, чтобы немного тебя приструнить. Более вероятно – ты всех зачаровал и заинтриговал. Даже леди Амалиса беспрестанно задает о тебе вопросы. Кое-кто уже начинает верить в сказки служанок. Они думают, что ты, пастух, – переодетый принц. Совсем не так плохо. Здесь, в Пограничных землях, есть старая поговорка: «Лучше иметь на своей стороне одну женщину, чем десяток мужчин». Судя по тем разговорам, что женщины ведут между собой, они решают, чья дочь настолько энергична и сильна, чтобы совладать с тобой. Если не будешь смотреть себе под ноги, пастух, то раньше, чем успеешь понять, что случилось, окажешься женатым и станешь членом шайнарского рода. – Лан вдруг расхохотался; это было столь же необычно, словно бы смеялась скала. – Беготня по коридорам женской половины посреди ночи в одежде работника, размахивание мечом... Если они тебя не выпорют, то, по крайней мере, годами станут рассказывать о тебе. Они же никогда не видывали столь необычного представителя рода мужского, как ты. Какую жену они тебе ни подберут, она наверняка за десять лет сделает тебя

главой твоего собственного Дома, причем обставив все так, что ты будешь полагать, будто это всецело твоя заслуга. Очень плохо, что тебе нужно уходить.

Ранд, разинув рот, глядел на Стража, но потом пробурчал:

– Я пытался. Ворота охранялись, и никого не выпускали. Я пытался, еще днем. Я даже Рыжего не мог вывести из конюшни.

– Теперь все не важно. Морейн послала меня передать тебе кое-что. Если хочешь, можешь уходить в любое время. Хоть сейчас. Морейн сделала так, что приказание Агельмара тебя не касается.

– Почему сейчас, а не раньше? Почему меня не отпускали раньше? И не она ли тогда закрыла передо мной ворота? Ингтар сказал, что до ночи не было никакого приказа о том, чтобы не выпускать людей из крепости. Он о таком приказе не знает.

Ранду показалось, что по лицу Стража пробежала тень беспокойства, но Лан лишь сказал:

– Когда кто-то дарит тебе лошадь, пастух, не стоит сетовать, что она не так резва, как тебе бы хотелось.

– Что с Эгвейн? И с Мэтом? С ними и в самом деле все хорошо? Я не уйду, пока не узнаю, что с ними все в порядке.

– С девушкой все обойдется. Утром она проснется и, возможно, даже не вспомнит о происшедшем. После удара по голове такое бывает.

– А Мэт?

– Выбор – за тобой, овечий пастух. Можешь уйти сейчас, или завтра, или на следующей неделе. Решать тебе.

Лан зашагал прочь, оставив Ранда стоять в коридоре подземелья крепости Фал Дара.

Глава 7

Кровь зовет кровь

Когда носилки с Мэтом вынесли из покоев Престола Амерлин, Морейн тщательно завернула ангриал – маленькую, вырезанную из кости, потемневшую от времени фигурку женщины в широких, складками, одеяниях – в шелковый квадрат и уложила в свою поясную сумку. И при самых благоприятных обстоятельствах, даже с помощью ангриала, совместная работа с другой Айз Седай – соединять вместе свои дарования, направляя поток Единой Силы на одну задачу, – была утомительной, а ночь напролет без сна никак нельзя назвать наилучшими условиями. А то, что потребовалось сделать для юноши, отняло немало сил.

Лиане проводила носильщиков резкими жестами и несколькими отрывистыми словами. Двое мужчин продолжали вжимать голову в плечи, взволнованные тем, что вокруг так много сразу Айз Седай, а одна из них – сама Амерлин, пусть даже эти Айз Седай и не используют Единую Силу. Они ожидали в коридоре, сидя на корточках у стены, пока работа не была закончена, и им не терпелось побыстрее покинуть женскую половину. Мэт лежал с закрытыми глазами и бледным лицом, но грудь его поднималась и опускалась в ровном ритме глубокого сна.

«Как это скажется на всем? – размышляла Морейн. – Случившееся с ним не связано логически с пропавшим Рогом, и тем не менее...»

Дверь за Лиане и носилками закрылась, и Амерлин прерывисто вздохнула:

– Гнусное дело. Гнусное. – Лицо ее оставалось спокойным, но она потеряла руки, словно ей хотелось их вымыть.

– Но довольно интересное, – заметила Верин. Она была четвертой Айз Седай, которую выбрала для этой задачи Амерлин. – Очень жаль, что у нас нет кинжала, тогда Исцеление можно было бы завершить. Долго он не проживет, и то лишь благодаря сделанному нами этой ночью. В лучшем случае, вероятно, несколько месяцев.

Три Айз Седай были одни в покоях Амерлин. Небо в бойницах окрасилось рассветным жемчугом.

– Но теперь у него есть эти месяцы, – резко сказала Морейн. – И если удастся вернуть кинжал, то эту связь еще можно разорвать. – «Если его удастся вернуть. Да, именно так».

– Ее можно еще разорвать, – согласилась Верин – толстушка с квадратным лицом. Несмотря на дар Айз Седай, дар нестарения, ее каштановых волос уже коснулась седина. Седина была единственным указанием на возраст Верин, но для Айз Седай это значило, что она в самом деле очень стара. Тем не менее голос ее звучал твердо и щеки были гладкими. – Однако он был связан с кинжалом слишком долго, что необходимо учитывать в таком вот деле. И будет связан еще долго, независимо от того, найдется кинжал или нет. Он уже может измениться так, что полностью его исцелить будет невозможно, пусть даже других теперь он не

заразит. Столь незначительная вещица этот кинжал, – размышляла вслух она, – но любого, кто будет нести его достаточный срок, он подвергнет воздействию порчи. Тот, кто несет кинжал, в свою очередь, станет заражать тех, кто рядом с ним, а те – других, и ненависть и подозрительность, что уничтожили Шадар Логот и обратили в нем всех мужчин и женщин против всех и каждого, вновь вырвутся в мир. Интересно, сколь многих он может заразить, скажем, за год? Приблизительно это вполне можно высчитать.

Морейн покосилась на Коричневую сестру. «Еще одна угроза встала перед нами, а она говорит так, будто это головоломка в книге. О Свет, Коричневые и в самом деле *не понимают* ничего о мире!»

– Тогда мы должны отыскать кинжал, сестра. Агельмар посылает воинов на поиски тех, кто выкрал Рог и убил верных ему людей, его клятвенников. На поиски тех же самых, кто забрал и кинжал. Если найдется одно, найдется и другое.

Верин кивнула, но в то же мгновение нахмурилась:

– Но даже если он найдется, кто вернет его без опасности для себя? Любой прикоснувшийся к нему рискует заразиться, если кинжал останется в руках достаточно долго. Возможно, в ларце, хорошенько завернутым и с мягкой прокладкой, но он все равно опасен для находящихся рядом продолжительное время. Не имея для изучения самого кинжала, мы не можем быть уверены в том, в какой степени от него требуется защищаться. Но ты, Морейн, видела его, и, более того, ты имела с кинжалом дело, сумев добиться того, чтобы этот юноша выжил, имея его при себе. Оградила других от заражения порчей. У тебя должно быть представление, и хорошее, о том, насколько сильно воздействие кинжала.

– Есть тот, – сказала Морейн, – кто может вернуть кинжал, не подвергаясь опасности пострадать от него. Тот, кого мы защитили и оберегли от этой порчи, насколько вообще возможно. Это Мэт Коутон.

Амерлин кивнула:

– Да, разумеется. Он может вернуть кинжал. Если проживет так долго. Одному Свету ведомо, как далеко унесут кинжал, прежде чем люди Агельмара найдут похитителей. Если найдут. И если мальчик умрет раньше... что ж, если кинжал так долго пробудет на воле, то с нас хватит и другой тревоги. – Она устало потерла глаза. – Думаю, нам надо также найти этого Падана Фейна. Почему этот приспешник Темного настолько важен для них, что они рискнули вызволить его? Для них куда проще было просто выкрасть Рог. Проникнуть в такую крепость опаснее, чем попасть в зимнюю бурю в Море штормов, но они пошли на такой риск, чтобы освободить этого друга Темного. Если Таящиеся полагают, что он настолько важная фигура... – она сделала паузу, и Морейн поняла, что та задумалась о том, мурддраал ли на самом деле отдавал приказы, – тогда так же должны считать и мы.

– Его нужно найти, – согласилась Морейн, надеясь, что ничем не выдала себя, так настаивая на своем, – но, скорей всего, его найдут там же, где будет и Рог.

– Как скажешь, дочь моя. – Амерлин прикрыла зевот ладонью. – А теперь, Верин, если ты извинишь меня, то я лишь скажу несколько слов Морейн и потом немного вздремну. Думаю, Агельмар станет настаивать, чтобы вечером сегодня состоялся пир, раз прошлый вечер оказался испорчен. Твоя помощь, дочь моя, была неоценима. Пожалуйста, помни: никому не говори о том, как и от чего пострадал мальчик. Среди твоих сестер найдутся такие, кто увидит в нем Тень, а не то, что просто случается с людьми.

Не было нужды упоминать о Красных Айя. И вероятно, подумала Морейн, остерегаться теперь следовало не одних только Красных.

– Конечно же, мать, я ничего не скажу. – Верин поклонилась, но ни шага не сделала к двери. – Думаю, мать, вы захотите взглянуть на это. – Она достала из-за пояса маленькую записную книжку, переплетенную в мягкую коричневую кожу. – Вот что было написано на стенах подземной темницы. С переводом кое-где пришлось потрудиться. По большей части все

как обычно – кошунство и бахвальство; троллокам, кажется, больше ничего не ведомо, – но была одна часть, сделанная рукой поувереннее. Образованный приспешник Тьмы или, вероятно, мурддраал. Она может оказаться всего-навсего издевкой, но имеет форму то ли стихов, то ли песни и несет в себе отзвук пророчества. О пророчествах из Тени, мать, нам известно мало.

Амерлин помедлила немного, потом кивнула. Пророчества из Тени, темные предсказания, как и пророчества от Света, очень часто, к несчастью, исполнялись.

– Прочти мне.

Верин зашуршала страничками, затем, кашлянув, начала негромким ровным голосом:

Дочь Ночи, вновь она ступает по земле.
Древняя война, но еще сражается она.
Любовника нового ищет она, кто будет служить ей и умрет,
но будет все равно служить.

Кто встанет против нее?
Сияющие Стены падут на колени.
Кровь питает кровь.
Кровь зовет кровь.
Кровь есть, кровь была, кровь пребудет всегда.

Мужчина, что направляет Силу, стоит одинок.
Друзей он своих отдает на заклятие.
Две дороги пред ним: одна к гибели вослед за смертью,
одна – к жизни вечной.

Какую он изберет? Какую он изберет?
Чья рука защищает? Чья рука убивает?
Кровь питает кровь.
Кровь зовет кровь.
Кровь есть, кровь была, кровь пребудет всегда.

Люк пришел к Горам Рока.
Изам ждал на перевалах.
Охота теперь начата. Гончие Тени по следу бегут, бегут
и убивают.

Тот жил, а тот умер, но оба существуют.
Настало Время перемен.
Кровь питает кровь.
Кровь зовет кровь.
Кровь есть, кровь была, кровь пребудет всегда.

Наблюдающие ждут на мысе Томан.
Семя Молота сушит древнее дерево.
Смерть посеет всходы, и лето опалит, до того как явится
Великий повелитель.
Смерть пожнет урожай, и не хватит тел, до того как явится
Великий повелитель.
Вновь семена породят древнее зло, до того как явится
Великий повелитель.
Явится ныне Великий повелитель.

Явится ныне Великий повелитель.
Кровь питает кровь.
Кровь зовет кровь.
Кровь есть, кровь была, кровь пребудет всегда.
Явится ныне Великий повелитель.

Верин закончила, и повисло долгое молчание. Наконец Амерлин промолвила:

– Кто еще видел это, дочь моя? Кто знает об этом?

– Только Серафелле, мать. Как только мы скопировали эту надпись, я распорядилась, чтобы мужчины очистили стены. Вопросов они не задавали: им хотелось поскорее избавиться от этого.

Амерлин кивнула:

– Хорошо. Слишком многие в Пограничных землях разбираются в троллоковых письменах. Незачем давать лишний повод для тревог. Забот у них и без того хватает.

– Что ты поняла из этого? – спросила у Верин Морейн, тщательно подбирая слова. – Это пророчество, как по-твоему?

Верин задумчиво склонила голову набок, поглядывая в записи:

– Возможно. По стилю надпись напоминает кое-какие из нескольких известных нам темных пророчеств. Отдельные куски вполне понятны. Хотя в целом это может быть всего-навсего злобной издевкой. – Она уперла палец в одну строчку. – «Дочь Ночи, вновь она ступает по земле». Это может значить лишь то, что Ланфир вновь на свободе. Или то, что кто-то хочет, чтобы мы считали, будто так случилось.

– Будь это правдой, – сказала Престол Амерлин, – об этом стоило бы тревожиться, дочь моя. Но Отрекшиеся по-прежнему скованы. – Она глянула на Морейн, казня себя за то, что позволила тревоге на миг отразиться на лице. – Даже если печати и в самом деле слабеют, Отрекшиеся по-прежнему скованы.

Ланфир. На древнем языке – Дочь Ночи. Настоящее ее имя нигде не было записано, но именно это имя она избрала для себя сама – в отличие от большей части Отрекшихся, которым давали имена те, кого они предали. Поговаривали, что после Ишамаэля, Предавшего Надежду, она – самая могущественная из Отрекшихся, но умело скрывала свою силу. Слишком мало осталось от тех времен, чтобы хоть кто-то из книжечеев мог заявить об этом с уверенностью.

– Раз появляются в таком количестве Лжедраконы, неудивительно, что кто-то пытается приплести сюда и Ланфир. – Голос Морейн был столь же невозмутим, как и лицо, но в душе у нее все так и кипело. Только одно было известно о Ланфир, не считая имени: до того как она переметнулась на сторону Тени, до того как Льюс Тэрин Теламон встретил Илиену, Ланфир была его возлюбленной. «Осложнение, которого нам совсем не надо».

Амерлин нахмурилась, будто у нее возникла та же мысль, но Верин кивнула, словно подтверждая сказанное:

– Другие имена, мать, тоже понятны. Лорд Люк, разумеется, брат Тигрейн, некогда дочери-наследницы Андора, и он пропал в Запустении. Однако кто такой Изам и как он связан с Люком, мне неизвестно.

– В свое время мы выясним то, что нам нужно узнать, – мягко заметила Морейн. – Пока нет доказательств того, что это пророчество.

Ей было знакомо это имя. Изам был сыном Брийан, жены Лайна Мандрагорана, чья попытка захватить трон Малкир для своего мужа повлекла сокрушительный набег троллоковых орд. Когда троллоки наводнили Малкир, Брийан и ее сын-младенец оба исчезли. И Изам приходился Лану кровным родственником. «Или же *приходится* кровным родственником? Мне нужно скрыть это от Лана, пока я не узнаю, как он отреагирует на такую новость. Пока мы не окажемся вдали от Запустения. Если он решит, что Изам жив...»

– «Наблюдающие ждут на мысе Томан», – продолжала Верин. – Еще есть немногие, кто до сих пор цепляется за старое поверье, будто армии Артура Ястребиное Крыло, посланные за Аритский океан, однажды вернутся, хотя прошло уже столько времени... – Она пренебрежительно хмыкнула. – До Миер А'врон, Наблюдающие-за-волнами, по-прежнему эта... община, по-моему, лучшее слово... на мысе Томан, в Фалме. А одно из старых имен Артура Ястребиное Крыло – Молот Света.

– Дочь моя, ты клонишь к тому, – сказала Престол Амерлин, – что армии Артура Ястребиное Крыло или, вернее, их потомки могут и в самом деле вернуться, через тысячу-то лет?

– Ходят слухи о войне на равнине Алмот и на мысе Томан, – медленно произнесла Морейн. – А вместе с армиями Ястребиное Крыло послал двух своих сыновей. Если они выжили в тех краях, какую бы землю ни открыли, у Ястребиного Крыла могло оказаться много потомков. Или же ни одного.

Амерлин кинула на Морейн предостерегающий взгляд, явно желая, чтобы они с ней были в комнате одни – чтобы можно было спросить, что у Морейн на уме. Морейн успокаивающе махнула рукой, на что ее старая подруга ответила гримасой.

Верин, уткнувшись носом в свои записи, ничего из этого не замечала.

– Я не знаю, мать. Но сомневаюсь в такой возможности. Нам совсем ничего не известно о тех землях, которые наметил завоевать Артур Ястребиное Крыло. Очень плохо, что Морской народ отказывается пересекать Аритский океан. Они утверждают, будто на той стороне лежат Острова мертвых. Знать бы, что они под этим имеют в виду, но этот проклятый Морской народ – сплошные молчаливники... – Она вздохнула, по-прежнему не поднимая головы. – Все, что у нас есть, – единственный намек на «земли под Тенью, за заходящим солнцем, за океаном Арит, где властвуют армии Ночи». Ничего, чтобы сказать нам, хватило ли посланных Ястребиным Крылом войск, чтобы разбить эти «армии Ночи», или хотя бы – что с этими войсками случилось после смерти Ястребиного Крыла. Едва началась Война ста лет, всех занимало лишь одно: урвать для себя побольше от империи Ястребиного Крыла; куда там мыслям о его армиях за морем! Мне кажется, мать, если их потомки еще живы и если они намерены были вернуться, то с какой стати им нужно было ждать так долго?

– Значит, по-твоему, дочь моя, это не пророчество?

– Теперь «древнее дерево», – сказала Верин, погруженная в собственные мысли. – Всегда были слухи – и не больше, – что, пока живет государство Алмот, у них есть веточка *Авендесоры*, возможно даже и живой росток. И знамя Алмот было – «голубизна для неба наверху, черное для земли внизу и раскинувшееся Древо жизни, что соединяет их». Разумеется, тарабонцы называют себя Древом человека и претендуют на происхождение от правителей и знати Эпохи легенд. И домани заявляют, будто они – наследники тех, кто в Эпоху легенд создал Древо жизни. Есть и другие варианты, но следует отметить, мать, что по крайней мере три из них напрямую указывают на равнину Алмот и мыс Томан.

Тон Амерлин стал вкрадчивым и обманчиво мягким:

– Каково же твое решение, дочь моя? Если семья Артура Ястребиное Крыло *не* возвращается, тогда это не пророчество и тогда болтовня о древнем дереве тухлой рыбьей головы не стоит.

– Я лишь говорю вам, мать, что знаю, – сказала Верин, подняв глаза от своих записей, – и предоставляю решение на ваше усмотрение. Мое мнение: последние заморские армии Артура Ястребиное Крыло давным-давно сгинули, но оттого, что я так считаю, они таковыми не станут. Время перемен, конечно же, отсылка на конец эпохи, а Великий повелитель...

Амерлин – словно удар грома – хлопнула ладонью по столу:

– Я очень хорошо знаю, кто такой Великий повелитель, дочь моя! Думаю, сейчас тебе лучше уйти. – Она сделала глубокий вдох и с видимым усилием взяла себя в руки. – Ступай,

Верин. Я не хочу сердиться на тебя. Я не хочу забывать, кто, когда я была послушницей, уговаривал поваров оставлять на ночь сладкие оладьи.

– Мать, в этом нет ничего, – сказала Морейн, – что заставляло бы считать все это пророчеством. Любой, обладающий обрывками знаний и проблесками ума, способен сострять такое, а никто и никогда не отказывал мурддраалам в изворотливом уме.

– И конечно же, – спокойно сказала Верин, – мужчина, который направляет Силу, должен быть одним из тех трех юношей, которые путешествуют с тобой, Морейн.

Морейн, потрясенная, уставилась на Верин. «Не имеет представления о мире вокруг? Я круглая дура». Еще не успев понять, что делает, она потянулась к свечению, чье пульсирующее ожидание чувствовала всегда, – к Истинному Источнику. По венам хлынула Единая Сила, заряжая ее энергией, приглушая блеск Силы вокруг Престола Амерлин, которая сделала то же самое. Морейн раньше никогда и в голову не приходило использовать Силу против другой Айз Седай. «Мы живем в опасные времена, и мир висит на волоске, и то, что должно быть сделано, нужно сделать. Нужно. О-о, Верин, зачем тебе понадобилось сунуть нос куда не следовало!»

Верин захлопнула книжку, заткнула ее за пояс, затем поглядела поочередно на обеих женщин. Она не могла не заметить ореола вокруг каждой из них – сияния, которое вспыхивает от прикосновения к Истинному Источнику. Только обученная направлять Силу могла сама видеть свечение, но для Айз Седай проглядеть такое в другой женщине – вещь невероятная.

На лице Верин появился намек на удовлетворение, но по ней нельзя было сказать, понимает ли она, что в нее вот-вот устремятся стрелы молний. Она выглядела так, словно только что нашла недостающую часть головоломки.

– Да, я считаю, что дело должно обстоять именно так. Морейн не стала бы поступать так в одиночку, а кто лучше поможет, как не подруга детства, та, которой не впервой прокрадываться с ней на кухню, чтобы стянуть сладких оладий. – Она прищурилась. – Простите меня, мать. Мне не следовало этого говорить.

– Верин, Верин... – озадаченно покачала головой Амерлин. – Ты обвиняешь свою сестру – и меня? – в... Я этого даже произносить не хочу. И ты еще беспокоишься, что чересчур фамильярно разговариваешь с Престолом Амерлин?! Ты пробила дыру в лодке и волнуешься, что промокнешь под дождем. Лучше поразмысли над тем, дочь моя, что ты допускаешь.

«Для этого уже слишком поздно, Суан, – подумала Морейн. – Если бы мы не ударились в панику и не потянулись к Источнику, тогда, возможно... Но теперь-то она уверена».

– Почему ты говоришь нам об этом, Верин? – произнесла Морейн вслух. – Если ты уверена в том, что говоришь, то обязана была бы рассказать другим сестрам, и уж точно – Красным.

Верин удивленно округлила глаза:

– Да. Да, наверное, обязана. Об этом я не подумала. Но тогда, если я поступлю так, вас бы усмирили – тебя, Морейн, и вас, мать, а мужчину бы укротили. Никто еще не записал, что происходит с мужчиной, который владеет Силой. Когда приходит безумие, точный срок, и как оно овладевает им? Как быстро оно усиливается? В силах ли он управлять своим телом, когда оно заживо гниет? Как долго? Если он не укрошен, тогда то, что случится с юношей, кем бы он ни был, все равно случится, все равно – буду я рядом или нет, дам ли я ответы на эти вопросы или нет. Если за ним следить и им руководить, то мы смогли бы вести какие-то записи в разумных и безопасных пределах, по крайней мере какое-то время. И к тому же есть Кариатонский цикл. – Она спокойно встретила пораженные взгляды собеседниц. – Мать, я верно допускаю, что он и есть Дракон Возрожденный? Не могу поверить, чтобы вы совершили такое – отпустить на волю мужчину, который способен направлять Силу, – если б он не был Драконом.

«Она думает исключительно о приумножении знаний, – изумилась Морейн. – Кульминация этого ужасающего, худшего из всех известных миру пророчеств – возможный конец мира, а ее интересуют лишь знания. Но потому-то она все равно опасна».

– Кому еще известно об этом? – Голос Амерлин был слабым, но по-прежнему резким. – Думаю, Серафелле. Кому еще, Верин?

– Никому, мать. На самом деле Серафелле не интересуется ничем, кроме того, что кто-то некогда уже занес в книги, предпочтительнее как можно более древние. Она считает, что есть много старых книг и манускриптов, разрозненных фрагментов, потерянных или забытых, по крайней мере раз в десять больше того, что собрано в Тар Валоне. Она убеждена, что в них предостаточно древних знаний, нужно лишь отыскать...

– Довольно, сестра, – сказала Морейн. Она ослабила ток энергии из Истинного Источника, спустя мгновение поняв, что так же поступила и Амерлин. Это было сродни ощущению потери – чувствовать, как Сила вытекает из тебя, словно кровь и жизнь уходят из открытой раны. Какая-то часть Морейн хотела удержать ее, но в отличие от некоторых сестер она вырабатывала свою внутреннюю дисциплину, стараясь подавить в себе это чувство, не дать ему завладеть собой. – Садись, Верин, и расскажи нам, что тебе известно и как ты все выяснила. Постарайся не упустить ничего.

Пока Верин усаживалась – взглядом испросив у Амерлин позволения сидеть в ее присутствии, – Морейн с печалью смотрела на нее.

– Маловероятно, – начала Верин, – чтобы тот, кто не изучает досконально старые архивы, заметил бы что-нибудь – кроме того, что вы не совсем обычно себя ведете. Извините меня, мать. Это случилось почти двадцать лет назад, когда Тар Валон был осажден, тогда я и ухватила первую ниточку, и она была единственной...

«Помоги мне Свет, Верин, как я любила тебя за сладкие оладьи и за то, что можно было поплакаться у тебя на груди. Но я сделаю, что должна сделать. Сделаю. Я должна».

Выглянув за угол, Перрин провожал взглядом спину удаляющейся Айз Седай. От нее пахло лавандовым мылом, хотя большинство не учуяло бы этого запаха и с двух шагов. Как только она скрылась за углом, он заторопился к двери лазарета. Один раз Перрин уже пытался повидаться с Мэтом, и эта Айз Седай, Лиане – он слышал, как кто-то ее окликнул по имени, – выгнала его, не дав и слова вымолвить, не оглядываясь и не разбираясь, кто он такой. Возле Айз Седай Перрин чувствовал себя неуютно, особенно если те начинали заглядывать ему в глаза.

Задержавшись у двери, чтобы прислушаться – ни с того, ни с другого конца коридора шагов не слышалось, как ничего не доносилось и из-за двери, – Перрин вошел и тихонько прикрыл за собой дверь.

В лазарете – длинной комнате с белыми стенами – было очень много света; его пропускали пробитые в обоих концах комнаты выходы на галереи для лучников. На одной из многих выстроившихся вдоль стен узких коек лежал Мэт. После минувшей ночи Перрин предполагал увидеть, что большая часть коек будет занята, но в этот же миг сообразил, что в крепости полно Айз Седай. Единственно, от чего не могли вылечить Исцелением Айз Седай, так это от смерти. Но все равно для Перрина эта комната пахла болезнью.

Подумав об этом, Перрин поморщился. Мэт лежал неподвижно, глаза закрыты, руки поверх одеяла. Он выглядел изнуренным. Не больным, а так, будто работал в поле три дня кряду и только сейчас выкроил часок и прилег отдохнуть. Хотя пах он... неправильно. Перрин не мог подобрать точного слова. Просто неправильно.

Перрин с осторожностью сел на койку рядом с постелью Мэта. Он всегда старался все делать осторожно. Перрин был крупнее большинства людей и, сколько себя помнил, был больше других ребят. Ему приходилось быть осторожным, чтобы нечаянно кого-нибудь не ушибить или что-то не разбить или не сломать. Теперь эта привычка стала его второй нату-

рой. Еще он любил тщательно все обдумывать, а иногда и обсудить кое-что с кем-нибудь. «Раз Ранду вздумалось возомнить себя лордом, с ним мне не поговорить, а Мэту, нет сомнений, вряд ли есть много что рассказать».

Прошлым вечером Перрин отправился в один из садов, чтобы подумать обо всем. При воспоминании об этом ему до сих пор немного становилось стыдно. Если бы он не ушел, то оказался бы в своей комнате и отправился бы с Эгвейн и Мэтом и, глядишь, сумел бы уберечь их от случившегося. Но более вероятно, и Перрин это понимал, он мог бы лежать на одной из этих коек, как Мэт, или вообще мертвым, но от понимания этого легче на душе не становилось. Так или иначе, он отправился в сад, и ничего нельзя было с этим поделать, как ни мучили теперь Перрина мысли о нападении троллоков.

Сидящим там во тьме его и нашли служанки и одна дама из свиты леди Амалисы, леди Тимора. Едва приметив юношу, Тимора отослала одну из служанок, и Перрин расслышал, как она распорядилась: «Найди Лиандрин Седай! Быстро!»

Они стояли так недалеко, наблюдая за ним, словно думали, что он, будто менестрель, может исчезнуть в клубах дыма. Тогда и раздался впервые звон колокола, и вслед за тревогой все в крепости пришло в движение, все забегали, засуетились.

– Лиандрин, – тихо произнес сейчас Перрин. – Красная Айя. Чуть ли не единственное, что они делают, – вылавливают мужчин, которые направляют Силу. Ты же не думаешь, будто она считает, что я один из них? – Мэт, разумеется, не отвечал. Перрин уныло потер нос. – Теперь я сам с собой стал разговаривать. Вдобавок ко всему остальному еще и это – даром не надо.

Веки Мэта дрогнули.

– Кто?.. Перрин? Что случилось? – Глаза Мэта чуть приоткрылись, не полностью, а голос звучал так, словно Мэт разговаривал во сне.

– А ты не помнишь, Мэт?

– Помню? – Мэт, как во сне, поднес руку к лицу, затем со вздохом уронил ее. Глаза стали медленно закрываться. – Помню Эгвейн. Попросила меня... пойти вниз... повидать Фейна. – Он рассмеялся, и смех превратился в зевок. – Она не просила. Сказала мне... Что потом было, не знаю...

Он причмокнул губами, и дыхание его стало глубоким, ровным дыханием сна.

Перрин, едва его слух уловил шорох приближающихся шагов, вскочил на ноги, но прятаться было некуда. Когда открылась дверь и вошла Лиане, он так и стоял у постели Мэта. Она остановилась, уперла кулаки в бедра и внимательно осмотрела Перрина с головы до пят. Ростом она была почти что с него.

– Вот ты, – сказала Лиане негромко, но с живостью, – такой симпатичный мальчик, что мне почти захотелось быть Зеленой. Почти. Но если ты потревожил моего больного... что ж, мне приходилось иметь дело с братьями с тебя ростом еще до того, как я попала в Башню, поэтому нечего рассчитывать, что эти плечи тебе чем-то помогут.

Перрин прочистил горло. В половине случаев он не понимал того, что хотят сказать женщины в разговоре с ним. «Не то что Ранд. Он-то всегда знает, что сказать девушкам». Перрин понял, что грозно хмурится, и согнал насупленное выражение с лица. О Ранде думать ему не хотелось, но и вовсе не хотелось сердить Айз Седай, особенно ту, которая нетерпеливо принялась постукивать ногой.

– Мм, э-э... Я его не разбудил. Он спит. Видите?

– Да, спит. Что для тебя хорошо. Итак, что ты тут делаешь? Помнится, я уже однажды выгоняла тебя отсюда; с чего ты взял, что я не сделаю этого снова?

– Я просто хотел узнать, как он.

Айз Седай помедлила с ответом.

– Он спит, вот и все. Через несколько часов он встанет, и ты даже подумаешь, что с ним ничего плохого не случилось.

От этого промедления у Перрина зашевелились волосы на затылке. В чем-то она лжет. Айз Седай никогда не лгут, но и правду говорят не всегда. Перрин не совсем понимал, что тут творится – Лиандрин ищет его, Лиане ему лжет, – но решил, что пора бы обратиться подальше от Айз Седай. Все равно Мэту он ничем не мог помочь.

– Спасибо, – сказал Перрин. – Тогда, пожалуй, пусть он спит. Извините.

Он попытался быстро проскочить мимо Айз Седай к двери, но ее руки вдруг взлетели к его лицу, сжали виски, пригнули голову, и Лиане впиалась взглядом в глаза Перрину. Что-то будто пронзило его, тепло волной прокатилось от макушки до пят, потом обратно. Перрин рванулся и освободил голову из цепких пальцев Айз Седай.

– Ты здоров, как молодой звереныш, – сказала она, морща губы. – Но если ты родился с этими глазами, тогда я – белоплащик.

– Других глаз у меня сроду не было, – огрызнулся он, чувствуя себя странно от замешательства, что в таком тоне разговаривает с Айз Седай, но удивился не меньше Лиане, когда, мягко взяв сильными руками, приподнял ее и поставил в сторону, освободив себе дорогу к двери. Когда они устались обалдело друг на друга, Перрину оставалось лишь гадать: такие же большие у него глаза, какими они стали у Лиане?

– Извините, – повторил он и чуть ли не бегом сорвался с места.

«Мои глаза! Мои проклятые Светом глаза!» В луче утреннего солнца глаза Перрина сверкнули полированным золотом.

Ранд ворочался на кровати, пытаясь поудобнее устроиться на тонком матрасе. Солнечный свет врывается в бойницы, расчертив голые каменные стены. Остаток ночи Ранд не спал и, как ни устал, был уверен, что и сейчас уснуть не сможет. Кожаная куртка валялась на полу между кроватью и стеной, но больше ничего он не снял, даже новые сапоги. Меч был прислонен к кровати, а на свернутых плащах в углу лежали лук и колчан.

Ранд никак не мог отделаться от ощущения, что надо было воспользоваться шансом, который ему предоставила Морейн, и не мешкая уходить. Эта мысль мучила его всю ночь. Трижды он вставал, собираясь было уходить. Два раза он даже открывал дверь. В коридорах было пусто, не считая нескольких припозднившихся с работой слуг; путь был свободен. Но ему нужно узнать...

Вошел Перрин – зевающий, с опущенной головой, и Ранд сел на постели:

– Как Эгвейн? И Мэт?

– Она спит, так мне сказали. Я ее не видел: на женскую половину меня не пропустили. Мэт... – Вдруг Перрин уткнулся хмурым взглядом в пол. – Если тебе это так интересно, чего же ты сам не сходил его проведать? Мне казалось, что мы тебя больше не интересуем. Ты же так сказал.

Он открыл дверцу платяного шкафа и принялся копаться там в поисках свежей рубашки.

– Я ходил в лазарет, Перрин. Там была Айз Седай, та, высокая, которая всегда рядом с Престолом Амерлин. Она сказала, что Мэт спит, а я мешаюсь тут и могу прийти как-нибудь в другое время. Чем-то она напоминала мастера Тэйна, как он распоряжается всеми на мельнице. Ты же знаешь, каков мастер Тэйн, – всякие колкости, «сделай то», «сделай это», «да сделай хоть раз».

Перрин не отвечал. Он только что сбросил куртку и стягивал через голову рубашку.

Ранд порассматривал спину друга, затем раскатисто рассмеялся:

– Хочешь, кое-что скажу? Знаешь, что она мне сказала? Ну, та Айз Седай, в лазарете. Ты же видел, какая она высокая. Как большинство мужчин. Будь она на ладонь выше, она смотрела бы мне прямо в глаза. Так вот, она смерила меня взглядом, затем пробормотала: «Высок, да?»

Где ж ты был, когда мне было шестнадцать? Или хотя бы тридцать?» А потом рассмеялась, словно это была шутка. Ну что об этом скажешь?

Перрин наконец-то натянул чистую рубашку и искоса глянул на Ранда. Дюжие плечи и густые курчавые волосы навели Ранда на мысль о раненом медведе. Медведе, который никак не может понять, почему он ранен.

– Перрин, я...

– Если вам угодно шуточки шутить с Айз Седай, – оборвал Перрин, – то это ваше дело, милорд. – Он принялся заправлять рубашку в штаны. – Я как-то не проводил много времени, чтобы... острить – то слово, да? – острить с Айз Седай. Тогда я, значит, всего лишь грубый кузнец, и я могу кому-то мешать, милорд.

Подхватив с пола свою куртку, он двинулся к двери.

– Чтоб мне сгореть, Перрин, прости. Мне было страшно, я думал, что я в беде, – может, был, может, она меня еще не миновала, не знаю, – и я не хотел, чтобы ты и Мэт угодили в кипящий котел вместе со мной. Свет, прошлой ночью все женщины искали меня. Наверное, это часть всех бед, которые на меня обрушились. Я так думаю. И Лиандрин... Она... – Он вскинул руки. – Перрин, поверь мне, тебе ничего из этого совсем не надо.

Перрин остановился, но стоял он лицом к двери, лишь немного повернув голову, – Ранд видел золотистый глаз.

– Искала тебя? Может, они искали всех нас.

– Нет, они искали меня. Хотелось бы мне, чтоб было не так, но я знаю лучше.

Перрин покачал головой:

– Все равно Лиандрин был нужен я. Сам это слышал.

Ранд нахмурился:

– Почему же ей?.. А-а, все равно это ничего не меняет. Слушай, я ляпнул, чего вовсе не надо было. Я не хотел, Перрин. А теперь, пожалуйста, расскажи, что с Мэтом?

– Он спит. Лиане – это та Айз Седай – сказала, что через несколько часов он встанет на ноги. – Перрин недовольно пожал плечами. – По-моему, она врет. Я знаю, Айз Седай никогда не лгут – так, чтобы ты поймал их на вранье, – но она лгала или же что-то скрывала. – Он помедлил, искоса глядя на Ранда. – Ты не хотел всего этого? Мы уйдем отсюда вместе? Ты, я и Мэт?

– Я не могу, Перрин. Не могу сказать почему, но я на самом деле должен уйти оди... Перрин, стой!

Дверь громко захлопнулась за Перрином.

Ранд рухнул на кровать.

– Я не могу сказать тебе, – прошептал он, ударив кулаком по кровати. – Не могу.

«Но теперь можешь уходить, – заметил внутренний голос. – С Эгвейн все будет хорошо, и Мэт оправится через час-другой. Ты можешь сейчас идти. Пока Морейн не передумала».

Ранд уже сел, когда стук в дверь заставил его вскочить на ноги. Если бы вернулся Перрин, то он бы стучать не стал. Стук раздался опять.

– Кто там?

Вошел Лан, захлопнув за собой дверь пяткой. Как обычно, поверх простой куртки из зеленой ткани, почти невидимой в лесу, он носил меч. Но на этот раз высоко на левой руке был повязан широкий золотой шнур, бахрома на его кончиках болталась почти у самого локтя. На банте сверкал приколотый к нему золотой журавль в полете – эмблема Малкир.

– Престол Амерлин желает видеть тебя, пастух. В таком виде тебе идти нельзя. Снимай эту рубашку и расчеши волосы. Ты выглядишь будто стог сена.

Лан рывком распахнул дверцы шкафа и стал перебирать одежду, которую Ранд предполагал здесь оставить.

Ранд как встал, так и стоял столбом; у него было такое ощущение, будто его молотом по голове ударили. В какой-то степени такого оборота событий он ожидал, но был уверен, что успеет уйти раньше, чем последует подобное приглашение. «Она знает! Свет, я уверен в этом».

– Она желает меня видеть? Что ты хочешь сказать? Я же ухожу, Лан. Ты был прав. Вот сейчас я пойду в конюшню, заберу свою лошадь и уйду.

– Ты должен был поступить так минувшей ночью. – Страж кинул на кровать шелковую белую рубашку. – Никто не отказывается от аудиенции у Престола Амерлин, пастух. Даже сам лорд капитан-командор белоплащников. Пейдрон Найол всю дорогу бы планировал, как бы убить ее, если можно это провернуть и убраться живым, но он бы явился к ней. – Он повернулся, приподняв одну из курток со стоячим воротником, которую держал в руках. – Вот эта подойдет. – Широкой полосой золотого шитья взбирались по красным рукавам и вились по обшлагам переплетенные побеги шиповника с длинными колючками. На окаймленном золотой тесьмой воротнике стояли в углах золотые цапли. – Цвет тоже подходящий. – Казалось, он чему-то приятно удивлен или чем-то доволен. – Давай, пастух. Переодевайся. И поживей.

С явной неохотой Ранд потянул через голову простую шерстяную рубаху.

– Я буду чувствовать себя круглым дураком, – проворчал он. – Шелковая рубашка! Я в жизни не носил шелковых рубашек. И я никогда не носил такую нарядную куртку, даже по праздникам. – «Свет, если меня увидит в ней Перрин... Чтоб мне стореть, после того дурацкого разговора, будто я – лорд; если он увидит меня в этом, то моих объяснений и слушать не станет».

– Пастух, ты не можешь предстать перед Престолом Амерлин одетый будто какой-то конюх только-только из конюшни. Дай-ка взглянуть на твои сапоги. Ладно, сойдет. Ну, давай одевайся, одевайся. Нельзя заставлять Амерлин ждать. Меч не забудь.

– Меч! – Шелковая рубашка на голове заглушила вскрик-взвизг Ранда. Он рывком натянул на себя рубашку. – На женскую половину? Лан, если я пойду на аудиенцию к Престолу Амерлин – к Престолу Амерлин! – с мечом, она...

– Ничего не поделаешь, – сухо оборвал излияния Ранда Лан. – Если Амерлин опасается тебя – а для тебя будет умнее думать, что она не опасается, поскольку мне не известно ничего, что способно испугать эту женщину, – то не из-за меча. Теперь запоминай: когда окажешься перед нею, преклони колено. Только помни – встань на одно колено! – резко прибавил он. – Ты не какой-нибудь купчишка, пойманный на обвесе. Может, тебе лучше попрактиковаться?

– Думаю, я знаю, как это делается. Я видел, как гвардейцы вставали на колено перед королевой Моргейз.

Призрак улыбки коснулся губ Стража.

– Да, делай точно так же, как они. Это даст им пищу для размышлений.

Ранд нахмурился:

– Почему ты говоришь мне об этом, Лан? Ты ведь Страж, а ведешь себя так, словно ты на моей стороне.

– Я на твоей стороне, пастух. Чуть-чуть. Ровно настолько, чтобы немного помочь. – Лицо Стража оставалось каменным, и сочувственные слова, произнесенные этим суровым голосом, звучали странно. – С той подготовкой, что я тебе преподал, вряд ли я увижу тебя хныкающим или пресмыкающимся. Колесо всех нас влетает в Узор так, как оно того желает. В этом отношении у тебя свободы гораздо меньше, чем у большинства прочих, но с помощью Света ты сумеешь встретить будущее, стоя прямо. Помни, кто такая Престол Амерлин, пастух, и вырази ей надлежащее почтение, но сделай то, что я тебе сказал, и ты без стыда и страха помотришь ей в глаза. Ладно, не стой разинув рот. Лучше рубашку заправь.

Ранд захлопнул рот и заправил рубашку. «Помнить, кто она такая? Чтоб я сторел, чего бы я ни отдал, лишь бы забыть, кто она такая!»

Пока Ранд натягивал красную куртку и застегивал пояс с мечом, Лан продолжал без перерыва инструктировать его. Что сказать и кому и чего не говорить. Что делать и чего не делать. Даже как двигаться. Ранд не был уверен, что сумеет все запомнить, – большая часть наставлений звучала странно, и их легко было забыть, – а юноша почему-то уверен был: что бы он ни забыл, именно из-за этого-то Айз Седай на него рассердятся. «Если они еще не рассердились. Если Морейн рассказала Престолу Амерлин, то кому еще рассказала?»

– Лан, почему я не могу уйти прямо сейчас, как планировал? Пока она узнает, что я не пришел, я уже галопом буду скакать в лиге от городских стен.

– И не успеешь отъехать на две, как за тобой вдогонку она вышлет следопытов. Если Амерлин чего-то хочет, пастух, то она это получает. – Он поправил пояс на талии у Ранда, чтобы тяжелая пряжка оказалась по центру. – То, что я делаю, – это самое лучшее, что я могу сделать для тебя. Ты уж поверь.

– Но зачем все это? Что это все означает? Почему я должен прикладывать руку к сердцу, когда встает Престол Амерлин? Почему нужно отказываться от всего, кроме воды, – нельзя сказать, что я горю желанием с ней пообедать, – а потом тонкой струйкой пролить на пол и сказать: «Земля истомилась от жажды»? А если она спросит, сколько мне лет, почему я должен говорить, что столько, сколько прошло с тех пор, как я получил меч? Из того, что ты мне говоришь, я и половины не понимаю.

– Три капли, овечий пастух, не вздумай лить воду. Ты капнешь только три капли. Позже ты поймешь, а сейчас – просто запоминай. Отнесись к этому как к принятому обычаю. Амерлин поступит с тобой так, как должна. Если считаешь, что можешь обойтись без всего этого, тогда ты, наверное, можешь, как Ленн, улететь на луну. Убежать тебе не удастся, но, может, не потеряешь духа на время, а то и сумеешь сохранить хотя бы свою гордость. Испепели меня Свет, я, скорей всего, напрасно время теряю, но ничего лучшего мне не сделать. Стой спокойно.

Из кармана Страж достал длинный отрезок широкого, с бахромой золотого шнура и обвязал его вокруг левого предплечья Ранда, скрепив замысловатым узлом. На узел он приколот значок – красный эмалевый орел, расправивший крылья.

– Я собирался его тебе подарить, а сейчас или потом – какая разница. Это заставит их задуматься.

Теперь уже не оставалось никаких сомнений. Страж улыбался.

Ранд с тревогой опустил взор на значок. *Калдазар*. Красный орел Манетерен.

– Заноза в ноге Темного, – прошептал он, – и куманика в руке его. – Ранд перевел взгляд на Стража. – Лан, Манетерен давно погибла и позабыта. Теперь это всего лишь название в книге. Есть просто Двуречье. Чем бы иным я ни был, я – пастух и фермер. Вот и все.

– Что ж, пастух, меч, который нельзя сломать, в конце концов разлетелся вдребезги, но бился он с Тенью до последнего часа. Есть один закон, превыше прочих, – быть мужчиной. Что бы ни случилось, стой твердо на ногах и встречай все смело. Ну, готов? Престол Амерлин ждет.

Ощущая холодный комок под ложечкой, Ранд шагнул вслед за Стражем в коридор.

Глава 8

Дракон Возрожденный

Ранд шагал рядом со Стражем и чувствовал, что его ноги деревенеют. Он был взволнован до крайности. «Стой твердо на ногах и встречай все смело». Легко Лану говорить. Его-то не призвала к себе Престол Амерлин. Он-то не гадает сейчас, не укротят ли его еще до исхода дня, а то и чего похуже. Ранд чувствовал себя так, будто что-то застряло в горле – и не проглотить, как ни хотелось.

В коридорах было полно народа, слуги торопились по обычным утренним делам, у воинов поверх повседневной одежды висели мечи. Рядом со взрослыми держались несколько мальчиков с небольшими учебными мечами, копируя походку и манеры старших. Никаких следов схваток не осталось, но даже вокруг детей в воздухе чувствовались напряжение и настоятельность. Взрослые мужчины выглядели будто коты, ожидающие стаю крыс.

Ингтар окинул Ранда и Лана, проходивших мимо него, странным, почти встревоженным взглядом, открыл было рот, но так ничего и не сказал. Каджин, высокий, худой, с землистого цвета лицом, потряс кулаками над головой и воскликнул: «*Тай'шар Малкир! Тай'шар Манетерен!*» «Истинная кровь Малкир. Истинная кровь Манетерен».

Ранд вздрогнул. «Свет, почему он так сказал? Не будь дураком. Они здесь все знают про Манетерен. Им известна каждая старая история, если в ней упоминается сражение. Чтоб мне сгореть, нужно взять себя в руки!»

Лан поднял в ответ свои кулаки:

– *Тай'шар Шайнар!*

Если броситься бежать, сумеет ли он затеряться в толпе и потом добраться до лошади? «Если она отправит за мной следопытов...» С каждым шагом напряжение в душе Ранда становилось все сильнее.

Когда они подходили к женской половине, Лан вдруг отрывисто скомандовал:

– «Кот пересекает двор замка»!

Вздрогнув, Ранд инстинктивно начал идти так, как его учили: спина прямая, но каждый мускул расслаблен, словно бы тело свисает на веревке, закрепленной на макушке головы. Это была расслабляющая, снимающая напряжение, почти надменная походка. Расслабленная наружно; внутри Ранд ничего похожего, конечно, не чувствовал. Времени удивляться своему поведению не оставалось. Они с Ланом свернули в последний коридор и зашагали нога в ногу.

Когда Ранд и Лан подошли ближе, женщины у входа на женскую половину спокойно подняли на них глаза. Некоторые сидели за столами-пюпитрами, проверяя грессбухи и иногда внося записи. Другие вязали или работали с иглой и пальцами. За работой присматривали дамы в шелках и женщины в ливреях. Арочные двери были открыты, их никто не охранял, не

считая самих женщин. Большого и не требовалось. Ни один шайнарец-мужчина не вошел бы сюда без приглашения, но любой шайнарец-мужчина при необходимости грудью встал бы на защиту этой двери и был бы до глубины души потрясен, возникни необходимость ее защищать.

В животе у Ранда что-то сжалось, перевернулось, во рту появился резкий кислый привкус. «Они лишь разок взглянут на наши мечи и дадут от ворот поворот. Ладно, этого-то ведь я и хочу? Если они нас развернут, может, я и сумею улизнуть. Если они не позовут стражу из-за нас». Словно утопающий за соломинку, Ранд держался за стойку, лишь она не давала ему тут же развернуться и броситься наутек.

Одна из дам леди Амалисы, круглолицая женщина по имени Нисура, отложила свою вышивку и, когда Ранд с Ланом подошли ближе и остановились, встала. Ее взгляд пробежался по их мечам, она поджала губы, но не обмолвилась об оружии ни словом. Все женщины оставили свои дела и стали смотреть за происходящим молча и напряженно.

– Почтение вам обоим, – произнесла Нисура, слегка наклонив голову. Она бросила взгляд на Ранда столь мимолетный, что он не был уверен, заметил он его на самом деле или взгляд ему почудился; этот взгляд напомнил Ранду рассказ Перрина. – Престол Амерлин ждет вас.

Она сделала знак рукой, и две другие дамы – не слуги, им оказали честь – шагнули вперед в качестве эскорта. Женщины поклонились на волосок ниже, чем Нисура, и жестом пригласили мужчин проходить под арку. Обе искоса глянули на Ранда и больше на него не смотрели.

«Искали ли они всех нас или только меня? Почему всех?»

Внутри они сразу привлекли взгляды, которые Ранд и ожидал, – двое мужчин на женской половине, где мужчины редкие гости, – а при виде их мечей приподнялась не одна бровь, но никто из женщин ничего не сказал. За спиной у себя двое мужчин оставляли шушukaющиеся группки, тихие разговоры были едва слышны Ранду, и ему ничего не удавалось разобрать. Лан шагал так, словно ничего и не замечал. Ранд шел рядом, на шаг позади эскорта, жалея, что не слышит ни слова.

А вскоре они достигли покоев Престола Амерлин, у двери в коридоре стояли три Айз Седай. Высокая Айз Седай, Лиане, держала увенчанный золотым пламенем жезл. Двух других – судя по бахромке, одна из Белой, вторая из Желтой Айя – Ранд не знал. Правда, лица их он помнил – обращенные к нему, когда он бежал по этим самым коридорам. Гладкие лица Айз Седай со все понимающими глазами. Они разглядывали его, дугой выгнув брови и поджав губы. Сопровождавшие Лана и Ранда женщины, присев в реверансе, препоручили их вниманию Айз Седай.

С легкой улыбкой Лиане оглядела Ранда. Несмотря на улыбку, голос прозвучал резко и энергично:

– Что ты принес к Престолу Амерлин сегодня, Лан Гайдин? Юного льва? Лучше не позволить никому из Зеленых увидеть его, а то не успеет он и глазом моргнуть, как одна из них свяжет его с собой узами. Зеленые любят делать это, когда они молоды.

Ранд задумался, возможно ли, чтобы холодный пот прошиб человека под кожей, – именно такое у него сейчас было ощущение. Ему хотелось посмотреть на Лана, но эту часть наставлений Стража он помнил.

– Я – Ранд ал’Тор, сын Тэма ал’Тора, из Двуречья, которое некогда называлось Манетерен. Меня призвала к себе Престол Амерлин, Лиане Седай, и вот я пришел. Я готов.

Ранд удивился, что голос его ни разу не дрогнул.

Лиане моргнула, и ее улыбка сменилась задумчивым выражением.

– Считалось, что он – пастух, Лан Гайдин? Этим утром он не был так в себе уверен.

– Он – мужчина, Лиане Седай, – твердо заявил Лан, – не больше и не меньше. Мы те, кто мы есть.

Айз Седай покачала головой:

– С каждым днем мир становится все страннее. Того и гляди кузнец наденет корону и заговорит высоким слогом. Ждите здесь.

Она исчезла за дверями, чтобы известить о пришедших.

Лиане отсутствовала всего пару минут, но Ранд чувствовал себя не очень уютно, ловя на себе взгляды оставшихся Айз Седай. Он старался смотреть в ответ спокойно и бесстрастно, как говорил ему Лан, и те, перешептываясь, склонили друг к дружке головы. «О чем они говорят? Что знают? Свет, они что, собираются укротить меня? Про это Лан говорил: встречать смело, твердо стоя на ногах, что бы ни случилось?»

Вернулась Лиане, жестом пригласив Ранда войти. Когда Лан двинулся следом за ним, она преградила Стражу дорогу, наклонив свой жезл:

– Не ты, Лан Гайдин. У Морейн Седай есть для тебя задание. Твой львенок сам себя защитить сумеет.

Дверь за Рандом захлопнулась, но до этого он еще услышал голос Лана, энергичный и твердый, но тихий – только для него одного: «*Тай'шар Манетерен!*»

В комнате по левую руку сидела Морейн, по правую – одна из Коричневых Айз Седай, которую Ранд видел в подземелье, но взгляд его приковала к себе женщина, расположившаяся в высоком кресле за широким столом. Занавеси над бойницами были наполовину опущены, но в эти «окна» позади нее прорывалось недостаточно света, ее лицо стало трудноразличимо. Но он все же узнал ее. Престол Амерлин.

Ранд быстро преклонил колено, левая рука – на эфесе меча, правый кулак уперт в узорный ковер, голова – склонена.

– Вы призвали меня к себе, мать, и вот я пришел. Я готов.

Он поднял голову, успев заметить, как приподнялись ее брови.

– Так уж и готов, юноша? – Ее, казалось, забавляло происходящее – если судить по голосу. Но было в голосе еще что-то, чего он не сумел определить. И забавляющейся она никак не выглядела. – Встань, юноша, и позволь мне взглянуть на тебя.

Ранд выпрямился и постарался, чтобы лицо оставалось спокойным. Не сжать кулаки потребовало усилий. «Три Айз Седай. Сколько нужно для укрощения мужчины? За Логайном они послали дюжину или больше. Может Морейн сделать такое со мной?» Он встретился с Престолом Амерлин взглядами. Она смотрела на него не мигая.

– Сядь, юноша, – наконец сказала она, указывая на стул со спинкой из перекладин, который был поставлен прямо перед столом. – Боюсь, разговор будет долгим.

– Благодарю, мать. – Он наклонил голову, потом, как ему говорил Лан, взглянул на стул и коснулся меча. – С вашего позволения, я останусь стоять. Стража еще не завершена.

Престол Амерлин раздраженно хмыкнула и повернулась к Морейн:

– Ты оставила его на Лана, дочь моя? Будет и так трудно – и без того, чего он нахватался от Стража.

– Лан обучал всех мальчиков, мать, – спокойно отвечала Морейн. – Немного больше времени он уделил ему потому, что у него был меч.

Коричневая Айз Седай шевельнулась на стуле:

– Гайдины горды и упрямы, мать, но полезны. Я не смогла бы без Томаса, и вы не хотели бы потерять Алрика. От нескольких Красных я даже слышала, как они говорили: мол, иногда им жаль, что у них нет Стража. И Зеленые, конечно же...

Сейчас три Айз Седай совершенно не замечали Ранда.

– Этот меч... – произнесла Амерлин. – Если не ошибаюсь, клинок со знаком цапли. Как он попал к нему?

– Тэм ал'Тор еще юношей оставил Двуречье. Он вступил в армию Иллиана и провоевал в Белоплащниковой войне и в двух последних войнах с Тиром. Со временем он дорос до мастера клинка и стал вторым капитаном Спутников. После Айильской войны Тэм ал'Тор вернулся в

Двуречье с женой из Кэймлина и с мальчиком-младенцем. Эти сведения могли многое спасти, узнай я об этом раньше, но узнала я лишь сейчас.

Ранд вытаращился на Морейн. Он знал, что Тэм уходил из Двуречья и вернулся с женой-чужестранкой и с мечом, но остальное... «Откуда она все это узнала? Не в Эмондовом Лугу. Если только Найнив не рассказала ей больше того, что когда-то рассказывала мне. Мальчик-младенец. Она не говорит – его сын. Но ведь так оно и есть».

– Против Тиры. – Престол Амерлин слегка нахмурилась. – Что ж, в тех войнах хватало вины с обеих сторон. Глупцы-мужчины, которые предпочитают драться, а не договариваться. Можешь сказать, Верин, подлинный ли клинок?

– Есть способы проверить, мать.

– Тогда возьми его и проверь, дочь моя.

Три женщины даже не смотрели на Ранда. Он отступил на шаг, крепко сжимая рукоять.

– Мне этот меч дал мой отец! – гневно сказал он. – Никто не отберет его у меня.

Только потом он сообразил, что Верин даже не подумала сдвинуться с места. Ранд посмотрел на женщин смущенно, стараясь восстановить самообладание.

– Итак, – заключила Престол Амерлин, – в тебе есть кое-какой огонь, не считая того, что вложил Лан. Тебе он понадобится.

– Я тот, кто я есть, мать, – сумел вымолвить он достаточно спокойно. – Я готов к тому, что грянет.

Престол Амерлин поморщилась:

– Лан крепко вбил это в тебя. Послушай меня, юноша. Через несколько часов на розыски похищенного Рога отправится Ингтар. Твой друг Мэт поедет с ним. Полагаю, твой другой друг – Перрин, да? – тоже. Не хочешь составить им компанию?

– Мэт и Перрин уезжают? Почему? – Запоздало он вспомнил о почтительности и добавил: – Мать.

– Тебе известно о кинжале, который нес с собой твой друг? – По изгибу ее губ было ясно, что она думает о кинжале. – Он тоже похищен. Пока кинжал не найден, связь между клинком и Мэтом нельзя оборвать окончательно, и твой друг погибнет. Если хочешь, можешь отправиться с ним. Или остаться здесь. Нет никаких сомнений, что лорд Агельмар разрешит тебе оставаться гостем сколько пожелаешь. Я сегодня тоже уезжаю. Морейн Седай будет сопровождать меня, как и Эгвейн и Найнив, так что ты, если останешься, останешься один. Выбор – за тобой.

Ранд уставился на Амерлин. «Она говорит, что я могу идти куда хочу. Ради этого она меня сюда вызвала? Мэт умирает!» Он глянул на Морейн, невозмутимо сидящую со сложенными на коленях руками. Вид у нее был такой, словно менее всего ее интересовало, куда он уйдет. «На какой путь вы, Айз Седай, меня толкаете? Чтоб я сгорел, но я пойду другим. Но раз Мэт умирает... Я не могу его бросить. Свет, но как же нам найти этот кинжал?»

– Тебе не обязательно говорить сейчас о своем выборе, – сказала Амерлин. Ее, казалось, это тоже не интересовало. – Но ты должен решить до отъезда Ингтара.

– Я поеду с Ингтаром, мать.

Престол Амерлин рассеянно кивнула:

– Теперь, когда мы разобрались с этим, можно перейти к делам поважнее. Мне известно, юноша, что ты способен направлять Силу. Что ты скажешь?

У Ранда отвалилась челюсть. Произнесенные небрежным тоном, слова Амерлин врезали по нему, охваченному тревогой за Мэта, не слабее, чем захлопывающаяся амбарная дверь. Ответы и указания Лана волчком закружились в голове. Ранд, облизывая губы, хлопал глазами и смотрел на Амерлин. Одно дело – предполагать, что она знает, и совершенно другое – вдруг выяснить, что ей и в самом деле об этом известно. На лбу выступил пот.

Ожидая ответа, Амерлин подалась вперед в своем кресле, но у Ранда было чувство, что ей хотелось отодвинуться подальше. Он помнил, что сказал Лан. «Если она опасается тебя...» Ему захотелось рассмеяться. Если *она* опасалась *его*.

– Нет, не могу. То есть... Нарочно я этого не делаю. Это просто случается. Я не хочу направлять Силу. Больше я не стану никогда этого делать. Клянусь.

– Не хочешь, – произнесла Престол Амерлин. – Что ж, очень мудро с твоей стороны. И к тому же глупо. Кое-кого возможно обучить направлять, большинство – нельзя. Правда, от рождения не многие обладают задатками для этого. Рано или поздно они обретают способность владеть Единой Силой – хотят они того или нет, это столь же несомненно, как то, что из икринок рождается рыба. Ты будешь продолжать направлять ее, юноша. Тут ты бессилен, ничего не поделаешь. И лучше бы тебе *научиться* направлять, научиться контролировать ее, иначе тебе не прожить достаточно долго, ты просто сойдешь с ума. Единая Сила убивает тех, кто не в состоянии справиться с ее потоком.

– А как же мне научиться? – спросил он. Морейн и Верин просто сидели, невозмутимо наблюдая за ним. «Будто паучихи». – Как? Морейн говорит, что она ничему меня научить не может, а я сам понятия не имею, как или чему учиться. Да и не хочу я. Я хочу покончить с этим. Как вы не поймете? Покончить!

– Я сказала тебе правду, Ранд, – заметила Морейн. Она говорила таким тоном, будто они вели приятную беседу. – Те, кто мог обучить тебя, мужчины Айз Седай, три тысячи лет мертвы. Ни одна из живущих ныне Айз Седай не может обучить тебя прикосновению к *саидин* – не в большей степени, чем ты сумеешь научить прикасаться к саидар. Птице не научить рыбу летать, а рыба не научит птицу плавать.

– Всегда считала эту поговорку неверной, – вдруг вмешалась Верин. – Есть птицы, которые ныряют и плавают. И в Море штормов есть рыбы, которые летают, – с длинными плавниками, которые раскидывают в стороны, будто распростертые руки, и с клювами будто мечи, которые могут вонзиться... – Она смешалась, слова словно застряли в горле, смутилась. На нее без всякого выражения на лице взирали Морейн и Амерлин.

Возникшей паузой Ранд воспользовался для того, чтобы постараться хоть как-то взять себя в руки. Как давным-давно учил его Тэм, он представил себе в мыслях язык пламени и скормил ему все свои страхи, стремясь добиться пустоты, ее неподвижности и спокойствия, уйти в ничто. Пламя росло, пока не обьяло все, пока не стало слишком большим, – его уже было не сдержать в воображении. После чего оно исчезло, оставив после себя чувство покоя. На границах пустоты все еще подрагивали, трепетали чувства – черные кляксы страха и гнева, но пустота держалась. Словно голыши по льду, скользнули по ее поверхности мысли. Айз Седай оставили Ранда без внимания на считанные секунды, но, когда они повернулись к нему опять, лицо его было совершенно бестрепетным.

– Почему вы так разговариваете со мной, мать? – спросил Ранд. – Вы бы должны укротить меня.

Престол Амерлин нахмурилась и повернулась к Морейн:

– Этому его Лан научил?

– Нет, мать. Это – от Тэма ал'Тора.

– Почему? – повторил вопрос Ранд.

Престол Амерлин посмотрела ему прямо в глаза и сказала:

– Потому что ты – Дракон Возрожденный.

Ничто подернулось рябью. Мир зашатался. Все вокруг словно завертелось. Ранд сосредоточился на ничто, и пустота вернулась, мир выровнялся.

– Нет, мать. Я могу направлять, да поможет мне Свет, но я – не Раолин Проклятие Тьмы, не Гвайр Амаласан, не Юриэн Каменный Лук. Вы можете укротить меня, или убить, или отпустить, но я не стану прирученным Лжедраконом на поводе у Тар Валона.

Он услышал, как ахнула Верин, увидел расширенные глаза Амерлин – взгляд твердостью не уступал голубому камню. Этот взгляд нисколько не взволновал Ранда; он лишь скользнул по внутренней пустоте.

– Где ты услышал эти имена? – требовательно спросила Амерлин. – Кто сказал тебе, будто Тар Валон дергает за нити *каждого* Лжедракона?

– Один друг, мать, – ответил Ранд. – Менестрель. Его звали Том Меррилин. Теперь он мертв.

Морейн что-то произнесла, и он поглядел на нее. Она заявляла, что Том не погиб, но ничем не могла доказать свои слова, а он не понимал, как человек может выйти живым из рукопашной схватки с Исчезающим. Мысль была чуждой и ненужной, и она исчезла. Существовали теперь лишь ничто и единство.

– Ты – не Лжедракон, – твердо сказала Амерлин. – Ты – настоящий Возрожденный Дракон.

– Я – пастух из Двуречья, мать.

– Дочь моя, расскажи ему. Юноша, узнай подлинную историю. Слушай внимательно.

Морейн начала рассказ. Ранд не отрывал взгляда от лица Амерлин, но слушал.

– Почти двадцать лет назад Айил перевалили через Хребет Мира, Драконову Стену, – так они сделали всего лишь однажды, и именно в тот раз. Они опустошили Кайриэн, разбили все высланные против них армии, сожгли сам город Кайриэн и с боем прошли весь путь до Тар Валона. Стояла зима, шел снег, но холод или жара мало значат для Айил. Решающая битва, последняя по счету, кипела подле Сияющих Стен, в тени Драконовой горы. Три дня и три ночи сражения – и Айил заставили отступить. Или, вернее, они отступили, так как свершили то, ради чего пришли, – убили короля Ламана Кайриэнского за его прегрешение против Древа. Тогда-то и началась моя история. И твоя.

«Они хлынули через Драконову Стену, будто поток. До самых Сияющих Стен». Ранд обождal, пока воспоминания затушевались, но он слышал голос Тэма – Тэма, больного, в бреду, приподнимающего завесу тайны над своим прошлым. Голос цепко держался по ту сторону ничто, настойчиво пробиваясь внутрь.

– Тогда я была одной из принятых, – продолжала Морейн, – как и мать наша, Престол Амерлин. Вскоре нас должны были возвести в ранг сестер, и тем вечером мы состояли при тогдашней Амерлин. С ней была и ее хранительница летописей Гайтара Моросо. Все остальные полноправные сестры, даже Красные, были заняты Исцелением – так много оказалось раненых. Наступил рассвет. Огонь в камине не мог отогнать холод. Снегопад в конце концов прекратился, но в покоях Амерлин, в Белой Башне, мы чувствовали дым от пепелищ деревьев, сгоревших во время сражения.

«В битве всегда жарко, даже в снегу. Нужно уйти от запаха смерти». Голос бредящего Тэма царапался в лишенную содержания тишину внутри Ранда. Пустота затрепетала, сжалась, сделалась устойчивей, вновь заволновалась. Взгляд Амерлин буравил Ранда. Он опять ощутил на лице пот.

– Это все было горячным бредом, – сказал он. – Он был болен. – Он повысил голос. – Меня зовут Ранд ал’Тор. Я – пастух. Мой отец – Тэм ал’Тор, а моей матерью была...

Морейн остановилась, дав юноше сказать, но теперь ее тот же, ни в чем не изменившийся голос, тихий и неумолимый, оборвал его слова:

– «Кариатонский цикл» – Пророчества о Драконе – утверждает, что Дракон возродится на склонах Драконовой горы, там, где погиб во время Разлома Мира. У Гайтары Седай иногда бывали Предсказания. Она была стара, с волосами белыми, как снег за окном, но Предсказания ее были твердыми и имеющими силу. Я подавала ей чашку с чаем, утренний свет пробивался в окна все сильнее. Престол Амерлин спросила меня о вестях с поля битвы. А Гайтара Седай встала со стула, негнушиеся руки и ноги дрожали, а лицо такое, будто она заглянула в Бездну

Рока у Шайол Гул, и она выкрикнула: «Он вновь рожден! Я чувствую его! Дракон сделал свой первый вдох на склоне Драконовой горы! Он идет! Он идет! Да поможет нам Свет! Да поможет Свет миру! Он лежит на снегу и орет, будто гром! Он пылает, будто солнце!» И мертвая рухнула мне на руки.

«Склон горы. Слышу плач ребенка. Родила здесь одна, перед смертью. Ребенок весь посинел от холода». Ранд попытался отогнать прочь голос Тэма. Пустота сжалась.

– Горячечный бред, – выдохнул он. «Я не мог бросить ребенка». – Я родился в Двуречье. – «Всегда знал, что ты хочешь детей, Кари». Ранд отвел глаза от Амерлин, испытующе глядевшей на него. Попытался изо всех сил удержать пустоту. Он понимал, что это не тот способ, но она все сжималась и сжималась. «Да, любимая. Ранд – хорошее имя». – Я... Ранд... ал'Тор! – Ноги у него дрожали.

– И так мы узнали, что Дракон возродился, – продолжала Морейн. – Амерлин взяла с нас обеих слово сохранить все в тайне, так как знала: не все сестры поняли бы Возрождение так, как его должно было понять. Она отправила нас на поиски. После этой битвы много детей осталось без отцов. Слишком много. Но нам рассказали, как один мужчина нашел на горе младенца. И все. Мужчина и младенец-мальчик. Поэтому мы стали искать дальше. Годы прошли в поисках, мы находили другие нити, размышляли над пророчествами. «Он будет древней крови – и восстанет старой кровью». Это был один ключ к разгадке; были и другие. Но во многих местах старая кровь, происходящая из Эпохи легенд, оставалась сильна. Потом в Двуречье, где старая кровь Манетерен бурлит по-прежнему, словно река в половодье в Эмондовом Лугу, я нашла трех мальчиков, чьи дни рождения приходятся на те недели, когда была битва у Драконовой горы. И один из них способен направлять. По-моему, троллоки явились за тобой просто потому, что ты – та'верен? Ты – Возрожденный Дракон.

Колени у Ранда подогнулись; он упал, ладони шлепнули по ковру – он едва не ударился лицом об пол. Пустота пропала, спокойствие разбилось вдребезги. Ранд поднял голову – они смотрели на него, три Айз Седай. Лица их были безмятежными, спокойными, словно гладь пруда в безветренный день, но глаза смотрели не мигая.

– Мой отец – Тэм ал'Тор, и я родился... – Они, не шелохнувшись, смотрели на него. «Они лгут. Я не... не то, что они сказали! Как-то, не знаю как, но они лгут, пытаются использовать меня». – А вы меня не используете.

– Якорь, когда его используют, чтобы удержать лодку, никак не унижен, – сказала Амерлин. – У тебя есть предназначение, Ранд ал'Тор. «Когда ветры Тармон Гай'дона станут рысать по земле, он встанет пред Тенью и вновь родит Свет в мир». Пророчества должны быть исполнены, иначе Темный вырвется на свободу и переделает мир по своему образу и подобию. Грядет Последняя битва, и ты был рожден, дабы объединить род человеческий и повести его против Темного.

– Ба'алзамон мертв, – хрипло произнес Ранд, а Амерлин громко фыркнула, будто какой-то конюх.

– Если ты веришь этому, то ты такой же дурак, как домани. Многие там верят, что он мертв, или заявляют, что верят в это, но я замечала, что они все равно не отваживаются называть его по имени. Темный жив – и рвется на волю. Ты встанешь лицом к лицу с Темным. Это твоя судьба.

«Это твоя судьба». Он уже слышал эти слова прежде, во сне, который, может, был и не совсем сном. Он гадал, что бы сказала Амерлин, узнав, что в снах с ним разговаривал Ба'алзамон. «С этим покончено. Ба'алзамон мертв. Я видел, как он умер».

Вдруг до Ранда дошло, что он, будто жаба, припал к земле, съежившись под взглядами Айз Седай. Он попытался опять создать пустоту, но вихрь голосов кружился в голове, сметая слабые барьеры, сводя на нет все его усилия. «Это твоя судьба. Ребенок, лежащий в снегу. Ты – Дракон Возрожденный. Ба'алзамон мертв. Ранд – хорошее имя, Кари. Вы меня использу-

ете». Ухватившись за свое исконное упрямство, он заставил себя выпрямиться. «Стой твердо на ногах и смело встречай все. Сумеешь сохранить хотя бы свою гордость». Три Айз Седай взирали на него с ничего не выражающими лицами.

– Что... – Сделав над собой усилие, он заставил голос не дрожать. – Что вы собираетесь со мной сделать?

– Ничего, – сказала Амерлин, и Ранд заморгал. Вовсе не такого ответа он ожидал, не такого ответа он боялся. – Ты сказал, что хочешь сопровождать своего друга, который отправляется с Ингтаром, – пожалуйста. Я тебя ни к чему не принуждаю. Кому-то из сестер известно, что ты – та'верен, но не более того. Лишь мы трое знаем, кто ты на самом деле. Твоего друга Перрина, так же как и тебя, приведут ко мне, а твоего второго друга я навещу в лазарете. Можешь поступать так, как тебе угодно, не страшась, что мы напустим на тебя Красных сестер.

«Кто ты на самом деле?» Ярость, горячая и все разъедающая, вспыхнула в нем. Он заставил ее остаться внутри, спрятал от всех.

– Почему?

– Пророчества должны исполняться. Мы отпускаем тебя, зная, кто ты такой, потому что иначе Темный предаст землю огню и смерти. Учти, не у всех Айз Седай такое отношение к этому. Здесь, в Фал Дара, есть те, кто, зная о тебе даже десятую часть всего, уничтожили бы тебя, испытывая при этом не больше угрызений совести, чем при потрошении рыбы. Но вдобавок здесь есть мужчины, с которыми ты, без сомнения, вместе смеялся и которые сделают то же самое, узнай они обо всем. Будь осторожен, Ранд ал'Тор, Дракон Возрожденный.

Ранд поочередно посмотрел на каждую Айз Седай. «Ваши пророчества – не про меня». Взгляды в ответ были такими спокойными, и с трудом верилось, что именно эти трое старались убедить его, будто он самый ненавистный, самый пугающий и страшный человек в истории мира. Он прошел сквозь страх и вынырнул где-то по ту сторону, на холод. Лишь гнев согревал его. Они могут укротить его или испепелить дотла на месте, но это его больше не волновало.

В памяти всплыла часть инструкций Лана. Левую руку – на эфес, отвести меч за себя, поймать ножны в правую руку, затем поклониться, руки не сгибать.

– С вашего позволения, мать, могу я оставить это место?

– С нашего позволения, ты можешь идти, сын мой.

Выпрямившись, Ранд постоял еще мгновение.

– Вам не удастся меня использовать, – сказал он им.

Когда он повернулся и вышел, повисло долгое молчание.

После ухода Ранда молчание растекалось по комнате, пока тишину не нарушил долгий вздох Амерлин.

– Никак не могу заставить себя понять, что все нами сделанное сделано хорошо, – сказала она. – Это было необходимо, но... Это сработает, дочери мои?

Морейн покачала головой, но совсем чуть-чуть:

– Я не знаю. Но это *было* необходимо – и необходимо по-прежнему.

– Необходимо, – подтвердила Верин. Она тронула лоб рукой и посмотрела на влажные пальцы. – Он силен. И упрям, как ты и сказала, Морейн. Намного сильнее, чем я предполагала. Может, после всего нам нужно будет укротить его, прежде чем... – Глаза ее расширились. – Но мы ведь не можем, верно? Пророчества. Да простит нас Свет за то, что мы выпускаем в мир.

– Пророчества, – кивнула Морейн. – Потом мы сделаем, что должны. Как мы и сделали сейчас.

– Как мы и должны, – сказала Амерлин. – Да. Но когда он научится направлять Силу, да поможет Свет всем нам.

Вновь воцарилось молчание.

Надвигалась гроза. Найнив чувствовала ее приближение. Сильная гроза, худшая из всех, что она видела. Она умела слушать ветер и определять, какая будет погода. Все Мудрые заявляли, что способны на это, хотя многие не могли ни того ни другого. Найнив, обладая этим даром, чувствовала себя куда увереннее, пока не узнала, что такая способность – проявление Силы. Любая женщина, умевшая слушать ветер, способна направлять Силу, хотя большая часть из них, вероятно, ничем не отличалась от нее. Ведь она не осознавала, что делает, добиваясь нужного по настроению, в порыве чувств.

Правда, на сей раз что-то было не так. В чистом голубом небе светило золотым шаром утреннее солнце, в садах щебетали птицы, но дело было не в этом. Какой смысл слушать ветер, если не можешь предсказать погоду до того, как признаки ее изменения станут очевидными. Что-то было не то в ее предчувствии, что-то было не так, как обычно. Гроза представлялась далекой – слишком далекой, она не должна была ее почувствовать. Однако ощущение было такое, словно небо над головой вот-вот прольется дождем, оттуда ударит град, обрушатся снежные заряды, все – одновременно; налетят завывающие ветры и примутся расшатывать камни крепости. И она еще предчувствовала хорошую погоду, которая будет стоять еще не один день и не два, но на это ощущение наслаивалось второе, забывая, затушевывая его.

Словно в насмешку над ее предчувствиями погоды, на карниз бойницы уселся голубой зяблик, заглянул в коридор. Увидев Найнив, птица исчезла во всплеске голубых и белых перьев. Она посмотрела туда, где сидела птица. «Это гроза и в то же время – не гроза. Что-то это значит. Но что?»

В дальнем конце коридора, полного женщин и малышей, Найнив заметила быстро шагающего Ранда, сопровождающие его дамы едва не бежали, чтобы поспеть за юношей. Найнив решительно кивнула. Если это гроза, которая и не гроза вовсе, то наверняка он – в ее центре. Подобрав юбки, она поспешила следом за Рандом.

Женщины, с которыми со времени прибытия в Фал Дара Найнив успела подружиться, пытались заговорить с нею; им было известно, что Ранд появился тут вместе с нею и что они оба из Двуречья, и им не терпелось узнать, зачем его приглашала к себе Амерлин. «Престол Амерлин!» Холод ледяными пальцами сжал сердце, и Найнив припустила бегом, но не успела она оставить женскую половину, как потеряла Ранда из виду за чересчур многими поворотами и за чересчур многими людьми.

– Куда он пошел? – спросила она Нисуру. Не было нужды уточнять кто. Найнив уловила имя Ранда в разговоре других женщин, столпившихся у арочных дверей.

– Не знаю, Найнив. Он вышел так быстро, словно за ним гнался по пятам сам Губитель Душ. Еще бы не убежать – коли явился сюда с мечом на поясе. После такого Темный будет самым меньшим, о чем ему нужно беспокоиться. Куда катится мир? И его представляли Амерлин в ее покоях, подумать только! Скажи, Найнив, в вашей стране он и вправду принц?

Остальные женщины умолкли и, наострив уши, придвинулись ближе к Найнив.

Найнив даже и не помнила, что ответила. Лишь бы ее пропустили. Сжав кулаки, она торопилась прочь от женской половины, озираясь на каждом разветвлении коридоров в поисках Ранда. «Свет, что они с ним сотворили? Я должна была держать его подальше от Морейн, ослепи ее Свет. Я же Мудрая».

«Да разве? – язвительно отозвался внутренний голос. – Ты же бросила Эмондов Луг на произвол судьбы. Как можешь ты по-прежнему называть себя Мудрой?»

«Я не бросила их, – с жаром возразила она самой себе. – Я привезла из Дивен Райда Мавру Маллен, попросив ее приглядеть за делами, пока я не вернусь. Она вполне справится с мэром и Советом деревни, и она поладит с Кругом женщин».

«Мавре придется вернуться в свою деревню. Деревня не может обойтись без Мудрой». У Найнив все внутри сжалось. Уже месяцы, как она ушла из Эмондова Луга.

– Я – Мудрая Эмондова Луга! – сказала она вслух.

Несший рулон холста слуга в ливрее заморгал, потом низко поклонился и суетливо побежал дальше. Судя по выражению его лица, ему очень и очень захотелось оказаться где-нибудь в другом месте.

Вспыхнув, Найнив оглянулась – не увидел ли этой сцены кто-нибудь. В коридоре было всего несколько мужчин, поглощенных собственными беседами, и пара-тройка женщин в черно-золотом, идущих по своим делам. Они ей кланялись или приседали в реверансе, когда она проходила мимо. Этот спор сама с собой Найнив вела сотню раз и прежде, но впервые дело дошло до разговора с собой вслух. Она шепотом выругала себя, затем плотно сжала губы, сообразив, что делает.

Найнив уже начала понимать, что ее розыски тщетны, когда она наткнулась на Лана. Он стоял спиной к ней и смотрел через бойницу во двор крепости. Оттуда доносились лошадиное ржание и людские крики. Лан так внимательно наблюдал за происходящим во дворе, что впервые, казалось, не услышал, как появилась Найнив. Молодую женщину крайне раздражал тот факт, что ей никогда не удавалось незаметно подкрасться к нему, как бы бесшумно она ни ступала. Дома, в Эмондовом Лугу, Найнив считалась знатоком леса и неплохим следопытом, хотя подобное занятие было, вообще-то, не женским делом.

Найнив замерла, прижав руки к животу, чтобы унять волнение. «Нужно бы напоить себя отваром раннела и корня овечьих язычков», – сердито подумала она. Эту микстуру она давала всякому, кто хандрил и говорил, что он болен, или вел себя как наивный дурачок. Раннел и корень овечьих язычков немного подбодрили бы, ничем не повредив, но главное – вкус у этого отвара просто жуткий, и чувствуется он во рту весь день. Самое лучшее лекарство для тех, кто поступает как законченный болван.

Невидимая для него, Найнив рассматривала Лана, который прислонился к камню и поглаживал пальцем подбородок, наблюдая за тем, что происходило внизу. «С одной стороны, он слишком высок; по годам годится мне в отцы, это с другой. Мужчина с таким лицом обязательно будет безжалостным. Нет, он не такой. Конечно же не такой». И он был королем. Его страну уничтожили, когда он был еще ребенком, и он не претендовал на корону, но все равно он был королем. «Зачем королю деревенская женщина? К тому же он – Страж. Связанный узами с Морейн. Ей он верен до самой смерти, с ней связан крепче, чем любой возлюбленный, и он – всецело ее. У нее есть все, чего я хочу, испепели ее Свет!»

Лан отвернулся от бойницы, и женщина развернулась, решив уйти.

– Найнив... – Его голос поймал и удержал ее, словно аркан. – Я хотел поговорить с тобой наедине. А ты, кажется, все время или на женской половине, или вместе с кем-то.

Она сделала над собой усилие, чтобы повернуться к нему лицом, но была уверена: когда она подняла на него взгляд, лицо ее не выдало обуревающих ее чувств.

– Я ищу Ранда. – Найнив не собиралась признавать, что избегает Лана. – Мы – вы и я – давным-давно сказали друг другу все, что нужно было сказать. Мне стыдно за себя – такое больше со мной не повторится, – и вы сказали мне, чтоб я уходила.

– Я никогда не говорил... – Он глубоко вздохнул. – Я говорил, что мне нечего предложить в качестве свадебного подарка, кроме как вдовьего одеяния. Это не тот подарок, какой мужчина может преподнести женщине. Иначе он не смеет называться мужчиной.

– Понимаю, – холодно ответила она. – Так или иначе, король не дарит подарков деревенским женщинам. И этой деревенской женщине не следует принимать их. Вы не видели Ранда? Мне нужно поговорить с ним. Он был у Амерлин. Не знаете, что ей было от него нужно?

Его глаза сверкнули, как голубой лед на солнце. Она удержалась, чтобы не отступить на шаг, и ответила таким же горящим взглядом.

– Забери их обоих Темный, и Ранда ал'Тора, и Престол Амерлин, – проскрежетал он, что-то вкладывая с силой ей в руку. – Я сделаю тебе подарок, и ты возьмешь его, даже если мне придется цепью приковать его тебе на шею.

Найнив отвела взгляд от его глаз. В гневе он напоминал голубоглазого ястреба. В своей руке она увидела кольцо с печаткой, тяжелое, золотое, потертое от времени, такое большое, что она могла просунуть в него оба больших пальца. На печатке, тщательно проработанной в деталях, над копьём и короной летел журавль. Кольцо королей малкири. Она подняла голову, совсем забыв выглядеть рассерженной:

– Лан, я не могу этого принять.

Он пренебрежительно пожал плечами:

– Это пустяк. Старое, ненужное теперь. Но есть те, кто, увидев его, наверняка узнают. Покажи его – и в Пограничных землях от любого лорда ты получишь помощь и все права гостя. Покажи его Стражу – и он поможет тебе или отнесет мне послание. Пошли его мне или запечатай им послание – и я приду к тебе непременно, не промедлив и часа. Это я обещаю.

В глазах у нее все стало слегка расплываться. «Если я сейчас заплачу, то не знаю, что с собой сделаю!»

– Я не могу... Мне не надо от вас подарка, ал'Лан Мандрагоран. Вот, заберите.

Он тут же пресек все ее попытки вернуть ему кольцо. Его ладонь обхватила ее руки, мягко и нежно, но крепко, как кандалы.

– Тогда возьми кольцо ради меня, в знак своей милости ко мне. Или выброси его, раз оно тебе не нравится. Лучшего применения у меня для него нет. – Он, едва касаясь, провел пальцем по ее щеке, и она вздрогнула. – Сейчас я должен идти, Найнив *машиара*. Амерлин хочет выступить в обратный путь до полудня, а сделать надо еще многое. Возможно, у нас будет время поговорить по дороге в Тар Валон.

Он повернулся и ушел по коридору широким шагом. Найнив коснулась своей щеки. Она по-прежнему чувствовала его прикосновение. Машиара. Что значит – любимая всем сердцем и душой, но также и любовь потерянная. Потерянная и невозвратимая. «Глупая женщина! Хватит вести себя словно девчонка, у которой еще коса не заплетена. К чему давать себе столько воли?»

Крепко стискивая кольцо, она повернулась и вздрогнула, оказавшись лицом к лицу с Морейн.

– Давно вы тут стоите? – требовательно спросила у нее Найнив.

– Не так долго, чтобы услышать нечто такое, чего мне не следовало бы слышать, – спокойно ответила Айз Седай. – Мы скоро уезжаем. Это я слышала. Тебе нужно собраться.

Отъезд. Она не придавала этому значения, когда Лан сказал...

– Мне нужно будет попрощаться с мальчиками, – пробормотала Найнив, затем пронзила Морейн острым взглядом. – Что вы сделали с Рандом? Его отвели к Амерлин. Зачем? Вы рассказали ей о... о... – Она не могла вымолвить этого. Он был из ее деревни, и она, будучи ненамного старше, пару раз оставалась с ним нянькой, но даже думать о том, кем он стал, не могла без содрогания.

– Амерлин встретится со всеми троими, Найнив. Та'верен не такая обычная вещь, чтобы она отказалась от возможности увидеть сразу троих. Может, она ободрит их несколькими словами, так как они отправятся с Ингтаром в погоню за похитителями Рога. Их отряд покинет крепость почти тогда же, когда и мы, поэтому тебе лучше поспешить с прощаниями.

Найнив бросилась к ближайшей бойнице и кинула взгляд во внешний двор крепости. Везде были лошади, вьючные и верховые, вокруг них, окликая друг друга, сустились люди. Единственное свободное пространство окружало паланкин Амерлин, запряженная в него пара лошадей терпеливо ожидала, когда позаботятся и о них. Здесь было и несколько Стражей, они проверяли сбрую своих коней, а в другом конце двора возле Ингтара сгрудились шайнарцы в доспехах. Иногда какой-нибудь Страж или солдат Ингтара быстрым шагом пересекал двор и обменивался несколькими словами с остальными.

– Надо было мне забрать от вас мальчиков, – сказала Найнив, по-прежнему глядя в окно. «И Эгвейн тоже, если б я смогла сделать это, не убив ее. Свет, ну почему она родилась с этим проклятым даром?» – Я должна была отвезти их домой.

– Они уже вполне взрослые, чтобы не цепляться за фартук матери, – сухо заметила Морейн. – И ты очень хорошо знаешь, почему никогда бы этого не сделала. С одним из них, по крайней мере. Кроме того, это означало бы отпустить Эгвейн в Тар Валон одну. Или ты решила не идти сама в Тар Валон? Если ты не обучишься применению Силы, то никогда не сможешь обратить ее против меня.

Найнив крутанулась волчком, повернувшись лицом к Айз Седай с отвисшей челюстью. Совладать с собой ей не удалось.

– Не понимаю, о чем вы говорите.

– Ты думаешь, я не знаю, дитя мое? Ладно, как тебе угодно. Верно понимаю, что ты едешь в Тар Валон? Да, по-моему, так.

Найнив так и подмывало хлесткой пощечиной согнать ту мимолетную улыбку, что озарила лицо Айз Седай. Со времен Разлома Айз Седай не обладали особой властью, во всяком случае их власть была много меньше Единой Силы, но интриговали и умело манипулировали людьми, дергая за ниточки, словно кукольники, играя тронами и государствами, словно фишками на доске для игры в камни. «Она хочет использовать как-то и меня. Если можно короля или королеву, то чем лучше Мудрая? Так, как она использует Ранда. Я не дитя, Айз Седай».

– А что вы намерены делать с Рандом теперь? Мало вы его использовали? Непонятно, почему вы не укротили его, раз тут Амерлин и все эти остальные Айз Седай, но у вас должна быть на то причина. Наверное, вы что-то замышляете. Если Амерлин знает, что у вас на уме, то, готова спорить, она...

Морейн перебила ее:

– Что за интерес может быть у Амерлин к пастуху? Разумеется, если б его выставили перед Амерлин в плохом свете, его могли укротить или даже убить. В конце концов, он тот, кто он есть. И нельзя сбрасывать со счетов случившееся прошлой ночью. Все искали, на кого бы свалить вину.

Айз Седай погрузилась в молчание, позволив ему стать почти осязаемым. Найнив смотрела на нее, скрежеща зубами.

– Да, – наконец сказала Морейн, – намного лучше, чтобы спящий лев продолжал спать. А пока лучше тебе заняться сборами в дорогу.

Она двинулась в ту же сторону, куда ушел Лан, будто скользя над камнем пола.

Скривившись, Найнив с размаху врезала по стене кулаком, кольцо отозвалось в ладони легкой болью. Она раскрыла ладонь и посмотрела на него. Это кольцо подогревало, казалось, ее ярость, вобрав в себя ее ненависть. «Я обязательно научусь. Ты полагаешь, что раз знаешь, то сумеешь спастись от меня. Но я научусь лучше, чем ты предполагаешь, и я сполна тебе выдам за то, что ты сделала. За то, что ты сделала с Мэтом и с Перрином. И за Ранда, помоги ему Свет и защити его Творец. Особенно за Ранда». Пальцы ее сомкнулись вокруг тяжелого золотого кольца. «И за меня».

Горничная в ливрее укладывала платья в обитый кожей дорожный сундук, а Эгвейн взирала на это, по-прежнему немного стесняясь, даже после месяца, когда кто-то делал за нее то, с чем она без труда справилась бы сама. Такие красивые платья, все – подарки леди Амалисы, как и то серое шелковое платье для верховой езды, которое она сейчас носила, хотя оно было простым, всего с несколькими цветками утренних звезд, вышитыми на груди. Многие из подаренных платьев отличались куда более щедрой отделкой. Любое из них затмило бы все на Дне солнца или в Бэл Тайн. Девушка вздохнула, вспомнив, что в следующий День солнца она будет не в Эмондовом Лугу, а в Тар Валоне. Судя по тому немногому, что рассказала ей о подготовке

послушниц Морейн, – на самом деле почти что ничего, – вряд ли повезет быть дома на Бэл Тайн весной или даже на следующий за ним День солнца. В комнату всунула голову Найнив:

– Ты готова? – Она вошла в комнату. – Скоро нам пора спустаться во двор.

Она тоже была одета в платье для верховой езды – голубого шелка с красными цветками любовных узелков на лифе. Еще один подарок леди Амалисы.

– Почти готова, Найнив. Я жалею, что нужно уезжать. Едва ли в Тар Валоне нам представится случай носить эти прекрасные платья, что подарила леди Амалиса. – Она отрывисто рассмеялась. – Однако, Мудрая, тогда не надо будет все время оглядываться через плечо, когда принимаешь ванну. Об этом я скучать вряд ли буду.

– Куда лучше принимать ванну в одиночку, – с живостью откликнулась Найнив. Лицо ее не дрогнуло, но чуть погода щеки у нее заалели.

Эгвейн улыбнулась. «Она думает о Лане». Так странно думать о Найнив, Мудрой, которая влюблена. Она не считала, что разумно говорить об этом с Найнив таким вот образом, но в последнее время Мудрая иногда вела себя так же странно, как и любая девушка, страстно влюбившаяся в мужчину. «И причем в такого, кому недостает здравого смысла, чтобы быть достойным ее. Она любит его, и я вижу, что и он ее любит, так почему он не имеет достаточно здравого смысла, чтобы громко сказать об этом?»

– Я думаю, тебе больше не нужно называть меня Мудрой, – вдруг промолвила Найнив.

Эгвейн заморгала. Вообще-то, Найнив никогда и не требовала от нее подобного обращения, разве что когда сердилась или для проформы, когда требовалось, но это... это что-то новенькое...

– Почему же?

– Теперь ты женщина. – Найнив посмотрела на ее незаплетенные волосы, и Эгвейн с трудом подавила импульс поспешно скрутить из них подобие косы. Айз Седай носили прически, какие им хотелось, но собственные распущенные волосы стали для Эгвейн символом начала новой жизни.

– Ты женщина, – твердо повторила Найнив. – Мы – две женщины, далеко от Эмондова Луга, и до него будет еще дальше, пока мы не вернемся домой. Будет лучше, если ты станешь называть меня просто Найнив.

– Мы вернемся домой, Найнив. Обязательно вернемся.

– Не старайся утешать Мудрую, девочка, – мрачным голосом заметила Найнив, но улыбнулась.

Раздался стук в дверь, но прежде, чем Эгвейн успела ее открыть, в комнату вошла Нисура, на лице – смятение.

– Эгвейн, один из ваших молодых людей пытается пройти на женскую половину. – Судя по голосу, она была шокирована до глубины души. – Да еще с мечом. Только потому, что так ему позволила пройти Амерлин... Лорду Ранду следовало бы быть аккуратнее. Он там всех переполошил. Эгвейн, ты должна поговорить с ним.

– Лорд Ранд! – фыркнула Найнив. – Этот мальчишка перерос свои штаны. Вот доберусь до него, я ему такого лорда покажу!

Эгвейн положила ладонь на руку Найнив:

– Позволь мне поговорить с ним, Найнив. Наедине.

– О-о, очень хорошо. Лучшие из мужчин ненамного лучше прирученного котенка. – Найнив помолчала, потом вполголоса, для себя, добавила: – Но тогда лучшие из них стоят хлопот, чтобы их приручить.

Эгвейн, выходя за Нисурой в коридор, покачала головой. Еще полгода назад Найнив ни за что и никогда не сказала бы последнюю фразу. «Но она никогда не приручит, как котенок, Лана». Мысли ее вернулись к Ранду. Всех переполошил? Он?

– Приручать его? – пробормотала Эгвейн. – Если он к этому возрасту не научился себя вести как следует, я с него живьем шкуру спущу.

– Иногда именно этого они и заслуживают, – сказала Нисура, быстро шагая впереди. – Мужчины всегда воспитаны лишь наполовину, до тех пор пока не женятся. – Она искоса взглянула на Эгвейн. – Вы намерены выйти замуж за лорда Ранда? Я не хотела бы вмешиваться не в свое дело, но вы собираетесь в Белую Башню, а Айз Седай редко выходят замуж – как я слышала, почти никто из них, кроме некоторых из Зеленой Айя, и их очень немного – и...

До остального Эгвейн могла додуматься и сама. На женской половине она слышала всякие пересуды и разговоры о подходящей жене для Ранда. Поначалу они вызывали у нее уколы ревности и гнев. Чуть ли не с детства его сулили ей в мужа. Но она собиралась стать Айз Седай, а он был тем, кем был. Мужчиной, способным направлять Силу. Она могла бы выйти за него замуж. И смотреть, как он сходит с ума, смотреть, как он умирает. Единственный способ избежать такого исхода – укротить его. «Я не могу сделать этого для него. Не могу!»

– Я не знаю, – с печалью сказала она.

Нисура кивнула:

– Никто не станет браконьерствовать в ваших угодьях, но вы собираетесь в Башню, а он будет хорошим мужем. Когда его должным образом воспитают. Вот и он.

У дверей на женскую половину, с этой стороны и в коридоре, толпились женщины, все следили за тремя мужчинами, стоящими у порога. Ранд, пояс с мечом поверх красной куртки, напротив него – Агельмар и Каджин. Ни у того ни у другого мечей не было: даже после случившегося ночью, тем более что это была женская половина. Эгвейн остановилась чуть поодаль.

– Тебе понятно, почему ты не можешь пройти? – говорил Агельмар. – Я знаю, что в Андоре все по-другому, но тебе понятно?

– Я не пытаюсь пройти. – Ранд будто объяснял все это уже не в первый раз. – Я сказал леди Нисуре, что хочу видеть Эгвейн, а она ответила, что Эгвейн занята и мне нужно обождать. Все, что я сделал, – это покричал ей от двери. Я не собирался входить. Можно подумать, я назвал Темного, – так они все на меня накнулись.

– У женщин – свои обычаи, – сказал Каджин. Для шайнарца он был высок, ростом почти с Ранда, долговязый, с желтоватым лицом, а чуб его был черен как смоль. – Для женской половины они приняли свои правила, и нам приходится мириться с ними, пусть даже те и глупы. – От последних слов вздернулась не одна бровь, и он торопливо откашлялся. – Нужно передать послание, если хотите поговорить с кем-то из женщин, но его передадут, когда они сами выберут время, и, пока этого не произойдет, нужно ждать. Таков наш обычай.

– Я должен увидеть ее, – упрямо твердил Ранд. – Мы скоро отправляемся. Не так скоро, как мне хотелось бы, но я все равно должен увидеть Эгвейн. Мы вернем Рог Валир и кинжал, и этому конец. Да, конец. Но перед отъездом я хочу повидаться с нею.

Эгвейн нахмурила брови; слова Ранда звучали очень странно.

– Незачем так горячиться, – сказал Каджин. – Вы с Ингтаром или найдете Рог, или нет. Если нет – то его возвратят другие. Колесо плетет, как того хочет Колесо, и мы – лишь нити в Узоре.

– Не позволяй Рогу завладеть твоим разумом, Ранд, – сказал Агельмар. – Он может пленить человека – мне известно, как это случается, – и это неверный путь. Мужчина должен стремиться исполнить долг, а не искать славы. Что будет, то будет. Если суждено Рогу Валир протрубить на стороне Света – значит так и будет.

– Вот ваша Эгвейн, – сказал Каджин, взглядом отыскав девушку.

Агельмар оглянулся и, заметив Эгвейн рядом с Нисурой, кивнул:

– Оставляю тебя в ее руках, Ранд ал’Тор. Запомни: здесь ее слово – закон, ее, а не твое. Леди Нисура, не будьте слишком строги к нему. Он просто хотел повидать свою девушку, и он не знаком с нашими обычаями.

Эгвейн двинулась вслед за Нисурой, шайнарка пробивала дорогу через толпу женщин, с любопытством смотрящих на девушку. Нисура слегка склонила голову, приветствуя Агельмара и Каджина, подчеркнуто не удостоив кивком Ранда. Голос ее был сух и сдержан:

– Лорд Агельмар. Лорд Каджин. К этому времени ему стоило бы столько знать о наших обычаях, но он слишком большой, чтобы его отшлепать, поэтому я позволю Эгвейн разобратся с ним.

Агельмар по-отечески потрепал Ранда по плечу:

– Вот видишь. Ты поговоришь с ней, пусть даже и не совсем так, как того хотел. Пойдем, Каджин. У нас еще много дел. Амерлин по-прежнему настаивает, чтобы...

Его голос стих, когда оба шайнарца свернули в коридор. Ранд все стоял, глядя на Эгвейн.

А женщины по-прежнему смотрели на них, как сообразила Эгвейн. На нее и на Ранда. Ждут, что же она предпримет. «Итак, значит, я должна с ним разобраться, так?» Но ее сердце просто затопила нежность к Ранду. Ему не помешало бы причесаться. На лице его явственно читались гнев, вызов всем и вся и усталость.

– Ступай за мной, – сказала она ему.

Ранд зашагал рядом с девушкой по коридору, прочь от женской половины, а позади них зашелестели шепотки и ворчание. Ранд, кажется, боролся с собой, силился отыскать нужные слова.

– Я слышана о твоих... подвигах, – наконец сказала Эгвейн. – Бегал прошлой ночью по женской половине с мечом. Явился с мечом на аудиенцию к Престолу Амерлин. – (Он по-прежнему ничего не говорил, лишь шагал рядом, насупившись и уткнувшись взглядом в пол.) – Она... ничего с тобой не сделала? – Она не могла заставить себя спросить, не укротили ли его; он выглядел каким угодно, только не укрощенным, но откуда ей знать, как после такого должен выглядеть мужчина.

Ранд вздрогнул:

– Нет. Она не... Эгвейн, Амерлин... – Он отрицательно замотал головой. – Нет, она мне ничего не сделала.

У нее возникло ощущение, что он собирался сказать что-то совершенно другое. Обычно Эгвейн удавалось из него вытянуть то, что он хотел от нее скрыть, но если в нем верх брало упрямство, тогда для нее проще было бы выковырять ногтями кирпич из стены. Судя по лицу Ранда, упрямей, чем сейчас, он еще никогда не бывал.

– Чего ей от тебя надо, Ранд?

– Ничего особенного. Та'верен. Она хотела увидеть та'верен. – Лицо его смягчилось, когда он посмотрел на нее. – А как ты, Эгвейн? С тобой все в порядке? Морейн сказала, что с тобой все будет хорошо, но ты лежала так неподвижно. Вначале я решил, что ты умерла.

– Ну, я не умерла, – засмеялась девушка. Последнее, что Эгвейн могла припомнить о случившемся, – это как она попросила Мэта пойти с нею в подземелье. Потом – сразу то, как этим утром она проснулась в своей постели. Услышав о минувшей ночи, она почти обрадовалась, что ничего не сохранилось в памяти. – Морейн сказала, что надо было за мою глупость оставить мне головную боль, если б она могла при Исцелении избавиться от всего прочего и оставить лишь мигрень. Но она так не может.

– Я же говорил тебе, что Фейн опасен, – пробурчал Ранд. – Говорил, но ты и слушать не стала.

– Если ты вознамерился разговаривать в таком тоне, – решительно заявила Эгвейн, – то я отведу тебя обратно к Нисуре. Она с тобой вряд ли станет рассусоливать, как я. Последний мужчина, который пытался прорваться на женскую половину, месяц просидел по локти в мыльной воде, помогая в женской прачечной, а он лишь хотел найти свою суженую и затеял спор. Но у него, по крайней мере, хватило ума не тащить с собой меч. Свет знает, что они бы с тобой сделали.

– Каждому хочется что-то со мной сделать, – прорычал он. – Каждому хочется для чего-то меня использовать. Нет уж, мною не попользуетесь. Как только мы отыщем Рог и кинжал Мэта, меня больше никто не использует.

Негодующе заворчав, Эгвейн схватила юношу за плечи и развернула лицом к себе. Гневно посмотрела на него снизу вверх:

– Если ты не начнешь говорить нормально, то, клянусь, я надеру тебе уши, Ранд ал’Тор.

– А теперь ты говоришь совсем как Найнив. – Он засмеялся. Но, посмотрев на девушку, осекся. – Наверное... Наверное, я больше никогда тебя не увижу. Я знаю, что ты отправляешься в Тар Валон. Знаю. И ты станешь Айз Седай. А у меня, Эгвейн, с Айз Седай все кончено. Я не буду марионеткой для них, ни для Морейн, ни для кого-то из них.

Он выглядел таким потерянным, что ей хотелось положить его голову себе на плечо, и таким упрямым, что ей и вправду захотелось надрать ему уши.

– Послушай меня, ты, здоровенный бычок. Да, я собираюсь стать Айз Седай, и я найду, как тебе помочь. Обязательно.

– В следующий раз, когда ты меня увидишь, тебе, скорее всего, захочется укротить меня. Эгвейн поспешно оглянулась вокруг; в этом отрезке коридора они были одни.

– Если ты не научишься следить за своим языком, я тебе помочь не смогу. Хочешь, чтобы все узнали?

– Слишком многие и так уже знают, – сказал он. – Эгвейн, мне бы так хотелось, чтобы все было по-другому, но по-другому не будет. Я хочу... Береги себя. И обещай мне, что ты не выберешь Красную Айя.

Она бросилась ему на шею, в глазах, туманя взор, блестели слезы.

– Это ты береги себя, – горячо говорила Эгвейн, уткнувшись лицом ему в грудь. – Если ты себя не будешь беречь, я... я...

Ей послышалось, как он тихо-тихо произнес: «Я люблю тебя», а затем Ранд решительно разнял ее объятия и мягко отстранил девушку от себя. Потом повернулся и зашагал, почти побежал от нее.

Когда Нисура взяла ее под руку, Эгвейн вздрогнула.

– У него такой вид, словно ты послала его с поручением, которому он совсем не рад. Но не позволяй ему видеть, как ты из-за этого плачешь. Так ты все сведешь на нет. Пойдем. Тебя зовет Найнив.

Утирая щеки, Эгвейн пошла за Нисурой. «Побереги себя, ты, шерстеголовый балбес. Свет, обереги его!»

Глава 9

В путь

Внешний крепостной двор бурлил в упорядоченной суматохе, когда Ранд наконец-то выбрался туда – со своими седельными сумками и узлом с арфой и флейтой. Солнце подбиралось к полудню. Вокруг лошадей суетились и перекликались солдаты и конюхи, подтягивая подпруги и проверяя выючную упряжь. Другие прибежали и приторачивали к выючным седлам походное снаряжение, о котором в спешке забыли, или обносили водой работающих мужчин, или носились с какими-то последними поручениями. Но все, казалось, точно знали, что делают и куда направляются. Дорожки для часовых и галереи для лучников вдоль стен были вновь забиты, и в утреннем воздухе всеобщее возбуждение едва не разряжалось грозой. По каменным плитам глухо стучали копыта. Одна из выючных лошадей начала брыкаться, и конюхи кинулись утихомиривать ее. Густо висел лошадиный дух. Плащ Ранда несколько раз дернулся в порывах свежего ветра, который трепал стяги с устремившимся вниз ястребом, но лук, висящий через спину, не давал плащу улететь.

Со стороны открытых ворот, из-за стены, донеслись топот и звон оружия – там на площади строились копейщики и лучники Амерлин. Из крепости они вышли через боковые ворота. Кто-то из трубачей проверял звучание своего инструмента.

Некоторые Стражи поглядывали на проходящего через двор Ранда; двое-трое, заметив меч со знаком цапли, приподняли брови, но никто ничего не сказал. Половина Стражей носила те самые плащи, при взгляде на которые рябило в глазах. Мандарб, жеребец Лана, был тут – высокий, вороной, со свирепыми глазами, но самого хозяина, как и ни одной Айз Седай, да и никого из женщин, Ранд пока не заметил. Рядом с жеребцом грациозно переступала копытами белая кобыла Морейн, Алдиб.

Гнедой жеребец Ранда был привязан в дальнем конце крепостного двора, где находились Ингтар, знаменщик со стягом Ингтара – с серой совой – и еще двадцать солдат в латах и с пиками, оснащенными двухфутовыми стальными наконечниками; все уже сидели верхом. Решетчатые забрала шлемов закрывали лица, а золотистые сюрко с черным ястребом на груди скрывали под собой пластинчато-кольчужные доспехи. Лишь на шлеме у Ингтара был гребень – полумесяц надо лбом, рожками вверх. Кое-кого Ранд узнал. Грубоватый на язык Уно – с длинным шрамом по подбородку и с одним глазом. Раган и Масима. Другие, с кем когда-то перемолвился словечком-другим или сыграл в камни. Раган помахал юноше рукой, Уно кивнул, но Масима и кое-кто из прочих пронзили Ранда холодными взглядами и отвернулись. Выючные лошади стояли тихо, лишь обмахивались хвостами.

Крупный гнедой затанцевал, пока Ранд пристраивал сумки и узел позади седла с высокой задней лукой. Юноша вставил ногу в стремя и тихо произнес:

– Тише, тише, Рыжий, – и одним махом вскочил в седло, но не стал более успокаивать застоявшегося жеребца.

К удивлению Ранда, со стороны конюшен появился Лойал. Он ехал к отряду верхом на лошади с волосатыми щетками над копытами – большой и тяжелой, как лучший дхурранский жеребец. По сравнению с лошадью огира все прочие животные размером напоминали Белу, но с Лойалом в седле она казалась чуть ли не пони.

Никакого оружия у Лойала Ранд не заметил, да он никогда и не слышал, чтобы кто-то из огир пользовался оружием. Их стеддинги были достаточной защитой сами по себе. А у Лойала были собственные приоритеты, собственные представления о том, что нужно для путешествия. Карманы его долгополой куртки предательски оттопыривались, а в седельных сумках без труда угадывались прямоугольники книг. Немного не доехав до Ранда, огир остановил свою лошадь и посмотрел на юношу; кисточки на ушах неуверенно подергивались.

– Не знаю, куда ты собрался, – сказал Ранд. – Мне-то казалось, что тебе с лихвой хватило путешествия с нами. А на этот раз ничего не известно: как долго все продлится и где все закончится.

Уши Лойала чуть приподнялись.

– Так же ничего не было известно об этом, когда я впервые встретился с тобой. Кроме того, что удерживало тогда, не отпускает и теперь. Я не прошу себе, если упущу возможность увидеть, как на деле история сама обвивается вокруг та'верен. А помочь в поисках Рога...

Вслед за Лойалом подъехали и остановились чуть позади него Мэт и Перрин. Хоть вокруг глаз у Мэта лежали темные круги, свидетельствующие об усталости, но на лице появился румянец.

– Мэт, – сказал Ранд, – прости за те мои слова. Перрин, я не то хотел сказать. Я дурень.

Мэт лишь глянул на него, потом покачал головой и изрек что-то Перрину – Ранд этого не услышал. У Мэта были при себе только лук и колчан, но у Перрина вдобавок виднелся за поясом топор – большой полумесяц лезвия уравнивался длинным шипом.

– Мэт? Перрин? И вправду, я не... – Они повернули лошадей в сторону Ингтара.

– Ты одет совсем не для долгой дороги, Ранд, – сказал Лойал.

Ранд опустил взгляд на золотые колючки, обвивающие кармазиновый рукав, и поморщился. «Чего уж удивляться, раз Мэт и Перрин по-прежнему считают, будто я корчу из себя важную персону». Вернувшись в свою комнату, он обнаружил, что все уже упаковано и отослано. Как сказали слуги, все его полученные в подарок простые куртки уже во व्यоках; и любая куртка из оставшихся в гардеробе по своей нарядности ничем не уступала той, что была на нем. В седельные сумки, кроме пары-тройки рубашек, нескольких шерстяных вязаных чулок и запасной пары штанов, он ничего из одежды не уложил. По крайней мере, Ранд снял с рукава золотой шнур, но значок с красным орлом убрал в карман. В конце концов, это же подарок Лана.

– Я переоденусь, когда мы остановимся на ночь, – пробормотал Ранд. Он сделал глубокий вдох. – Лойал, я говорил тебе то, чего не должен был говорить, и надеюсь, что ты меня простишь. Да, я виноват, но, надеюсь, ты на меня не держишь зла.

Лойал заухмылялся, уши встали торчком. Он придвинул лошадь ближе к Ранду:

– Я все время говорю то, что не должен. Старейшины всегда утверждали, что я сначала час буду говорить и лишь потом начну думать, что же это я несу.

Вдруг у стремени Ранда вырос Лан, в серо-зеленой пластинчатой броне, в которой в лесу или темноте он почти что исчезал с глаз.

– Мне нужно с тобой поговорить, пастух. – Он посмотрел на Лойала. – Наедине, если позволите, строитель.

Лойал кивнул и отъехал на своей большой лошади в сторонку.

– Не знаю, слушать ли тебя, – заявил Ранд Стражу. – Вся эта смешная одежда, да и то, что ты мне говорил, не много мне помогли.

– Когда не по силам одерживать большую победу, пастух, учись довольствоваться малыми. Если ты заставил их думать о себе как о чем-то большем, чем о фермерском мальчишке, которым легко манипулировать, тогда ты одержал малую победу. А теперь молчи и слушай. У меня время для одного, последнего урока, самого трудного. «Вложить меч в ножны».

– Ты каждое утро по целому часу заставлял меня только тем и заниматься, что вытаскивать этот проклятый меч и убирать его в ножны. Стоя, сидя, лежа. Думаю, я сумею вернуть его на место не порезавшись.

– Пастух, я сказал «слушай», – рыкнул Страж. – Настанет момент, когда ты должен будешь во что бы то ни стало добиться поставленной цели. Это может случиться в атаке или в защите. И единственным способом будет позволить мечу вонзиться в твое собственное тело, как в ножны.

– Это безумие, – сказал Ранд. – С чего мне когда-нибудь...

Страж перебил его:

– Когда это время наступит, пастух, ты сам поймешь – когда успех стоит такой цены и другого выбора у тебя не останется. Это и называется – «Вложить меч в ножны». Запомни.

Появилась Амерлин, она пересекала запруженный людьми двор, рядом шагала Лиане со своим жезлом, у другого ее плеча шел лорд Агельмар. Даже в зеленом бархатном кафтане лорд Фал Дара не выглядел неуместно среди такого множества облаченных в доспехи мужчин. Других Айз Седай по-прежнему видно не было. Когда эта троица проходила мимо, Ранд уловил обрывок их беседы.

– Но, мать, – возражал Агельмар, – у вас даже не было времени отдохнуть после долгого пути сюда. Оставайтесь хотя бы на пару дней. Обещаю устроить сегодня вечером такой праздник, какой вы едва ли увидите в Тар Валоне.

Не останавливаясь, Амерлин покачала головой:

– Я не могу, Агельмар. Вам же известно: если б могла, я осталась. Надолго задерживаться я и не планировала, и дела настоятельно требуют моего присутствия в Белой Башне. Мне уже сейчас не помешало бы оказаться там.

– Мать, для меня это позор: вы отбываете на следующий же день после приезда. Клянусь вам, повторения прошлой ночи не будет. Я устроил стражу и у городских ворот, и у ворот в крепости. Я пригласил из города акробатов, из Мос Шираре пришел бард. Да еще из Фал Морана едет король Изар. Я послал весточку, как только...

Голоса постепенно стихли, утонув в шуме предотъездной суматохи. Проходя мимо Ранда, Амерлин лишь скользнула по нему взглядом.

Когда Ранд опять посмотрел вниз, Стража рядом не было и нигде его не было видно. Лойал подъехал опять ближе к Ранду и остановился сбоку:

– Да-а, такого человека поймать и удержать тяжело, правда, Ранд? Его нет здесь, потом он тут, потом он исчез, а ты и знать не знаешь, как он приходит-уходит.

«„Вложить меч в ножны“». – Ранд содрогнулся. – Наверное, все Стражи сумасшедшие».

Страж, с которым разговаривала Амерлин, вдруг взлетел в седло и рванул с места в карьер, уже галопом промчавшись в широко растворенные ворота. Она провожала его взглядом, вся ее поза будто подгоняла его: быстрее, быстрее.

– Куда это он так спешит? – вслух удивился Ранд.

– Я слышал, – отозвался Лойал, – что она кого-то сегодня отправляла до самого Арад Домана. Пришло известие о какой-то смуте на равнине Алмот, и Престол Амерлин хочет точно выяснить, что все-таки там происходит. Чего я не понимаю: почему именно сейчас? Из того, что я слышал, слухи об этих волнениях пришли из Тар Валона вместе с Айз Седай.

Ранд почувствовал озноб. У отца Эгвейн была большая карта – карта, над которой Ранд не единожды сживал, витая в мечтах, пока на своей шкуре не узнал, на что похожи мечты, обернувшиеся явью. Она была старая, эта карта, с нанесенными на нее землями и государствами, о которых купцы из внешнего мира утверждали, что тех больше нет, но равнина Алмот на карте имела, непосредственно гранича с мысом Томан. *Мы встретимся вновь на мысе Томан.* Дорога туда лежала через весь известный Ранду мир, к самому океану Арит.

– К нам это не имеет никакого отношения, – прошептал он. – Никакого отношения.

Лойал, казалось, не слышал. Почесывая нос пальцем, смахивающим на небольшую колбаску, огир по-прежнему внимательно смотрел на ворота, в которых исчез Страж.

– Если ей хочется знать, то почему она не послала гонца до выезда из Тар Валона? Но вы, люди, всегда непредсказуемы и возбудимы, то и дело перескакиваете с одного на другое, торопитесь, кричите. – Его уши вдруг замерли от замешательства. – Извини, Ранд. Вот видишь, это-то я и имел в виду, сказав, что сначала говорю, а потом думаю. Как ты знаешь, я сам порой бываю поспешен и возбужден.

Ранд рассмеялся. Смех оказался нерешительным, но лучше сейчас посмеяться над чем-нибудь.

– Может, если б мы жили так же долго, как вы, огиры, мы были бы гораздо спокойнее. – Лойалу было девяносто лет от роду; по огирским меркам в одиночку его нельзя отпускать из стеддинга еще десять лет. Но все равно то, что он ушел, было доказательством – так утверждал Лойал – его опрометчивости и безрассудства. Если Лойал – легко возбудимый огир, тогда Ранд считал, что большинство из них, наверное, из камня.

– Вероятно, так, – задумчиво протянул Лойал, – но вы, люди, столько всего делаете за свою жизнь. Мы же не делаем ничего, разве только теснимся в наших стеддингах. Выращиваем рощицы и даже здания кое-где строим, но все было свершено до того, как подошло к концу долгое изгнание. – Рощицы и грели душу Лойала, а вовсе не города, по которым люди помнили воздвигших их огир. Ради рощиц, что были посажены строителями-огирами, чтобы напоминать о стеддингах, ради них, дорогих его сердцу рощиц, в надежде увидеть их покинул дом Лойал. – С тех пор как мы обрели путь обратно в стеддинг, мы...

Его слова потихоньку стихали, по мере того как к их отряду приближалась Амерлин.

Ингтар и все остальные зашевелились, собираясь спешиться и преклонить колени, но она знаком велела им оставаться в седлах. Подле нее стояла Лиане, на шаг позади – Агельмар. Судя по его пасмурному лицу, он, видимо, отказался от попыток убедить ее остаться подольше.

Прежде чем заговорить, Амерлин посмотрела поочередно на каждого члена отряда. Ее взгляд задержался на Ранде не дольше, чем на любом другом.

– Да будет благосклонен мир к вашему мечу, лорд Ингтар, – наконец сказала она. – Слава строителям, Лойал Кизеран.

– Вы достаиваете нас чести, мать. Пусть мир будет благосклонен к Тар Валону. – Ингтар поклонился, сидя в седле, и остальные шайнарцы – вслед за ним.

– Все чтут Тар Валон, – кланяясь, сказал Лойал.

Лишь Ранд и оба его друга в другом конце отряда сидели прямо. Ранд гадал, что же Амерлин сказала Мэту и Перрину. Нахмуренный взгляд Лиане буравил всех троих, глаза Агельмара расширились, но Амерлин не обратила на них внимания.

– Вы отправляетесь искать Рог Валир, – сказала она, – и надежда мира отправляется с вами. Рог не может оставаться в несправедных руках, особенно в руках приспешников Темного. Те, кто явится в ответ на его призыв, явятся – кто бы ни призвал их, и они связаны узами с Рогом, а не со Светом.

По внимающим Престолу Амерлин людям пробежала волна. Все верили, что те герои, призванные из могилы, станут сражаться за Свет. Если же они вместо этого могут сражаться за Тень...

Амерлин продолжала говорить, но Ранд уже не слушал. Вновь вернулся невидимый согладатай. Волосы на затылке зашевелились. Он поднял взгляд на забитые любопытными галереи для лучников, тянущиеся вокруг крепостного двора, обежал глазами ряды людей, выстроившихся вдоль зубчатых стен. Где-то среди них есть глаза, которые, оставаясь невидимыми, следили за ним. Этот липкий взгляд пристал к нему, точно грязное масло. «Это не может быть Исчезающий, не здесь же. Тогда кто? Или что?» Ранд повернулся в седле, разворачивая Рыжего, оглядывая все вокруг. Гнедой вновь принялся танцевать на месте.

Вдруг что-то пронеслось перед носом у Ранда. Проходящий позади Амерлин солдат вскрикнул и упал – в бок у него торчала чернооперенная стрела. Амерлин стояла спокойно, глядя на дырку в рукаве платья; кровь медленно расплывалась по серому шелку.

Пронзительно завопила какая-то женщина, и двор крепости вмиг огласился боевыми кличами и вскриками. Люди на стенах закружили в яростном водовороте, все мужчины во дворе обнажили мечи. Даже Ранд – чему сам он несказанно удивился.

Агельмар погрозил своим мечом небу.

– Найти его! – взревел он. – Привести ко мне!

Покрасневшее от гнева лицо Агельмара сделалось смертельно бледным, когда он увидел кровь на рукаве Амерлин. Он пал на колени со склоненной головой:

– Простите, мать. Я не уберег вас. Я опозорен.

– Чепуха, Агельмар, – сказала Амерлин. – Лиане, перестань так трястись надо мной и лучше посмотри, что с этим человеком. Когда я чистила рыбу, у меня бывали царапины и похуже, и не однажды, а ему нужно помочь без промедления. Агельмар, встаньте. Встаньте, лорд Фал Дара. Вы ни в чем предо мной не виноваты, и вам не за что корить себя. В прошлом году, в Белой Башне, с моей собственной охраной у каждых ворот и вездесущими Стражами вокруг, человек с ножом подобрался ко мне на пять шагов. Вне всяких сомнений – белоплащик, хотя доказательств у меня нет. Пожалуйста, встаньте, иначе буду опозорена я. – Когда Агельмар медленно поднялся, она потрогала пробитый стрелой рукав. – Скверный выстрел для лучника-белоплащика или даже приспешника Тьмы. – Ее глаза взглянули чуть вверх, встретившись на миг с глазами Ранда. – Если он метил в меня.

Амерлин отвела взор, прежде чем Ранд успел хоть что-то прочесть по ее лицу, но ему вдруг захотелось прыгнуть с коня и куда-нибудь спрятаться.

«Выстрел был нацелен не в нее, и она об этом знает».

Лиане встала с колен и выпрямилась. Кто-то уже прикрыл плащом лицо солдата, сраженного стрелой.

– Он мертв, мать. – Голос у Лиане звучал устало. – Он уже был мертв, когда ударился о землю. Даже если бы я оказалась подле него...

– Ты сделала что могла, дочь моя. Смерть нельзя исцелить.

Агельмар подошел ближе:

– Мать, если вокруг шныряют убийцы – белоплашники или приспешники Тьмы, позвольте мне послать с вами солдат. Хотя бы до реки. Я не переживу, если с вами в Шайнаре что-то случится. Пожалуйста, возвращайтесь на женскую половину. Пока вы не подготовитесь к дороге, ее будут охранять, порукой – моя жизнь.

– Успокойтесь, – сказала ему Амерлин. – Эта царапина меня ни на минуту не задержит. Да, да, я с радостью принимаю ваш эскорт до реки, раз вы так настаиваете. Но и Ингтара я не стану задерживать ни на миг. Пока Рог не найден, каждый момент на вес золота. Вы разрешите, лорд Агельмар, отдать приказ вашим клятвенникам?

Он согласно склонил голову. В этот момент он отдал бы ей весь Фал Дара, попроси она о том.

Амерлин вновь повернулась к Ингтару и его отряду. На Ранда она больше не взглянула. Он удивился, увидев, как она вдруг улыбнулась.

– Держу пари, Иллиан никогда не устраивал своей Великой охоте за Рогом столь горячих проводов, – сказала она. – Но ваш поиск – подлинная Великая охота. Вас немного, и вы можете передвигаться быстро, но вас достаточно, чтобы свершить то, что должны. Я поручаю вам, лорд Ингтар из рода Шинова, я приказываю всем вам найти Рог Валир, и пусть ничто не преградит вам путь.

Ингтар выхватил из-за спины свой меч и поцеловал клинок:

– Жизнью своей и душой, родом своим и честью клянусь, мать: я исполню приказ.

– Тогда – вперед!

Ингтар развернул лошадь к воротам.

Ранд вбил каблуки в бока Рыжего и галопом понесся за колонной, уже исчезающей в воротах.

Не подозревающие о случившемся в стенах крепости копейщики и лучники Амерлин стеной стояли по обочинам дороги, ведущей от ворот в город, Пламя Тар Валона сверкало у них на груди. Возле ворот ждали готовые к маршу при появлении Амерлин трубачи и барабанщики. На площади перед крепостью, за рядами солдат в доспехах, теснился городской люд. Кое-кто из горожан приветствовал знамя Ингтара, а другие, несомненно, сочли, что это голова отбывающей колонны Престола Амерлин. По площади вслед за Рандом покатился, нарастая, приветственный рев.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.